

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 8 (88)

Academic Journal

Series:

Philology.
Linguistic Studies

Moscow Journal of Linguistics
Volume 14

Moscow 2012

В Е С Т Н И К Р Г Г У
№ 8 (88)

Научный журнал

Серия «Филологические науки.
Языкознание»

Московский лингвистический журнал
Том 14

Москва 2012

УДК 1(07)
ББК 87я7

Главный редактор
Е. И. Пивовар
Заместитель главного редактора
Д. П. Бак
Ответственный секретарь
Б. Г. Власов

Серия
«Филологические науки. Языкознание» /
Московский лингвистический журнал

Редакционная коллегия серии:
С.И. Гиндин – главный редактор серии
Н.Г. Семенова – ответственный секретарь серии
А.В. Дыбо
О.А. Казакевич
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Р.И. Розина
М.Б. Рукодельникова
Я.Г. Тестелец
З.М. Шаляпина

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

In memoriam

Прощаясь с Ю.А. Шихановичем

С.И. Гиндин	
Учитель лингвистов.....	9

Е. Ш.	
Ю.А. Шиханович до прихода к лингвистам: Биографическая справка.....	11

Вспоминают коллеги

С.А. Ковалев	
Хорошо организованная Вселенная.....	12
М.И. Белецкий	
Педагог, правозащитник, ценитель поэзии.....	14
А.Б. Сосинский	
Вспоминая Юру Шихановича.....	21
А. Вентцель	
В кабинете у Петровского.....	25
И.Е. Бурмистрович	
О Ю.А. Шихановиче.....	26
Г.Б. Шабат	
Юрий Александрович в РГГУ.....	29

Вспоминают ученики

Г.Е. Крейдлин	
Несколько слов о Ю.А. Шихановиче.....	32
А. Раскина	
Без экзамена.....	35
В. Раскин	
Об уважении несогласия.....	38
Н.В. Перцов	
О Юрии Шихановиче (и не только о нем) – «все лучшие воспоминанья» полвека спустя.....	39
Н.В. Браккер	
О Шихановиче.....	45
В. Кейдан	
Памяти учителя и друга.....	49
Т.В. Штарева	
Репетитор.....	52

<i>Ю.А. Шиханович</i>	
<i>Видеоинтервью, данное В.В. Файеру 24 апреля 2010 г.....</i>	54

Теоретические и описательные исследования

К.Т. Гадилия	
Ирано-балканские параллели (категория определенности и неопределенности).....	73
А.С. Житниковская	
Семантические особенности обособленного определения в современном английском языке.....	79
М.М. Козырева	
Особенности употребления ненормативной лексики и сложности ее перевода с английского языка на русский (на материале фильма «Дневник Бриджит Джонс»).....	87
М.Б. Рукодельникова	
Негативные конструкции в дунганском языке с точки зрения типологической перспективы его развития.....	95
Т.В. Скулачева	
Синтаксис стиха: полноударные строки пятистопного ямба А. Попа и Дж.Г. Байрона.....	102
А.Я. Шайкевич	
Лексика русской прозы XIX в. на фоне Национального корпуса русского языка.....	110

Дискуссии. Отклики

Я.Г. Тестелец	
По материалам Круглого стола о проблеме происхождения языка.....	130
С.А. Бурлак	
Человеческий язык как коммуникативная система-комментарий.....	132
Е.Н. Панов	
Что может дать изучение коммуникации животных для проблемы происхождения языка?.....	146

Лингвистика в кругу наук

А.С. Ванюков	
Генерирование метафор как показатель инородности «декамероновской» истории в «Жизнеописании Эзопа».....	174

Московские лингвисты

И. Мельчук	
Виктор Юльевич Розенцвейг (1911–1998).....	202
М.Р. Кауль	
О лингвистическом наследии С.С. Хидекель.....	221
Abstracts.....	232
Об авторах.....	235
General data about the authors.....	238

CONTENTS

In memoriam

Farewell to Yuriy Shikhanovitch

S. Gindin	
Teacher of linguists.....	9
E. Sh.	
Yuriy Shikhanovitch before coming to linguists: Biographical note.....	11

Colleagues' recollections

S. Kovalev	
Well-organized Universe.....	12
M. Beletskij	
Teacher, Human Rights Activist, Connoisseur of Poetry.....	14
A. Sossinsky	
Remembering Yura Shikhanovich.....	21
A. Wentzell	
In Petrovsky's office.....	25
I. Burmistrovich	
About Yu. A. Shikhanovich.....	26
G. Shabat	
Yu. A. Shikhanovich in the RSUH.....	29

Disciples' recollections

G. Kreidlin	
Some words about Yu. A. Shikhanovich.....	32
A. Raskina	
Without the exam.....	35
V. Raskin	
Respect for Disagreement.....	38
N. Pertsov	
On Yuriy Shikhanovich (and not only) – «all best reminiscences» half a century later.....	39
N. Brakker	
About Yu. A. Shikhanovich.....	45
V. Keidan	
In memory of my friend and teacher.....	49
T. Shtareva	
Private Tutor.....	52

<i>Yuriy A. Shikhanovich</i>	
<i>Video interview recorded by Vladimir Fayer on 24. April 2012.....</i>	54

Theories and Descriptions

K. Gadilia	
Iranian and Balkan language parallels (the category of indefiniteness and definiteness).....	73
A. Zhitnikovskaya	
Semantic peculiarities of detached attributes in modern English.....	79
M. Kozyreva	
Offensive language and the difficulties of its translation from English to Russian (as exemplified by subtitles in the «Bridget Jones' Diary»).....	87
M. Rukodelnikova	
Negation and prospect of typological change in Dungan.....	95
T. Skulacheva	
Syntax of Verse: Full-stressed iambic pentameter of Alexander Pope and George Byron.....	102
A. Shaikevich	
Lexicon of XIX century Russian prose in comparison with the National corpus of the Russian language.....	110

Discussions. Comments

J. Testelefs	
From the papers of the Round Table on language origin.....	130
S. Burlak	
Human language as a communication commentary-system.....	132
E. Panov	
What can the study of animal communication give for the understanding of the emergence of the language?.....	146

Linguistics Among the Other Sciences

A. Vanjykov	
Generation of metaphors in «decameronic» episode of the Life of Aesop as a sign of its alien origin.....	174

Linguists of Moscow: Historiography, Biographies, Memoirs

I. Mel'čuk	
Viktor Ju. Rosenzweig (1911-1998).....	202
M. Kaul	
On linguistic legacy of Sara Khidekel.....	221
Abstracts.....	235
General data about the authors.....	238

In memoriam

Прощаясь с Ю.А. Шихановичем

Воспоминания о Юрии Александровиче Шихановиче, более четверти века преподававшем математику в лингвистических заведениях Москвы. Впервые публикуется интервью Ю.А. Шихановича, описывающее его педагогический путь и принципы преподавания.

Ключевые слова: Ю.А. Шиханович, история лингвистического образования в России, особенности преподавания математики лингвистам.

Учитель лингвистов

1 сентября 2011 года не стало Юрия Александровича Шихановича... Боль утраты ощущают все, кто знал и любил его, а может, и те, кто не был знаком с ним и знал его по чужим рассказам, скажем, по портрету, набросанному в «Воспоминаниях» Андрея Дмитриевича Сахарова...

И все же для сотрудников и студентов Института лингвистики РГГУ мера этой утраты совершенно особая. Один из пионеров современного лингвистического образования в СССР, Юрий Александрович после четверти века вынужденного перерыва возобновил свою преподавательскую работу именно в РГГУ, на факультете теоретической и прикладной лингвистики. Придя на молодой тогда факультет, Юрий Александрович поддержал его своим именем и авторитетом, как бы передав ему прямую эстафету от романтического

© Гиндин С.И., 2012

С.И. Гиндин

периода становления лингвистических отделений 1960-х годов и надежду, что именно здесь чаяния той поры наконец-то воплотятся.

С того момента он проработал на факультете почти 17 лет, вдвое больше, чем когда-то на ОСиПЛе МГУ. Все студенты факультета в 1990-е годы и большая часть студентов Института лингвистики с начала XXI века прошли его уроки. Все преподаватели института в эти долгие годы работали бок о бок с Юрием Александровичем, находились под его обаянием, пользовались его советами, учитывали его педагогический опыт.

С уходом Юрия Александровича мы осиротели, и нам захотелось на страницах нашего журнала хоть отчасти задержать время, попытаться в меру наших сил сохранить для себя и для тех, кто придет позже, какие-то черточки дорогого нам человека, его мысли и поступки.

На инициативу редакции откликнулись многие. Те, к кому непосредственно обращались члены редколлегии (львиную часть работы взяла на себя О.А. Казакевич), по собственному почину находили других авторов, и наша подборка воспоминаний все больше обретала свойства самоорганизации. Если б не ограниченность времени до сдачи номера, она наверняка обогатилась бы еще многими свидетельствами.

Собранные материалы различны по степени подробности, по хронологическому охвату, порой пересекаются по темам и эпизодам. Чтобы как-то упорядочить эту разнородную массу, мы разделили ее на две части: «Вспоминают коллеги» и «Вспоминают ученики». «Возрастное» деление в данном случае совпало с профессиональным: почти все авторы первой части математики, все авторы второй части – лингвисты (по крайней мере, по образованию).

Внутри каждой из частей воспоминания расположены, как правило, в порядке знакомства их авторов с Ю.А. Шихановичем. Очерк С.А. Ковалева, содержащий попытку обобщающего портрета, и воспоминания Г.Е. Крейдлина, охватывающие почти весь путь Юрия Александровича, вынесены в начало первой и второй частей.

Воспоминаниям предпослана краткая справка об основных событиях «допедагогической» биографии Юрия Александровича, подготовленная его дочерью, Екатериной Шиханович. А за подборкой воспоминаний мы помещаем расшифровку видеointервью, в котором сам Юрий Александрович рассказал о своем пути, о написанных им книгах, об учениках, о педагогических принципах. Думаю, что читатели разделят нашу благодарность В.В. Файеру, успевшему провести это интервью, Е.Ю. Шиханович и О.В. Коробцовой, взявшим на себя нелегкий труд расшифровки устного рассказа и его перевода в письменную форму.

С.И. Гиндин

Суворовец, 1949 г.

Ю.А. Шиханович до прихода к лингвистам

Биографическая справка

Юрий Александрович Шиханович родился 9 апреля 1933 г. в Киеве, в семье врачей. Мать умерла 23 июня 1941 года. Отец пропал без вести на фронте в октябре 1941 г., старший брат – в конце 1942 г. Его дедушка погиб в Бабьем Яре. В июне 1941 г. родственники вывезли восьмилетнего Юру из Киева в эвакуацию, несколько месяцев он был в детском доме в Новосибирске, потом стал жить у брата отца в Самарканде. С 1944 по 1949 год учился в Суворовском училище в Туле (5–9 классы), откуда отчислился по собственному желанию и вернулся в Киев. В 1950 г. окончил там школу и поступил на мехмат Киевского государственного университета. После первого курса перевелся на мехмат МГУ, который окончил в 1955 г. В марте 1955 г. женился на своей однокурснице Алевтине Петровне Плюсниной, они будут вместе до ее кончины от рака в октябре 2007 г. В июне 1956 г. у них родилась дочь Екатерина.

С 1955 до 1957 г. преподавал в МАИ и МЭИ и работал в Лаборатории электро моделирования АН СССР. В 1960 г. окончил аспирантуру при кафедре математической логики мехмата МГУ.

Е.Ш.

Вспоминают коллеги

1957 год.

С.А. Ковалев

Хорошо организованная Вселенная

Что мы имеем в виду, повторяя многократно слышанное: «Каждый человек – это Вселенная»? Все принимают эти слова легко и легко соглашаются с ними, считают даже самоочевидными, но что это все-таки значит?

Думаю, эта крайне неточная, скорее, только интуитивно ясная формула понимается приблизительно так: все мы, как капли воды, схожи лишь в немногих, самых главных чертах, напрочь лишенных всякого намека на индивидуальность, и потому неинтересных. Это, так сказать, грубая схема строения, строка в зоологической номенклатуре. Личность же неповторима, единственна и автономна. В этом ее тождество со Вселенной.

Эти соображения не идут из головы, когда вспоминаешь покойного Юрия Александровича Шихановича. Он был как будто спе-

© Ковалев С.А., 2012

циальный демонстрационный экземпляр (простите мне низкий стиль, здесь это все же лучше, нежели воспарить в патетику), сконструированный для того, чтобы, глядя на него рассуждать о человеке и Вселенной. Это и в самом деле была хорошо организованная (я бы сказал самоорганизованная), точно сформулированная Вселенная, отнюдь не замкнутая в себе, но надежно самодостаточная. Безупречно детерминированная, построенная рационально и последовательно, в полном согласии со словами Эйнштейна – «Бог в карты не играет». (Я понятия не имею о космологических воззрениях Юры, речь идет о его внутреннем мире, как я его понимаю.) Юрий Александрович был ученым до мозга костей. Он осуществлял свой врожденный талант в своей науке, а его наука формировала его характер. Временами, когда удавалось, это была счастливая гармония способностей и судьбы.

Он не был прагматиком – какой прагматик полез бы в дела, прямиком ведущие в тюрьму? Он был упрямым и последовательным рационалистом – таков был его внутренний мир. Доказанные теоремы были ему милее излишних постулатов, не до конца обоснованные табу были ему подозрительны. Он стремился рассчитывать результаты своих решений и умел это делать блестяще. В этом была его сила, но в этом же и слабость. Я думаю, что неприятные случаи, сопутствовавшие судебным расследованиям, стали следствием Юриноho страстного желания все расчислить и предугадать. Но здесь я не хочу говорить об этом.

Не бывает серьезного ученого, чей характер не был бы наделен сахаровскими чертами. Шиханович обладал ими в высокой мере. Принципиальность, объективность, беспристрастность, внимательная строгость оценок, вместе с тем доброжелательных. Не мне судить о нем как о математике, педагоге и авторе учебных пособий – но вот о соавторе и соредакторе «Хроники текущих событий» я могу говорить с полным основанием.

Юра стал одним из главных создателей постепенно совершенствовавшегося стиля «Хроники», стиля безоценочного, строго фактичного, безупречно достоверного. Этот стиль оказался гораздо выразительнее многих эмоционально приподнятых, тяготеющих к литературе самиздатских заметок. Добротная журналистика должна быть точной, и только. Советскую действительность излишне было красить в темные тона, она сама предпочитала коричневое одеяние. Юрий Александрович был скрупулезно, до мелочей точен. Он придирчиво выверял не только смысл каждой фразы, но и все ее стилистические оттенки. Разумеется, Шиханович был отнюдь не единственным приверженцем аккуратности. Однако именно его скрупулезность рождала мифы. И если кто-нибудь в шутливом

М.И. Белецкий

разговоре употреблял слово «зануда», все точно знали, о ком идет речь.

Замечу, что у меня был прекрасный случай оценить пользу и достоинство нашей точности. Литовское следствие, когда я сидел в Вильнюсе, предприняло небывало массовую отчаянную попытку уличить «Хронику» во лжи. Смешно и приятно было читать в протоколах регулярные ответы на запросы следственной бригады: «...сообщение (номер выпуска, месяц, страница) клеветнического антисоветского издания «Хроника текущих событий» о ... (эпизод)... в основном соответствует действительности».

Шиханович был одним из самых значительных людей, благодаря влиянию которых «Хроника» заняла то место в истории страны, и, я бы сказал, то место в истории мировой правозащитной культуры, которое она заняла.

Хочется также упомянуть о его теплой дружбе с А.Д. Сахаровым и Е.Г. Боннэр.

При всей своей строгости и концентрированности на интересах дела, он был человек открытый и веселый. По-своему. Очень по-своему. Манера и стиль только ему присущих юмора и сдержанного веселья были приятны и трогательны.

У Юры Шихановича была еще одна доминирующая черта характера – он был до удивления заботлив, трогательно и тактично внимателен к людям. Он никогда не забывал о нуждах друзей, ненавязчиво, но настойчиво и вовремя напоминал тебе о твоих собственных нуждах и сроках, готов был потратить все свое время для того, чтобы помочь.

Имя Юрия Александровича Шихановича не подлежит забвению. Никогда не помышляя о своей роли, не стремясь к тому, он, тем не менее, вошел в историю. Там его место.

Я благодарен ему за дружбу.

М.И. Белецкий

**Педагог, правозащитник,
ценитель поэзии**

Мне трудно вспомнить, когда я познакомился с Юрием Александровичем Шихановичем. Возможно, мы как-то пересекались еще в годы обучения на мехмате МГУ (1951–1956), где я учился курсом младше, чем он. Не помню. А вот особенно сблизился много позже, когда я уже жил и работал в Киеве.

© Белецкий М., 2012

Сблизили нас два круга интересов.

Во-первых, преподавание математики лингвистам. Где-то в конце 60-х годов я начал преподавать математику на вновь образованном отделении математической лингвистики филологического факультета Киевского университета. К тому времени уже несколько лет как вышла книга Шихановича «Введение в современную математику», ставшая настольной для тех, кто преподавал математику студентам-гуманитариям, в первую очередь – на возникающих отделениях математической лингвистики. Вообще эта книга и сама личность Юрия Александровича наложили неизгладимый отпечаток на преподавание на этих отделениях в самых разных городах Союза, и его влияние здесь, наверное, продолжается по сей день. (Добавлю, что несколько позже я увидел, что это «Введение» служит учебником и для студентов-кибернетиков КГУ.) Сам я познакомился с этой книгой, подаренной автором, задолго до начала своей преподавательской деятельности и независимо от нее, так что, приступая к работе, хорошо представлял себе значимость используемого в ней подхода для моей цели – введения будущих гуманитариев в мир математики. Им ведь нужно не навыки, скажем, в дифференцировании и интегрировании, а понимание простых, но глубинных сущностей, лежащих в основе математики, таких понятий как «множество», «функция», «отношение». Я не ошибусь, высказав предположение, что названная книга, дающая такое понимание, была положена в основу вводного курса, с которого начиналось изучение математики едва ли не на всех отделениях математической лингвистики в стране. На ее базе строились следующие математические курсы, знакомящие с основами конкретных дисциплин: математического анализа, алгебры, математической логики. И весь этот в общем-то объемный набор курсов был направлен на ознакомление с математикой как языком и методом мышления. Много позже Ю. А. издал материалы всех математических курсов, прочитанных им студентам-лингвистам в 1960-е и в последующие годы; эти 5 томов вышли из печати уже в 2000-х годах, последний из них в 2011-м, незадолго до его смерти.

Но это предстояло еще нескоро. А в те годы, с которых я начал рассказ, мы, преподаватели отделений матлингвистики в разных городах, согласовывали планы курсов в переписке или в поездках друг к другу. Яркое впечатление осталось у меня уже от первого посещения занятия (или лекции) Ю. А., к которому я, готовя свои курсы, приехал с целью «перенять опыт». Одним из первых вопросов, который мы обстоятельно обсудили перед лекцией, был о форме обращения друг к другу. Решено было (по его предложению) обращаться на «ты», но по имени-отчеству: «ты, Юрий Александрович»,

М.И. Белецкий

«ты, Михаил Иванович». Но что меня поразило – то, что он и всех своих студентов, юных первокурсников, тоже величал по имени-отчеству – вряд ли много таких примеров наберется со времен Октябрьской революции.

Со многими из его бывших студентов, мне доводилось общаться впоследствии, и для каждого из них впечатление от личности Ю. А. осталось одним из самых ярких за время обучения в университете. Начиная с манеры держаться – абсолютная логичность во всем, общая невозмутимость, безукоризненная законченность каждой фразы. Экзамен у Шихановича относился к числу тяжелейших испытаний для студентов – у каждого проверялись знания по всему курсу. И когда у экзаменатора возникало сомнение относительно выбора между двумя оценками (а оно, как правило, возникало), студенту для получения более высокого балла давалась достаточно сложная задача, и время на ее решение не ограничивалось. Себя же Ю. А. не жалел совершенно: начав экзамен с утра, он чаще всего не успевал окончить его к моменту закрытия здания, после чего экзаменатор с оставшимися экзаменуемым переходили в расположенное поблизости здание Центрального телеграфа. Все это знаю по рассказам его бывших студентов. Казалось бы, воспоминание о такого рода экзаменах не должно было настраивать на особо теплые чувства по отношению к экзаменуемому. Но нет, вспоминали его с теплотой и симпатией. Думаю, в большинстве своем они осознавали, что обучение у Шихановича изменило сам метод их мышления. А уж в трудах тех из них, кто по-серьезному занялся наукой, явно ощущается его влияние.

Второе пересечение наших интересов происходило в совершенно другой плоскости.

Конец 60-х – начало 70-х годов было временем расцвета самиздата. Приходя в каждый московский интеллигентский дом, наряду с последними новостями о том, кого посадили, кого выгнали с работы и тому подобное, гости и хозяин обменивались и самиздатскими, а то и тамиздатскими новинками, магнитофонными записями. В эти годы существенно расширился диапазон самиздата: в нем все чаще стали появляться произведения большие по объему – как аналитические тексты, так и воспоминания, и художественная проза. Основной формой издания оставались машинописные копии на папиросной бумаге, для удобства чтения переложенные листами чистой. Реже встречались фотокопии, в том числе с зарубежных изданий. Особо редкие книги, а также те, спрос на которые резко обгонял предложение, давались на очень короткий срок, например на одну ночь, и тогда счастливый читатель эту ночь уже не спал.

А если в его руках оказывалась книга с расшитыми листами, то рядом с ним сидели его домочадцы и приглашенные друзья, передавая друг другу прочитанные страницы. Технология работы с короткими текстами была другая. Там хорошим тоном считалось не только прочесть текст, но и увеличить его тираж. Многие перепечатывали его на 10 листах папиросной или на 5 обычной бумаги, один экземпляр оставляли себе, часть оставшихся отдавали хозяину исходного, а часть – своим знакомым для дальнейшего распространения. Так что эти короткие тексты распространялись достаточно быстро и широко. Конечно, широта и скорость распространения были не только прямо пропорциональны интересности текста, но и обратно пропорциональны его опасности. К тому времени распространение самиздата стало на промышленную ногу. Печатали нанятые машинистки, обычно знакомые, говоря по-нынешнему, менеджеру работ, что обеспечивало надежность.

Я довольно часто приезжал из Киева в Москву, у меня здесь было много друзей и соответственно – много возможностей общения к самиздату. Но очень скоро его главным источником для меня стал Шиханович. К тому времени он потерял работу в МГУ. Его уволили, если не ошибаюсь, в 1968 году с абсурдно звучащей по отношению к нему формулировкой: «в связи с профессиональной непригодностью». Но всем было ясно, что реальной причиной были подписанные им письма протеста против начавшихся репрессий – такая форма расправы с «подписантами» приобретала характер нормы. Так Юрий Александрович был на четверть века (!) отлучен от преподавательской деятельности.

Мне довольно скоро стало ясно, что распространением самиздата Юра занимается, можно сказать, профессионально. (Отойдя от научно-преподавательской темы, я позволю себе, как было естественно принято, называть его просто по имени.) Если у остальных я мог получить мелкую вещицу случайно, то у Юры набор последних материалов был весьма широк, и значительную часть наименований можно было взять с собой. Если у других с каким-либо крупным произведением можно было только коротко познакомиться (на прочтение просто не хватало времени), то у Юры его можно было заказать или купить готовым. Кстати сказать, изготовление и распространение самиздата было делом отнюдь не прибыльным. В цену конечного продукта входила только оплата труда машинисток (по стандартной таксе – риск, которому они подвергались, в расчет не принимался) и стоимость бумаги – без всякой прибавочной стоимости.

Так через Юру я раздобыл массу самиздата, к которому приобщал уже своих киевских друзей и знакомых. Думаю, если бы поставить его рядом на полке, на полметра набралось бы. Были здесь про-

изведения всех жанров. В частности, отдельные номера «Хроники текущих событий», которую, в отличие от остального самиздата, я у себя не хранил, а передавал дальше в надежные руки, — кажется, это был единственный из перевозимых материалов, воспринимаемый мною как особо опасный. В основном же была мемуарная и художественная литература (например, воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам, Максимов, практически весь появлявшийся Солженицын). Особо запомнилась одна из последних дошедших для меня самиздатских книг — «Август четырнадцатого» Солженицына. Это был настоящий шедевр: на хорошей бумаге, с четкой печатью (очевидно, в закладке было 5 страниц и не жалели копирки), хорошо переплетенный, а главное с огромным количеством фотографий исторических действующих лиц — и Николая, и Александры, и Николая Николаевича, и Брусилова, и многих военачальников, и просто эпизодов войны, и, конечно, с портретом автора. Это уникальное издание показывало, до каких вершин мог бы дойти самиздат, если бы его не остановили.

А в январе 1972 года власть нанесла удар. 13 января по Би-Би-Си прозвучали первые сообщения о массовых обысках и арестах в Москве и в Украине. Через два дня среди тех, у кого проводились обыски в Москве, я услышал имена двух своих друзей — Кронида Любарского и Юрия Шихановича. А еще через два дня Кронид был арестован.

В следующие полгода с небольшим мы с Юрой продолжали иногда видеться в мои короткие приезды в Москву. Конечно, сейчас речи о передаче самиздата уже не могло быть, эта деятельность свернулась. Главным содержанием наших бесед, как и вообще бесед московской интеллигенции, было обсуждение тревожных событий, прежде всего — судеб арестованных, среди которых были наши друзья и немало так или иначе знакомых людей. А в сентябре арестовали самого Юру.

Ни обыск, ни арест Юры меня не удивили — я связывал его с тем, что он был активным распространителем и, судя по всему, организатором распространения самиздата. И только много позже, уже после распада Союза, в 1990-х, а то и 2000-х годах я узнал, что претензии к нему были гораздо серьезнее. Сегодня, порывшись в Интернете, можно узнать, что Ю. Шиханович начиная с января 1972-го года принимал участие в подготовке «Хроники текущих событий». С января 1972-го — то есть сразу же после первых арестов, прошедших как раз по делу о «Хронике» и затронувших первую группу ее активистов, в том числе и Кронида Любарского, о причастности которого к «Хронике» я тоже не знал. На смену им и при-

шел Шиханович. И продолжал работу над «Хроникой» до самого последнего номера. Цитирую Википедию: «Издание “Хроники текущих событий” прекратилось после ареста 17 ноября 1983 г. Юрия Шихановича, в течение многих лет игравшего существенную роль, а с мая 1980 г. — одну из определяющих при выпуске бюллетеня».

Обращаю внимание читателя: все это я узнал из Интернета. Пока существовала советская власть, о деятельности такого рода не принято было рассказывать даже друзьям, и это естественно — таковы элементарные и необходимые требования конспирации. Но Юра не рассказывал мне об этом и после крушения Союза, хотя мы время от времени виделись, говорили на разные темы, включая историю правозащитного движения. Единственное возможное объяснение — его абсолютная скромность, не позволяющая рассказывать о себе что-либо «героическое».

Итак, в январе 1972 г. в жизни Юры начался новый период — работы над «Хроникой», ареста, психушки, нового ареста, лагеря — окончившийся освобождением только в годы перестройки, в феврале 1987 г. Пятнадцать лет.

В эти годы наше общение не было интенсивным: мне реже случалось бывать в Москве, а к переписке в те годы относились с осторожностью. Из редких разговоров и писем я узнавал немного. В частности, то, что Юра дружил с Сахаровым и ездил повидать своих сосланных друзей.

Опосредствованный «привет» от Юры я получил осенью 1972 г. в ближайшие месяцы после его ареста. Меня вызвали в Киевское областное управление КГБ на улице Розы Люксембург («на свидание к Розе», как говорили киевляне), и вежливый молодой человек спросил: «Что вы можете рассказать о Юрии Александровиче Шихановиче?» Ну, здесь мое положение было несложным — было очевидно, что все их сведения о наших отношениях ограничивались моим адресом, обнаруженным в записной книжке или на почтовом конверте. Так что моим объяснениям, что наши отношения носили чисто профессиональный характер, гебистам нечего было противопоставить.

Часто отношения двух людей развиваются по такой схеме: в юности дружат, затем связи постепенно ослабевают, а к старости они совсем теряют друг друга. У нас с Юрой шло по противоположной схеме — с течением лет связи становились теснее и теплее. Здесь нужно сказать доброе слово в адрес Интернета, которому мы этим обязаны. Оба мы по натуре люди более письменные, чем устные, а электронная почта предоставляет возможность мгновенного письменного общения. (Кстати, о нашем общении на расстоянии. Мы с

Юрой родились в один день, но с разницей в два года, он старше. Так вот, у нас установилась давняя традиция – в наш общий день рождения звонить друг к другу с поздравлениями.)

Возвращаюсь к электронной почте. В последние три-пять лет мы обменивались письмами едва ли не ежедневно, а то и по нескольку раз в день. В основном это были сообщения приобретающего популярность жанра – линки на разные интересные сообщения в Интернете и обмен комментариями по этим сообщениям, время от времени перерастающий в развернутую дискуссию. Сейчас, просмотрев последние письма, я обратил внимание на то, с каким вниманием Юра следил за событиями в Украине, расспрашивал о них у меня и зачастую дискутировал со мной.

И была в нашем общении последних лет еще одна тема, за обсуждение которой я Юре очень благодарен. Работая над своими воспоминаниями, я каждую готовую часть посылал нескольким друзьям, в том числе и ему. Посылал просто для прочтения, надеясь, что это им будет интересно. Юра же не ограничивался прочтением, он со свойственным ему педантизмом отмечал все места, которые необходимо или желательно исправить или дополнить. Его замечания касались и языковых промахов, и содержания. В последнюю нашу встречу он выложил передо мной три листа, исписанных его характерным четким почерком, – несколько десятков замечаний.

Особенно ценными были замечания, касающиеся описания общественной ситуации 60-70-х годов, правозащитного движения – эти темы занимали у меня существенное место. А уж в этих вопросах Юра был носителем богатейшей информации, зачастую уникальной. Как жаль, что он не написал об этом сам!

В последний раз мы с Юрой встретились в июне 2011 года, за несколько месяцев до его смерти. Встретились в Киеве, который он давно собирался снова посетить. Здесь он родился, кончал школу, начинал учиться в университете. Юра любил Киев. Как-то он сказал, что здесь отношения между людьми, даже незнакомыми, теплее, чем в Москве.

И вот в июне он вместе с дочерью Катей на три дня приехал в Киев. Здесь он наметил несколько маршрутов по знакомым местам. Ходил он уже медленно, сердце не позволяло быстрее. Меня удивляло, что, тем не менее, за день он проходил много – не меньше, чем обычно прохожу я со своим здоровым сердцем. В последний день мы все вместе ходили в окрестностях Бабьего Яра. И все эти дни у меня было ощущение, что Юра приехал с Киевом прощаться.

А последнее впечатление от Юры для меня было совсем неожиданным. Примерно за полчаса до выхода из нашего дома на вокзал

Юра начал читать стихи – я никогда не слышал, чтобы он это делал раньше. Читал в основном неизвестные стихи поэтов Серебряного века, и читал великолепно. И уже в дверях, в ответ на наши восторженные отзывы: «Чтение стихов – моя вторая профессия». Многим ли посчастливилось увидеть и такого Шихановича?

А.Б. Сосинский

Вспоминая Юру Шихановича

Я познакомился с Юрой Шихановичем, вернее, узнал о его существовании в конце пятидесятых. Будучи студентом мехмата МГУ, я ходил на почти все курсы по математической логике и посещал знаменитый семинар Андрея Андреевича Маркова, где обратил внимание на Шихановича, аспиранта кафедры математической логики.

Собственно говоря, не заметить Юру было довольно трудно: он был одним из самых активных участников семинара, внимательно слушал и конспектировал все доклады и часто задавал вопросы. Вопросы его не были общими или концептуальными, они, как правило, касались деталей формулировок или доказательств и часто раздражали докладчиков, а иногда и самого Андрея Андреевича. Но Юра их задавал не из крохоборства или придирчивости, а только тогда, когда чего-либо не понимал. А это бывало часто – Юра катастрофически не принимал нестрогие, нечеткие высказывания, очень плохо видел полутона, плохо воспринимал нюансы.

Эта его черта, мне думается, во многом определила и выбор профессии (недаром он стал логиком), и его общественную позицию (не мог же он спокойно относиться к лицемерию, демагогии и лжи советской власти).

Тогда мы мало общались, и я очень удивился, когда в самом начале шестидесятых (точный год мне вспомнить не удалось) Юра пригласил меня вести практические занятия по курсу математического анализа, который он читал на филфаке, на недавно созданном Отделении структурной и прикладной лингвистики. Я охотно согласился – получившийся приработок оказался совсем не лишним для моей семьи (жены и годовалого ребенка), живущей на аспирантскую стипендию.

Курс Юрия Александровича Шихановича на Отделении структурной и прикладной лингвистики и обстановка вокруг него до-

стойны развернутого описания. Я ограничусь немногим. Представьте себе небольшую аудиторию, в основном состоящую из ужасно интеллигентных девиц, панически боящихся математики и мучительно пытавшихся освоить курс анализа при полном непонимании необходимости этого курса для их лингвистической специальности, их волнения и слезы на экзамене – и непреклонного, строгого молодого лектора. Нет, Ю. А. не был жестоким, он был очень чувствительным к женскому обаянию и к женским слезам, но принципиальность не позволяла ему из-за каких-то там личных эмоций ставить необъективные оценки! На экзаменах он был предельно вежлив и корректен, но это лишь усугубляло запуганность студенток, так же как его знаменитая фраза, произносимая ровно через час после раздачи экзаменационных билетов: «Кто думает, что он готов?» Слова «думает, что» не были издевательством над бедными студентками, просто стандартная фраза «Кто готов?» с точки зрения Ю. А. была бы некорректной: разве студент может заранее знать, готов он или нет (это предстоит узнать преподавателю)?

Наверное, стоит добавить, что позже студенты этого отделения, прошедшие через лекции Ю. А. (а я со многими из них впоследствии беседовал), часто вспоминали эти лекции, стали понимать, зачем именно такие курсы им были нужны, и говорили мне, что с Ю. А. связаны их самые яркие студенческие воспоминания. А некоторые из них очень полюбили Юру и дружили с ним всю жизнь.

Ассистентом у Юры я проработал лишь два семестра: Андрей Николаевич Колмогоров взял меня на полставки для работы по реформе образования, а совмещать две полставки было в те времена невозможно. Но прежде чем я покинул филфак, Юра мне оказал одну, как потом оказалось, очень существенную услугу: он научил меня технике редактирования и организовал мне еще один приработок.

После этого мы с Юрой почти не виделись долгие годы. То, что Юра был арестован в 1972 году, я узнал много позже.

Встретились мы снова в 1977 году в редакции журнала «Квант», где Юра работал с 1976 года литературным редактором, а я после ухода с должности доцента мехмата МГУ стал редактором отдела математики. Тут-то мне и пригодились Юрины уроки редактирования!

Мне впоследствии стало известно, что, кроме заместителя главного редактора М.Л. Смолянского, который в свое время изо всех сил, правда, безуспешно, пытался препятствовать приходу «этого ужасного диссидента Шихановича» в «Квант», как потом и моему приходу, работники журнала приняли Ю. А. очень доброжелательно, с уважением, как автора известной книги «Введение в современную математику» и весьма квалифицированного редактора.

Многие из них сочувствовали его общественной позиции, но, конечно, об этом вслух, из осторожности, не говорили.

Основная работа Ю. А. называлась «Операция свежий глаз» и состояла в вычитке всего журнала перед отправкой в типографию. Делал Юра ее крайне добросовестно и тщательно. Его стремление к предельной четкости формулировок не всегда и не всем нравилось, в частности редакторам отдела физики, но споры вокруг этого проходили доброжелательно, иногда с юмором, и часто заканчивались знаменитой Юриной фразой: «Я согласен со всем, что вы скажете в ближайшие пять минут». Женская часть редакции за сухостью – на грани жесткости – Юриной манеры общения быстро сумела разглядеть его доброе сердце и без стеснения пользовалась этим – Юра охотно выполнял разные просьбы и поручения.

В годы совместной работы в «Кванте» мы с Юрой подружились. Тогда я впервые побывал на его дне рождения, в небольшой гостеприимной квартире на улице Мишина, где Аля и Катя умудрялись накормить и напоить уйму народа. Можно сказать, что там собирался весь цвет московской диссидентствующей интеллигенции, от менее известных правозащитников, таких, как мой однокурсник Илья Бурмистрович, до таких знаменитостей, как Алик Есенин-Вольпин или Юра Айхенвальд.

Ю. А. прекрасно понимал, что я разделял его, как тогда говорили, «антисоветские» настроения, мы с ним обменивались самиздатом и тамиздатом, но он никогда не показывал мне «Хронику» и не призывал присоединиться к правозащитному движению. То ли он считал меня недостаточно серьезным и надежным, то ли предпочитал не подвергать риску друга, которого он рассматривал в первую очередь как талантливого математика, уже достаточно побитого за свои политические убеждения (Юра знал о моем письме в защиту Солженицына и об обстоятельствах моего увольнения из МГУ).

В самом начале восьмидесятых неожиданно для нас всех Юра был уволен из «Кванта». Кто стоял за этим увольнением, мне до сих пор неизвестно. Юра подал в суд, ссылаясь на советское трудовое законодательство, которое в его случае было очевидным образом нарушено. Помню, что меня вызывали к следователю, я давал свидетельские показания в пользу Юры, не веря при этом, что они помогут: я был убежден, что справедливое решение суда в его случае невозможно. И ошибался. Юра был восстановлен на работе решением суда. Но тут возникла проблема: должность литературного редактора тогда уже была занята работавшей в редакции Людой Кордасевич, и восстановление Ю. А. в той же должности означало либо увольнение, либо понижение в должности Люды. Проблему разрешил сам Юра со свойственным ему благородством: он отка-

заялся от должности литературного сотрудника и вернулся в «Квант» младшим редактором.

Жизнь в «Кванте» с Юрой оставалась такой же дружеской, что и раньше. Всем запомнилось веселое празднование его 50-летия в апреле 1983 года в редакции на Маяковке, в комнате отдела математики. А в ноябре того же года Ю. А. был арестован по дороге на работу. Последовали вызовы сотрудников редакции в КГБ, тщетные попытки получить обвинительные показания хотя бы от одного работника журнала. Закрытый суд приговорил Ю. А. к основательному лагерному сроку.

Освобождение пришло только тогда, когда развернулась перестройка. Ю. А. вернулся из лагеря без нескольких фаланг пальцев на правой руке, потерянных при работе на каком-то станке, о чем он с юмором (!) рассказывал. Квантовцы приветствовали его возвращение. Но восстановить его на работе в «Кванте» на этот раз не удалось.

Для Юры началась совсем новая жизнь. Через некоторое время он стал работать в РГГУ, написал несколько очень оригинальных учебников по математике, обучил математике (приводя при этом их в трепет!) многих студентов, которые, думаю, всю жизнь будут о нем вспоминать, притом по-хорошему. Он не разделял всеобщей эйфории в связи с падением коммунистического режима (например, не ходил на демонстрации), но оставался правозащитником.

В девяностые и нулевые годы мы с Юрой встречались реже, чем хотелось бы. Я вновь вернулся к преподаванию и к своим математическим исследованиям, отнимавшим все свободное от преподавания время, часто, обычно весной, бывал за границей и потому пропускал Юрины дни рождения. Когда же я там бывал, удивительно приятно было беседовать и не чувствовать себя заговорщиком, вновь увидеть эмигрировавших в советское время знакомых (скажем, Есенина-Вольпина) и ощущать себя не просто в кругу единомышленников, а среди единомышленников победивших.

Каждый раз, когда у Юры выходила очередная книга, он обязательно со мной связывался, мы встречались в РГГУ или рядом, в кафе на Новослободской, и там он мне ее торжественно презентовал с трогательной дарственной надписью. После смерти Али Юра был подавлен, но оставался активным. Когда он мне дарил свою книгу «Логические и математические исчисления», то сказал усталым, но удовлетворенным голосом, что эта книга – его последняя. «Поспорим, – ответил я, – что не позже, чем через месяц, у тебя возникнет новый замысел книги». Юра спорить не стал, а через месяц он был в больнице в тяжелейшем состоянии и вскоре ушел из жизни.

* * *

Юрий Александрович Шиханович был человеком абсолютно уникальным, совершенно не похожим ни на кого другого. Он сыграл ключевую роль в правозащитном движении, в преподавании математики для гуманитариев, да и в моей жизни. Я очень горжусь тем, что Юра считал меня своим другом.

А. Вентцель

В кабинете у Петровского

В начале весеннего семестра 1968 года математика Александра Сергеевича Есенина-Вольпина насильно забрали и поместили в психиатрическую больницу (за что? – может быть, за то, что, будучи специалистом по логике, он показывал, как, пользуясь советскими законами, можно отстаивать права личности). Математики были недовольны. Кто-то составил письмо, требующее его освобождения; ходили, собирали подписи. Подписало очень много народу – считается, что 99. Подписал и я – в основном чтобы заявить свое несогласие с действиями властей. Разумеется, я не задумывался о том, дает ли это козыри в руки темным партийным силам на механико-математическом факультете. Подписал его и Шиханович.

У нас на мехмате подписантов было слишком много – нас не могли всех уволить или как-то существенно наказать. (Мое «наказание» было только – что когда я спросил у нас в иностранном отделе, почему меня не пошлют в Америку, как было запланировано в 1968 году, мне ответили: «Но ведь вы подписывали письма!» – но на самом деле я узнал об отказе еще до всей этой истории с письмом.)

Но Шиханович работал не на мехмате, а на филфаке – один подписант на факультете; и его уволить было легко и естественно, тем более, что он вызывал недовольство филфаковского начальства большим количеством двоек на экзаменах.

Я перед 1968 годом тоже преподавал математику на филфаке (но находясь в штате мехмата), я продолжал общаться с тамошними студентами и выпускниками, видел их письма в защиту Шихановича. В одном из них я с удивлением прочел: «страстный экзаменатор, Шиханович...» (это было слишком уж в духе известных историй про Шихановича, который экзаменовал своих студентов, пока здание на Моховой не закрывали, и тогда шел с ними продол-

И.Е. Бурмистрович

жать экзамен на Центральный телеграф); и только после я прочел на предыдущей странице начало перенесенного слова: «беспри-».

Чтобы поддержать студентов (кроме того, мне было неприятно: нам-то на мехмате практически ничего не было, а Шихановича уволили), я пошел, пользуясь своим привилегированным статусом доцента-математика, к ректору Ивану Георгиевичу Петровскому – академику-математику. Не то, чтобы я сколько-нибудь общался с Иваном Георгиевичем в его мехматской ипостаси; но все мы уважали его и как математика, и как порядочного человека. Я записался на прием и в назначенный час явился в кабинет Петровского на 9-м этаже.

Я изложил историю про то, как Шихановича уволили с филфака из-за того, что он подписал коллективное письмо (а с мехмата за это же самое никого не уволили); сказал, что это неправильно и что во власти Ивана Георгиевича это завернуть назад.

Иван Георгиевич сказал, что считает наше коллективное письмо неправильным. «Если вы хотели, чтоб Есенина-Вольпина выпустили, вам нужно было прийти ко мне; и мы бы сделали это без излишнего шума».

Что же касается Шихановича, то Петровский сказал, что, хотя это, казалось бы, находится в области его власти как ректора, но он ничего сделать не может (видимо, не может против силы партийной организации и филфаковского начальства). «Считайте, – сказал Иван Георгиевич, – что он попал под поезд».

Вот так и закончилась ничем моя попытка вступить за Шихановича.

Есенина-Вольпина выпустили в мае, продержав в психушке три месяца. Когда он явился после этого в ВИНТИ, где он работал, пожилая лаборантка сказала ему: «Александр Сергеевич, а вы знаете, ваши друзья писали письма в вашу защиту и пострадали?» – «Да, писали, – ответил он. – Вообще, письменная речь определеннее и надежнее, чем устная. Нужно было бы, чтобы младенец, едва родившись, вместо того, чтоб кричать, писал: “Уа! Уа!”».

У Шихановича его психушка была еще впереди.

И.Е. Бурмистрович

О Ю.А. Шихановиче

Юра Шиханович сыграл в моей жизни исключительную роль. Например, почти со всеми, с кем я сегодня общаюсь, я познакомил-

© Бурмистрович И.Е., 2012

ся через него. Говоря о нем, мне иногда придется говорить и о себе. Постараюсь свести это к минимуму.

С Юрой я познакомился еще студентом на семинаре по математической логике, но знакомство тогда еще было не близким. Если не ошибаюсь, он в математике сначала интересовался алгеброй, но потом, как он однажды выразился, его «потянуло на основания» (т.е. раздел «основания математики»).

В мае 1968 меня арестовали за самиздат, а в январе 1969 повезли на суд. В какой-то момент, прежде, чем пройти в здание суда, я увидел на улице довольно много людей, из которых отметил Юру. Суд в тот раз отменили, но этот эпизод оказался для меня важным — я только тогда осознал очевидную вещь: надо готовить свои выступления на суде.

Суд состоялся 21 мая 1969. На него пустили многих желающих, и среди них был Юра. Он, несмотря на запрет судьи, сумел подробно записать ход суда. Эта запись потом ходила в самиздате с пометой «обратный перевод с итальянского». Суд сразу пошел не так, как планировали его организаторы, поэтому тех, кто выходил на перерыв, обратно не впускали. Юра предусмотрительно не выходил из зала, хотя суд продолжался очень долго.

После освобождения в мае 1971 я общался с Юрой гораздо плотнее. Он просил меня написать воспоминания о следствии и даже предлагал, если я захочу, помочь их «анонимизировать». Я так и не собрался это сделать, и когда был арестован Кронид Любарский, Юра пенял мне, что Кронид не смог воспользоваться моим опытом.

Вскоре был арестован и Юра. Его тогда «пустили по психиатрической линии», но направили «лечиться» в обычную психбольницу, расположенную в Подмоскowie. Я однажды там его навестил. Мне запомнилось, как он с юмором рассказывал, что выпускает здесь... стенгазету к празднику. Недавно я нашел его письмо оттуда, в котором он, поздравляя меня с днем рождения, сожалел, что опять не сможет поздравить лично, и сообщал, что примерно год назад почему-то решил, что его скоро выпустят, а теперь недоумевал, как он мог так считать. Впрочем, вскоре его тогда действительно выпустили.

Однажды я спросил у него по телефону о ком-то из тех, кого упоминала «Хроника текущих событий». Он ответил невнятно, а при личной встрече заметил: «Я не очень хочу показывать свою осведомленность». При этом он активно старался «быть осведомленным» (и не только в общественных вопросах) и был незаменим, когда нужно было узнать про каких-то людей. На протяжении десятков лет (с перерывами на его отсидки) я по самым разным поводам почти автоматически решал: это надо спросить у Шиха. Или: это надо

рассказать Шиху. Впрочем, у меня и сейчас иногда мелькают такие мысли... Слушая мое сообщение, Юра часто задавал уточняющие вопросы, иногда довольно неожиданные.

Как-то я оказался у Юры на обыске. В протоколе он написал замечание: «Обыск проведен небрежно, не осмотрено то-то и то-то».

При втором аресте Юра был отправлен в политический лагерь. Там он получил во время работы травму: потерял пальцы – указательный, средний и часть большого – на правой руке. Он об этом сказал так: «Сунул руку, куда не следует». После возвращения он вел себя так, как будто ничего не случилось, делал все сам, пользуясь оставшимися пальцами. Я помню о единственном случае, когда он попросил помощи – в этом случае действительно было никак невозможно с чем-то справиться.

Однажды Юра сообщил мне, что несмотря на его сопротивление, его убедили баллотироваться в какой-то местный совет (кто-то, на кого рассчитывали, отказался баллотироваться). Я предложил ему два варианта «предвыборного слогана»: «Безо всякой дури я выбираю Юрия» или «От великой дури я выбираю Юрия». Вскоре он ответил:

Положить готов я душу
За дружка мово Илюшу.
От великой дури он
Выбирал меня в ООН.

С 1990 или 1991 г. Юра работал в аппарате Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР. Года через полтора он уговорил меня работать там же, но предупредил: «Я не буду твоим начальником». Работа состояла в том, чтобы по возможности помогать тем, кто обратился в этот Комитет. Мы сидели с Юрой в одной комнате, и я нередко с ним советовался. После того, как осенью 1993 г. Верховный Совет был ликвидирован, мы занимались примерно тем же в Комиссии по правам человека при Президенте России.

Как-то Юра сказал про себя: «Я прирожденный организатор». Так оно и было. В частности, к работе с обращениями граждан, как и к любой другой, он подходил системно. Он собирал и раскладывал по папкам официальные материалы из «Российской газеты»: законы, акты Президента, постановления Конституционного суда и т.п. Он выписывал на свой домашний адрес и приносил на работу, помимо «Российской газеты», журнал, в котором публиковались официальные материалы. Юра разработал классификацию обращений по темам и неофициальную форму их компьютерной регистрации. Например, человека, о котором просил автор обращения (это мог быть и он сам, и другой человек), Юра называл «страдателем».

В некоторых случаях для решения вопроса нужно было подключить председателя Комитета (а позже – Комиссии) С.А. Ковалева. Это было крайне сложно – он всегда был занят. Юра придумал такой выход: в определенный день недели, как бы поздно ни освобождался Ковалев (часто это было уже ночью), мы с ним встречаемся и решаем накопившиеся вопросы. Городской транспорт обычно уже не ходил, нас развозила по домам машина.

Многим памятен просмотр фильма «Андрей Рублев», в организации которого активно участвовал Юра. В то время фильм был фактически под запретом. Организаторам грозили крупные неприятности, их вызывали на допросы, но обошлось. А в наше время Юра нередко звал друзей на коллективные просмотры фильмов, спектаклей и т.п. Последним был просмотр фильма «Анна Каренина» в очень маленьком зале. Этот фильм не запрещен, но и увидеть его не просто.

Несколько лет назад Юра попросил меня быть редактором одной из его математических книг. Концепция этой книги была мне совершенно чуждой. Менять ее он не собирался, но предложил мне написать предисловие «От редактора» и обещал поместить его без изменений. И поместил, хотя оно было весьма критическим.

За несколько дней до своей последней болезни Юра переслал мне статью А. Любарева «Галка о двух концах» с разбором всех пяти возможных вариантов поведения на выборах, с припиской: «Век живи – век учись!» Статья лишний раз убедила меня: бойкотировать выборы нецелесообразно.

Г.Б. Шабат

Юрий Александрович в РГГУ

Я познакомился с Юрием Александровичем в 1994 году, когда он начал работать в РГГУ; с тех пор мы регулярно общались с ним – до последних дней его жизни.

Уже после похорон Юрия Александровича я осознал, что заочно восхищался им десятки лет назад. Я учился в вольнодумной 2-й школе, где «Хронику» читали многие; нашим любимым учителем и кумиром был Анатолий Александрович Якобсон. Нам, свободомыслящим математикам, импонировал жестковатый, внешне не эмоциональный стиль «Хроники», ее честная, достойная, продуманная

и логически безупречная позиция по отношению к властям: соблюдайте ваши законы (стоит ли говорить, что реакция властей не обладала ни одним из перечисленных качеств...). Когда после похорон связанные с «Хроникой» люди говорили, что Шиханович был одним из главных идеологов этого стиля, я немедленно «узнал» его. Тогда же объяснилось и то, что мы с друзьями заметили в начале 70-х: стиль «Хроники» изменился, появились истерические нотки. Оказывается, Шихановича посадили...

На внепрофессиональные темы мы с Ю. А. общались мало: всегда оставались профессиональные темы, требующие обсуждения. И остались. Не прощу себе, например, что так и не раздобыл для него точные сведения об указе французского министерства просвещения, согласно которому 0 – натуральное число...

Когда речь идет о таком человеке, как Ю. А., высокопарных слов не надо опасаться. Он был рыцарем Истины. Не допускал никаких прегрешений против особо почитаемой им строгости, замечал малейшие ошибки. Легким в общении человеком он не был. Он регулярно посещал мои лекции и мог позвонить за полночь, чтобы сказать: «Вы сегодня сформулировали неверное утверждение. Вот контрпример...»

Он не жалел времени для работы – в самом сильном смысле этих несколько затасканных слов. На вопрос, когда ему можно звонить, отвечал: «До часу точно. А если нужно – когда угодно». Это следовало понимать буквально. Консультации для своих студентов проводил регулярно и без ограничений времени. Когда узнал о моих правилах проведения экзаменов – можно пользоваться чем угодно и кем угодно – изумился, но уточнил: «И мной тоже?» После чего орды моих двоечников пользовались его помощью на экзаменах, ездили к нему домой за ответами на мои вопросы. Если Ю. А. считал вопросы некорректными или слишком трудными, без колебаний звонил, раз на пятый начиная с извинения за занудство. Это иногда раздражало, но теперь, когда телефон звонит гораздо реже, я понимаю, до чего не хватает человека, так преданного работе.

Ю. А. выстроил собственный мир, в котором действовали свои, строгие законы. Несгибаемый правозащитник преподавал математику десятки лет; почти все московские лингвисты нескольких поколений прошли его школу и на всю жизнь остались под его влиянием. Своеобразные взгляды на математику отразились в нескольких книгах, которые он успел написать за последние годы жизни. (На вопросы о летних планах отвечал: «На несколько дней уеду отдыхать туда-то. Остальное время буду писать то-то». Аномальная московская жара поколебать его планы не могла.)

У нас с ним были весьма существенные разногласия по многим вопросам педагогики и оснований математики. Мы регулярно критически просматривали тексты друг друга (он – с невероятной скрупулезностью, я, увы – иногда поверхностно) и, по настоянию Ю. А., в своих замечаниях не стеснялись в выражениях. То же касалось обсуждения текущих профессиональных дел. Характерная цитата: «Георгий Борисович, ведь мы с вами друзья?» (Требовался утвердительный ответ). «Тогда скажу прямо: идите к черту с вашим категорным подходом к математике! Студенты его никогда не поймут!»

Непримиримость Ю. А. поразительным образом сочеталась с особым даром понимания и редкой способностью к компромиссам. Возмущаясь некоторыми понятиями и обозначениями, которые я использовал на своих лекциях, он составлял замечательные их конспекты, лишь изредка выражая свое отношение вопросительными знаками на полях. Я узнал от него, что у него два любимых дела – преподавание и редактирование. Редактируя, он ставил себе жесткие сроки, и, разумеется, всегда их соблюдал (Шиханович вообще никогда и никуда не опаздывал; правда, с ним нельзя было договориться о встрече в 16:00 – только от 15:55 до 16:05). Ему могли быть чужды – а иногда и враждебны – излагаемые мной взгляды, но, вникнув в них, он спрашивал: «Ведь вы хотели подчеркнуть то-то?» И предлагал: «Тогда лучше выразиться так-то...»; предложения его, как правило, с благодарностью принимались.

Весьма острыми были наши разногласия по поводу преподавания математического анализа, одной из центральных дисциплин нашего курса. Ю. А. принадлежало следующее парадоксальное предложение: эксплицировав антагонистические взгляды, найти компромиссы и написать совместный учебник.

Это оказалось последним планом его жизни. 13 июля 2011 года он собирался приехать ко мне, чтобы начать работу над этим учебником. Впервые за время нашего сотрудничества назначенная встреча не состоялась: его отвезли в реанимацию.

...Ко мне перешла группа лингвистов-второкурсников, которых Ю. А. учил на первом курсе. Наше первое занятие состоялось на следующий день после его смерти. Мы почтили его память минутой молчания, после чего я, придав голосу деловую бодрость, спросил, как обычно: «Какие есть вопросы?» Одна девушка тихо попросила: «Расскажите про Юрия Александровича». Я отвечал минут двадцать. Не помню, чтобы когда-нибудь еще студенты слушали с таким вниманием...

Вспоминают ученики

1983 год.

Г.Е. Крейдлин

Несколько слов о Ю.А. Шихановиче

Смерть в жизнь никак не укладывается, ведь смерть – не конечная точка процесса, а его обрыв. Жизнь течет постепенно, а смерть всегда внезапна и неожиданна, даже в тех случаях, когда ее люди ждут. А здесь ее никто не ждал...

Еще утром я, как и все последние дни, звонил Юре из Франции, из Экс-ан-Прованса, где был на конференции, на мобильный телефон в больницу. «Как Вы, Юр, сегодня?» И, как всегда, когда Ших не хотел отвечать на вопрос, он, в свою очередь, спросил: «А у Вас доклад уже был?» И, выслушав ответ, сказал, как бы продолжая какой-то разговор в прошлом: «Я узнавал, расписание на следующий семестр еще не готово. А мои часы, наверное, возьмет Георгий Борисович (Шабат – Г. К.)».

В последних фразах был весь Ших: прежде всего, о студентах, о любимой работе, все остальное неважно, мелко, пустяшно.

© Крейдлин Г.Е., 2012

С Юрием Александровичем Шихановичем (Юрой, или Шихом, как его называли между собой студенты, коллеги и друзья) я познакомился более 45 лет тому назад, и с той поры вся моя жизнь, а впоследствии и жизнь моей семьи была с ним неразрывно связана. Сначала я был его студентом, а затем жизнь связала нас другими, более тесными, связями. Спустя какое-то время мы подружились, отбросили обращение друг к другу по имени-отчеству и перешли «на имена», хотя так и остались «на вы». Юра предлагал как-то перейти на «ты», но дистанция была слишком велика, и я так и не смог преодолеть барьер. Вскоре подружились и наши семьи, а в 90-х годах прошлого века мы с Юрой стали еще и коллегами – преподавателями Института лингвистики РГГУ.

Юра был уникальным – я не нахожу другого слова! Личность, Учитель, Друг... Говорить о нем как о, несомненно, выдающейся Личности, Гражданине, я, разумеется, не буду – об этом говорит вся его биография, а у меня слишком мелкий калибр. Скажу о нем несколько слов как учителя и друге.

Если попытаться выделить наиболее характерные для Юрия Александровича как педагога качества, я бы назвал, прежде всего, любовь к математике и умение преподавать ее именно «филологам», ответственность и самоотверженность, граничащую с самоистязанием. Юра любил математику и хотел, нередко даже слишком настойчиво, чтобы ее полюбили студенты-лингвисты, с которыми он работал. Как мне представляется, все те годы, что Юрий Александрович преподавал у нас, да и позже тоже, он в каком-то смысле вел один предмет – логику. Он учил нас рассуждать, доказывать, опровергать. Притворялся, что не понимает нас в тех ситуациях, когда нам не хватало слов или умения их сложить в правильную последовательность, чтобы донести свои мысли (а чаще – неопределенные чувства, ощущения!). Я думаю, многие помнят его знаменитые дополнительные занятия, все эти консультационные, совершенно неоплачиваемые длительные часы пребывания в университете. На них к Ю. А. можно было прийти с любыми текущими математическими, а то и с психологическими, проблемами, и он был всегда готов «до посинения» (неизвестно, кто в результате становился более «синим» – студент или преподаватель) наводить студентов на правильное решение задачи, искать вместе пути к доказательству теоремы или ее опровержению. Точности в терминологии и формулировках, строгости рассуждений, полноты разбора логически возможных случаев – это он от нас требовал, и этому он учил. Юрий Александрович никогда не показывал готового решения задачи, а давал указания, часто в виде вопросов по материалам курса, на-

мекал на какие-то ранее решенные или разбираемые на лекциях проблемы. И я, признаюсь, вслед за ним в своей нынешней преподавательской деятельности в школе и вузе охотно использую этот прием. Ю. А. хотел, чтобы студенты, пусть мельчайшими шагами, шли через тернии сами. Как мы бы сегодня сказали, Юра был подлинным когнитивистом. Знание как высшая ценность, поиск форм подачи знания, их каталогизация и упорядочивание, Истина и Ложь как первостепенные оценки знания – все это лежало в основе его математического и педагогического мировоззрения.

Самоотверженность его проявлялась не только в работе. Ничуть не меньше он был самоотвержен в дружбе и в помощи. Найти нужного Вам человека, достать какую-нибудь книгу, лекарство, обратиться к кому-то ради вас, наконец, поехать куда-то ради вас, даже если потом выяснялось, что это было ему физически сложно, Юра никогда вам в просьбе не отказывал. Отказать он мог, если считал, что вы при этом должны будете унижить себя, мараться, потерять самоуважение и упасть в своих же глазах. Он, фактически, оберегал вас и от этого тоже. Вспоминаю, как мне однажды нужно было найти адвоката по жилищным вопросам, чтобы помочь родителям одной моей школьной ученицы – не самые близкие для Юры люди! Ю. А. выяснил до мельчайших подробностей все детали – что за ученица, как зовут, из какого класса, сколько ей лет, хорошо ли она учится, кто ее родители, чем занимаются, где живут, не бедные ли (вдруг придется платить) и др. – дотошность тоже была неотъемлемой чертой Шиха. И после этого принялся при мне звонить по разным телефонам. Всякий раз он столь же дотошно выяснял, как зовут адвоката, его возраст, где работает данный человек, какой у него опыт и еще многое другое, пока на том конце провода не уставали так же, как студенты на дополнительных занятиях, и пока не нашелся, как ему казалось, лучший вариант. И таких ситуаций было множество.

Юра был внимательным читателем и прекрасным редактором научных статей и книг. Он долгие годы работал редактором в журнале «Квант», редактировал и рецензировал статьи, присланные в другие, в том числе и лингвистические, журналы и сборники. Сколько лингвистов и математиков давали ему на предварительное прочтение статьи и книги и скольким он помог! И.А. Мельчук и Е.В. Падучева, И.М. Богуславский и А.Д. Шмелев, В.Б. Борщев и Л.В. Кнорина, А.В. Гладкий и Г.Б. Шабат, Т.Д. Корельская и Н.В. Перцов – список лингвистов и математиков, которые выражали ему благодарность за прочитанные статьи и рукописи и за «сделанные ценные замечания и предложения», этими фамилиями список отнюдь не заканчивается. И слова благодарности в случае

Ю.А. Шихановича не были формальным актом, поскольку помощь его друзьям и коллегам всегда была и большой, и действенной.

Юра всегда стремился поделиться с друзьями тем, что было ему самому интересно, и тем, что считал важным. Он приглашал друзей в театры и на просмотры фильмов, в музеи и на выставки. Он любил делиться с близкими ему людьми прочитанным, посылая многочисленные тексты по электронной почте. Ему был интересен процесс общения, обмен разнообразной информацией и мнениями о ней. Когда я стал заниматься невербальной семиотикой – наукой о невербальном знаковом коде и моделях невербального человеческого поведения, – его заинтересовали общие методы и конкретные способы телесной знаковой практики в преподавании. Я многое ему рассказывал об этом, о том, насколько эффективной может быть такого рода деятельность, и всегда передо мной был не только внимательный, но и заинтересованный слушатель.

Известно, что темнокожее население Нового Орлеана на похоронах улыбается и шумно смеется. Люди радуются! Они радуются тому, что покинувший наш мир человек встретится там, в другом мире, со своими ранее ушедшими родными и близкими. Наверное, хороших людей там никак не меньше, чем здесь, и осознание этого, видимо, хоть как-то примиряет людей с потерями. Я такого поведения понять не сумел и, думаю, никогда не сумею. Для меня потеря близкого человека – всегда боль и трагедия, особенно, когда смерть такая неожиданная и безвременная...

А. Раскина

Без экзамена

С Юрием Александровичем я была дружна полвека. И вот что я хочу сказать. Спору нет, Юрий Александрович был и борец, и герой. Но для нас, его первых студентов, он был прежде всего Учителем. С большой буквы. Он не просто преподавал математику, он помогал нам формировать наше мышление.

Часто вспоминают, как, мол, Шиханович терзал бедных студентов, принимал у них экзамены до 12 часов ночи, последние часы – уже на Телеграфе. Но уж тогда давайте вспомним, как мы приходили к нему на консультацию, и он помогал нам, сидел с нами часами, отвечал на все наши, нередко глупые, вопросы – всегда всерьез! – проходил с нами вместе, шаг за шагом, доказательство

А. Раскина

теоремы на ϵ - δ языке, – и никогда мы не чувствовали, что ему скучно или надоело. Он не притворялся: ему действительно было интересно, как течёт наша мысль. И это подымало нас в наших собственных глазах.

Летом 2011 года я была в Москве и виделась с Юрием Александровичем. Мы беседовали, и я напомнила ему, как когда-то давно он сказал мне, что не мечтал бы иметь в своей группе гения. Я тогда не спросила, почему, а в этот раз спросила. И он ответил: «Я ничего не мог бы дать ему.»

Я не знаю, так ли это. Хочу только сказать, что и мне, и многим-многим моим друзьям-лингвистам – видимо, не гениям, ну так и бог уж с ним – Юрий Александрович дал очень и очень много. И будем благодарны судьбе за то, что он был у нас в нашей жизни.

* * *

Я надеюсь, что рано или поздно выйдет сборник воспоминаний о Ю. А., где каждый, не будучи ограничен трехстраничным объемом, сможет рассказать всё, что он хочет, и всё вместе это даст полную картину. Пока это время еще не наступило, и придется довольствоваться отрывочными эпизодами.

О каких-то, с моей точки зрения важных, моментах, связанных с Ю. А., я уже рассказала в записках о нашем отделении, тоже опубликованных в «Вестнике РГГУ»¹. Попробую кое-что добавить.

В университете я была очень увлечена математикой. То, как нам ее преподавали Успенский и Шиханович, по-видимому, было нужно моим мозгам и питало их. И хотя я очень боялась экзаменов и каждый раз мне удавалось убедить родителей, что я ничего не знаю, и что они должны быть готовы к двойке, – я получала какое-то удовлетворение и на экзаменах. Сидишь, решаешь задачки. Потом умные люди, Успенский и Шиханович, часами с тобой разговаривают на интересующие тебя темы, такое интеллектуальное переживание; потом тебе говорят: «А вы попробуйте еще вот такую вещь доказать», – думаешь-думаешь и догадываешься. Как теперь говорят, адреналин в крови увеличивается. Но я прекрасно знавала, что это мне просто повезло, и не для всех это складывается так удачно, как для меня. Мы с моей однокурсницей и отличницей Олей Крутиковой (Кривновой) то и дело просили за некоторых наших не так уж любящих зачеты и экзамены товарищей, чтобы их не мучили часами. И чтоб уже поставили этот, скажем, зачет. В общем, безуспешно. И Успенский, и Шиханович считали, что экзамены полезны: во время экзамена студент учится и чему-то научается. Это верно, но нервные-то клетки не восстанавливаются.

И вот, я была уже на втором курсе, и мы с Ю. А. уже, можно сказать, дружили (хотя дистанция учитель – ученик, разумеется, всегда оставалась, и после университета тоже) – и я попыталась убедить Ю. А. (который в то время один у нас преподавал, без Успенского), что экзамен это не то место, где надо студента огорошивать, давать ему что-то новое, неизведанное, заставлять догадываться и т. д., – потому что студент боится, нервничает, от этого хуже соображает и т. д. Ю. А. говорит: «Ну, вот вы же не боитесь на экзамене, не нервничаете?» Я говорю: «Как это не боюсь? Я очень боюсь! И нервничаю.» – «Ну и что, вы согласились бы на тройку без экзамена?» – «Нет, с какой стати? Зачем мне тройка?» – «Ну, а на четверку – согласились бы?» Ситуация была сложная. Сказать, что на четверку не согласилась бы, значило бы, что я считаю, что знаю предмет на пятерку, а я этого, разумеется, утверждать не могла. И вообще это противоречило бы тому, за что я билась. Я говорю: «На четверку бы согласилась.» – «Ну хорошо, вот весной будет у нас экзамен по алгебре – я предлагаю вам четверку без экзамена, согласны?» – «Ну, – говорю, – согласна.» А куда деваться?

Была зима, до сессии полгода, и на эти полгода Ю. А. перестал со мной разговаривать. Как меня и нет. Жуткое дело! И ведь, что интересно, я, вроде, ходила на занятия, слушала, делала упражнения, но, видимо, как-то умственно расслабилась и алгебру – без экзамена или же без знания, что надо будет сдавать экзамен, – так до конца и не поняла.

К чему я рассказала этот эпизод? Чтоб показать, как Ю. А. относился к экзаменам, какое это было для него важное действо, как много души он туда вкладывал, как хотел разбудить мысль студента, – и поэтому, видимо, расценил мой такой оппортунизм как чуть ли не предательство. Или там вероотступничество.

К осени у моего папы вышла детская книжка «Как папа был маленьким», он написал ее по моей просьбе Юрию Александровичу, я ее ему 1 сентября принесла, Ю. А. был растроган, и снова стали мы с ним разговаривать.

Кое в чем мы были несогласны и спорили. Ну, кто пытался спорить с Ю. А., знает, как это было трудно. Однажды мне показалось, что всё, Ю. А. приперт к стенке и сейчас скажет: «Что ж, вы, пожалуй, правы.» А он взял да и сказал: «А я не утверждаю, что моя система непротиворечива.» Вот и поспорь тут...

Ну вот, подходят к концу мои 3 страницы. До встречи в сборнике воспоминаний о Юрии Александровиче.

Примечания

¹ Раскина А. Из воспоминаний об ОСиПЛе // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание / Московский лингвистический журнал». 2008. № 6(10). С. 199-210.

Об уважении несогласия

Момент смерти Юрия Александровича почти совпал с пятидесятилетием моего знакомства с ним. Я не помню его на вступительном экзамене по математике, но наверное он там был. (Не помню и Успенского, а он в ответ не помнит меня как часть истории отделения). Так что реальное мое воспоминание, от первого сентября 1961-го года, — это о маленьком человечке, который странно вбежал в класс и странно заговорил странным голосом.

Мы все знали Ю. А. с разных сторон. Я был и остаюсь его учеником. Для многих из нас, а, может быть, и для всех, он был человеком удивительным, уникальным и значительным. Знать его, разговаривать с ним, общаться было нелегко: он жил по своим законам и правилам, не считаясь со своими удобствами и не подозревая о существовании других людей. Я не соглашался с ним во многом, а может и во всем, включая доказательства на доске. Но для меня было важно и удивительно, что можно не соглашаться с человеком и при этом уважать его и восхищаться им. А правда убеждала его немедленно, даже если она противоречила его изначальному суждению. Тогда, когда она была одна.

Мы разошлись с ним и в одном из главных вопросов 70-х годов: должен еврей уезжать из России или оставаться? Наша последняя советская встреча была на переходе со станции метро «Площадь Свердлова» на «Охотный ряд». Я увидел его и остановился. Он зашипел: «Вы что, правил не знаете? У меня же “хвост”!» «А у меня тоже», — весело ответил я. Вскоре я был в Израиле, а его посадили в психушку. Я жалел и осуждал его, но я не мог не уважать его, не рассчитывая на взаимность.

Я не видел его лет двадцать, но где-то в 90-х годах я услышал, что он едет в США, и мне удалось залучить его в свой университетский городок — рассказать местным активистам о России. Верный себе, он не произнес ни одной фразы, которую они были бы способны понять даже в моем облегченном переводе. Это доказало то, что в доказательстве, в сущности, не нуждалось, а именно, что Ю. А. ни в коей мере не зависел ни от какого контекста.

Поразило меня другое: он работал тогда в аппарате Комитета по правам человека Верховного Совета России и рассказал мне, как он смотрит в свой монитор (или через какое-то окошко) на лицо посетителя и решает, кому давать пропуск, а кому нет. Я засмеялся, потому что в былые времена этот человек повсюду боролся с про-

пускной системой. (Это также напомнило мне о трагикомической истории посещения одним знакомым в американской «крепости», с колючей проволокой и вышками, знаменитого писателя, отправленного из советской тюрьмы в изгнание за пару лет до того; мнивший себя человеколюбом, хозяин осматривал лицо каждого, кто звонил в дверь, в телевизионном мониторе своей защитной системы и издавался над ним.) Ю. А. не понял моего смеха, я объяснил, он снова не понял: я полагаю, что он считал меня маленьким человечком (тогда еще килограммов на десять легче), который странно говорит и еще более странно смеется без причины.

Маленький или нет, тонкий или толстый, я всегда был и остаюсь, в первую очередь, евреем. Он был, прежде всего, и умер – гражданином России. Ни Россия, ни я не оправдали его ожиданий. Он был настоящим идеалистом и даже романтиком. Его реальность была идеально правильной и справедливой. Он был праведником. И никакой Эйнштейн не убедил бы его ни в какой относительности. Он был не от мира сего, потому что этот мир не достаточно хорош и никогда не будет достойным Юрия Шихановича. Было бы славно, если бы он нашел счастье в следующем мире, но не думаю, что он в него верил. Так что он останется навсегда удивительным и значительным воспоминанием для нас и многих других.

Зихроно левраха леюрий! Светлая память Юрию Александровичу на языке наших с ним общих далеких предков, который, к великому сожалению, не играл никакой роли в его жизни.

Н.В. Перцов

**О Юрии Шихановиче (и не только о нем) –
«все лучшие воспоминанья» полвека спустя...**

Я могу довольно точно указать время моего знакомства с Юрием Александровичем Шихановичем: это самое начало августа 1962 года, когда я пришел на филологический факультет Московского университета на консультацию по математике незадолго до вступительного экзамена. Я был наслышан об открывшемся за два года до этого на филфаке Отделении структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ), где не было литературоведения, но зато было углубленное изучение математики. В конце предшествовавшего года от своего друга детства Владимира Зелинского, учившегося тогда на романо-германском отделении, я узнал о новом, «структурно-при-

Н.В. Перцов

кладном», отделении – и впервые услышал фамилию преподавателя математики – Шиханович. Владик и рассказал мне о своеобразии личности и требовательности математика и предупредил меня, что на отделении мне будет совсем не сладко.

Однако стремление отойти от традиционной филологии во мне было настолько сильным, что я стал усиленно заниматься математикой (с которой и до этого у меня были вполне хорошие отношения) и готовиться к экзамену. И вот наконец я вижу самого Шихановича – молодого, строгого, худощавого преподавателя, о требовательности и харизме которого уже в то время ходили едва ли не легенды. Уже на этой консультации меня поразила особая нефилологическая «ментальность», которая проявлялась не только в содержании ответов на вопросы робких абитуриентов, но и в самом стиле этих ответов – четком и аккуратном выборе слов, строго выдержанной фонике речи, безукоризненном синтаксисе каждой фразы, каком-то внимательно уважительном реагировании на вопросительные реплики аудитории, цепко изучающем взгляде, обращаемом на собеседников. Имен-отчеств, столь поразительно звучащих по отношению к недавним школьникам (средний возраст которых не доходил, думаю, до 20-ти лет), на консультации я не слышал: преподавателю они еще не были известны. Спустя несколько недель в начале первого в семестре занятия нам предстояло испытать очередное изумление, когда Шиханович, медленно и вдумчиво, как если бы осуществлялась подлинно исследовательская работа, шел по списку нашего курса, называл фамилию и имя-отчество студента или студентки, внимательно вглядывался в облик того или той, который (которая) поднимался (поднималась) с места, и выдерживал несколько секунд для запоминания.

В преподавателе, проводившем консультацию, удивляло и поражало многое. Помню один эпизод на ней: я протянул Шихановичу листок с начерченным на нем графиком функции, о которой шла речь несколькими минутами ранее, и попросил оценить его верность. Ю. А. мельком взглянул на график, утвердительно кивнул, а затем произнес фразу, которую я помню едва ли не дословно: «А вы сможете доказать верность этого графика?» Я сокрушенно подумал, что просто нарисовать график, сколь бы четким и верным он ни был, на экзамене будет, увы, недостаточно.

Что мне представляется главным в тех уроках науки и жизни, которые мы, тогдашние студенты филфака, извлекли от преподавания Ю. А. и от общения с ним? – Строгость мышления и некая своеобразная ответственность за словесное выражение содержимого сознания. Возникало впечатление, что Ю. А. ни одного слова «в простоте не скажет» – и того же он ожидает или требует от

собеседника. Мне кажется, что эта ответственность за точность и строгость словесного выражения мыслей была едва ли не более важной составляющей в нашем общении с Шихановичем, нежели те богатые собственно математические знания, которые он нам сообщал, и навыки, которые нам прививал. (К слову сказать: математическая программа на филфаке в те годы была весьма обширной, а в некоторых аспектах превосходила даже программу механико-математического факультета.) В разговоре с Ю. А., необязательно связанном с собственно математическими материями, приходилось преодолевать нашу общую филологическую ментально-словесную расхлябанность и пристально вдумываться в смысл того, о чем только что шла речь и что предстоит услышать или сказать далее.

Надо сказать, на самих математических лекциях мы не ощущали какой-то явной связи изучаемого предмета с лингвистической стороной нашего образования. Не совсем ясной была она и для авторов программ нашего образования, и для преподавателей математических дисциплин. Осознавалась потребность для лингвистов математического стиля научного мышления, привнесение в лингвистическое описание большей строгости и точности, однако было не вполне ясно, как конкретные математические знания и методы должны применяться для такого рода описаний. Не вполне ясно это было и для Шихановича; однако следует признать, что его роль как проводника на пути от математики к лингвистике для многих из нас, тогдашних филфаковских студентов-прикладников, была необычайно существенной, а в ряде отношений не менее важной, чем роль преподавателей лингвистических дисциплин. Я хорошо помню, как впервые мы, студенты третьего потока ОСиПЛа, услышали имена двух отечественных лингвистов, сыгравших столь значительную роль в нашем становлении как профессионалов. Скорее всего, это было в октябре 1962 года, когда шел второй месяц нашего первого семестра; на одной из лекций или консультаций, отвлекшись от собственно математических материй, Ю. А. произнес такую фразу: «Лингвистическое образование вам следует начать со знакомства с двумя современными лингвистами – Мельчуком и Зализняком; известны ли вам они?» Последовало несколько недоуменное молчание: большинству из нас произнесенные имена известны не были (это же были не мэтры языкознания, о которых мы кое-что уже слышали!), и мы тогда не могли осознать грядущую значимость для многих из нас творчества и личности этих выдающихся лингвистов (первый из которых тогда либо был на пороге 30-летия, либо только что перешагнул этот свой «полдень жизни»; второму же оставалось примерно полгода до 28 лет).

Н.В. Перцов

Вот что написала мне по электронной почте Александра Александровна Раскина (принадлежащая к первому выпуску ОСиПЛа 1965 года) – относительно того, как сдержанно-скептически относились к Зализняку некоторые лингвисты старшего поколения:

«<...> он <Шиханович> не замыкался на одной математике, а направлял в нужную сторону и в смысле лингвистики. И насчет Зализняка позиция Ю. А. очень даже значима. Казалось бы: разве великий Зализняк нуждался в рекомендации Шихановича? Но я вспоминаю, как мы (уже все про Андр. Анат. понимавшие, хотя он был даже не кандидат) попросили у Звегинцева, чтоб он нам обеспечил, чтоб Зализняк больше курсов преподавал (мы на целый год без него остались!), а Звегинцев пожал плечами и говорит: “Да что вам дался этот Зализняк? Милый мальчик, да и только...” Я пересказала это Успенскому, и он потом говорил мне, что тогда же решил, что костями ляжет, а Зализняку дадут не кандидатскую, а сразу докторскую степень.»

Это свидетельство А.А. Раскиной относится к первому семестру 1964 года – именно тогда Зализняк начал курс арабского на филфаке. Это было незадолго до памятных нам «кандидатско-докторских» защит Зализняка в первой половине 1965 года. Первая защита (на которой присутствовал автор этих строк) в Институте славяноведения, начавшаяся 31 марта, была прервана, ибо оппоненты требовали присуждения сразу докторской степени, а совет в тот момент не был правомочен этого делать; дело было отложено до 26 мая, когда искомая докторская степень была присуждена, а через несколько недель – именно 19 июня – утверждена ВАКом. Более подробно об этом можно прочесть у В.А. Успенского в его книге: «Труды по НЕ-математике», Т. 2. М.: ОГИ, 2002, с. 1027–1–29 (а также Т. 1, с. 370, 371, 383).

В том же томе книги Владимира Андреевича – на странице 1136 – читаем такие слова о тогдашней «разбросанности» Зализняка: «Вот два характерных эпизода. Рубен Александрович Будагов, которого через 5 лет после описываемых событий, в 1970 г., избирают членом-корреспондентом, как-то, когда проблема диссертации еще не возникла, сказал в моем присутствии: “Ну вот, Зализняк – он же не имеет научного профиля. То он преподает старославянский, то санскрит, то арабский.” А Тимофей Петрович Ломтев, управлявший языкознанием на филологическом факультете, уже в связи с диссертацией сказал мне: “А что, до вашего Зализняка никто не знал, как склонять русские существительные?”».

Возвращаясь к столь значимому для нас эпизоду с призывом Ю. А. к «началу лингвистического образования». К сожалению, тогда

я не придавал ему того значения, которого он заслуживал: знакомство с Зализняком произошло спустя два года, когда Андрей Анатольевич начал вести на нашем курсе упомянутые «арабские» занятия (и тогда мы, студенты, сразу «все про Зализняка поняли» – в отличие от некоторых ученых мужей); с Мельчуком же – увы, и того позднее... Впервые увидел и услышал я Игоря Александровича Мельчука в Институте восточных языков МГУ осенью 1965 года на его докладе о лексических функциях, поразившем меня, студента-четверокурсника, соединением простоты, раскованности, четкости, какой-то «неакадемичной» теплоты изложения, с одной стороны, и глубины проникновения в суть дела, с другой, – и помню, что тогда же пожалел я о том, что не последовал ранее совету Ю. А.; личное же знакомство с Мельчуком произошло существенно позднее – в июле 1967 года. А в конце того же 1967-го – вспоминаю в заснеженном университетском дворике стоящего Юрия Александровича, который озабоченно спросил меня: известно ли мне, что наконец вышел 19-й выпуск «Проблем кибернетики» с давно ожидавшейся огромной статьей Мельчука и Жолковского «О семантическом синтезе», прочтенной Шихановичем и мною еще в рукописи? «Я купил!» – бодро и торжественно сказал Ю. А., указывая на свой портфель (или сумку), и я ринулся в Академкнигу на тогдашней улице Горького – ныне, к счастью, снова Тверской – для осуществления того же самого.

Снова обращаюсь к моей электронно-почтовой переписке с А.А. Раскиной, рассказавшей мне о характерном для Ю. А. эпизоде из его биографии, в котором тоже фигурируют «Проблемы кибернетики» (правда, не тот самый выпуск этого периодического издания):

«Когда в 1965 году Шрейдеры и Шихановичи переехали в свой дом на Мишина (к счастью, и тогда Мишина), то они купили себе одинаковые книжные полки. И вдруг, рассказывал Шрейдер, в половине двенадцатого ночи раздался звонок в дверь. Открыли – это Шиханович. С трагическим возгласом “Мы с вами не то купили!” он кинулся к полкам и показал, что новый выпуск “Проблем кибернетики” на полке по высоте не уместается.»

И в том же первом для нас семестре Ю. А. направил нас на знаменитый симпозиум по структурному изучению знаковых систем (коротко называвшийся тогда в разговорах симпозиумом по семиотике), который организовал Институт славяноведения АН СССР и который проходил в декабре 1962 года (по меньшей мере в двух местах Москвы – в Институте иностранных языков на тогдашней Метростроевской, ныне, к счастью, снова Остоженке, и в Институте

славяноведения в Трубниковском переулке). Помню на этом симпозиуме и самого Ю. А., и других наших преподавателей, и студентов-осипловцев (или – осиплян?). – Кстати, Зализняка впервые увидел я тоже на этом симпозиуме: его доклад о семиотике знаков дорожного движения отличался изысканной изящностью, четкостью и стройностью – как и облик самого докладчика, выглядевшего как старшекурсник, сбивавшегося на странный, как бы не очень «серьезный», фальцет; и я подумал: какое это имеет отношение к лингвистике – и почему же мы должны непременно начинать свое лингвистическое образование со знакомства с докладчиком? – Нужно было прожить еще более полутора лет, чтобы на первом занятии по арабскому языку убедиться в справедливости того, к чему нас призывал Ю. А. (На том первом, вводном, занятии Зализняк завораживающе-панорамно, едва ли не колдовски, «прошелся» по всей арабской фонетике, графике и грамматике, о которых нам до этого практически еще ничего не было известно, указывая те пункты, по которым, они, эти аспекты арабского языка, нам, индоевропейцам, особенно интересны.)

Шиханович, тем самым, не замыкался исключительно в роли преподавателя математических дисциплин – он играл для нас роль своеобразного ориентира в области современной отечественной лингвистики – и, шире, вообще в области гуманитарного знания.

Почему-то воспоминания уводят меня в основном к первым месяцам знакомства с Шихановичем (хотя и после этого многое было с ним связано, а знакомство перешло в дружбу – и даже имена-отчества были заменены просто именами, а с моей женой Наташей Шиханович, изумляя меня в очередной раз, перешел на ты в первый же вечер знакомства). Примерно на переломе между октябрём и ноябрём первого семестра все того же 1962-го Ю. А., осознав, что никак не укладывается в отведенный ему срок для изложения всего материала по «Введению в математику», предложил нам провести еще дополнительные занятия. Удивительным образом наш курс согласился (хотя формально это было отступлением от норм учебного процесса). Кажется, таковых занятий было два или три (по меньшей мере одно из них пришлось на воскресенье и было проведено на мехмате, на 14-м этаже главного здания МГУ).

Мне казалось тогда, что этот человек отрешен от всего того, что не касалось математики, преподавания и науки. Поэтому в октябре 1964 года я был несказанно удивлен его скептически-ироническим, довольно смелым репликам, произносившимся в узком кругу в одной из аудиторий филфака в связи со случившимся тогда отрешением от власти Н.С. Хрущева. Ни сам Хрущев, ни его ниспровергатели Шихановичу не нравились – он анализировал события не столько с

политической точки зрения, сколько с точки зрения строгой логики законности происшедшего тогда переворота. Такую логику вносил он впоследствии во всю свою диссидентскую и правозащитную деятельность, нередко ставя в тупик своих гонителей и мучителей. Когда в конце 1960-х годов я узнал об этой стороне его жизни, я в очередной раз был поражен завораживающей парадоксальностью этого человека, а в дальнейшем – его мужеством и стойкостью. Надо сказать, что в дальнейшем, уже после его возвращения из второго заключения, когда я неоднократно высказывал ему изумление и восхищение ими, всякий раз на его лице появлялось выражение скуки и даже легкого раздражения. Да простит мне его душа повторение этого...

Н.В. Браккер

О Шихановиче

Я поступила на ОСиПЛ в 1963 году. Узнала об этом отделении случайно – что-то не очень понятное, но там нужен язык и математика. Английский я знала лучше, чем обычные выпускники школы, и по математике была четверка, ну и пошла.

Первое занятие по математике вел Владимир Андреевич Успенский. Было это очень необычно и странно, в диалоге со студентами. Он нарисовал на доске точку и сказал: «Кто сможет нарисовать точно такую же точку, сразу получит пятерки по математике за все 5 курсов». Многие пытались. Я плохо понимала происходящее. Владимир Андреевич представил нашего преподавателя по математике – Юрия Александровича Шихановича.

Шиханович – легенда отделения. Только о нем и разговоры. Говорят, принимает экзамены сутками, когда закрывается университет, то уходят сдавать на Центральный телеграф.

От старших пришли стишки. От Саши Раскиной:

Шиханович нам задал задачи
И велел к четвергу их решить.
Пожелайте нам, братцы, удачи,
А еще тот четверг пережить.

От Вики Раскина::

Если мы возьмем носилки
И на них положим дом,
Мы его перевернем
В силу ложности посылки
Тривиальным образóm.

Викин стишок Ю. А. потом вставил в свою первую книгу.

На первом занятии Шиханович познакомился с нами, записывал в тетраточку имена-отчества, а еще спрашивал, в какой аудитории каждый сдавал математику. Потом он всех называл по имени-отчеству (быстро выучил), это было очень смешно в наши 17 – 18 лет.

Для меня самым трудным и поэтому самым главным была математика. Шиханович каждую неделю устраивал консультации, которые длились ровно столько, сколько было нужно для обсуждения всех вопросов всех студентов, то есть очень долго. На первой консультации все были активны, задавали разные вопросы, а я тихо сидела в углу. Когда почти все уже разошлось, Шиханович обратился ко мне: «А у Вас, Надежда Викторовна, есть вопросы?» И я заплакала: «Нет у меня никаких вопросов, я просто ничего не понимаю, и вообще Вас боюсь». Он сумел вывести меня из этого состояния, а по поводу «боюсь» посоветовал ходить на консультации и общаться. Я так и делала. Постепенно Юрий Александрович научил меня формулировать, чего я не понимаю, и подводил к тому, чтобы я сама находила ответ на свой вопрос.

Про строгости Шихановича. Если студент пропускал занятия без уважительной причины, на следующее занятие Юрий Александрович его допускал только с разрешения деканата. И вот такой случай: на время лекции по математике назначается комсомольское собрание. Мы сообщаем об этом Шихановичу. Он говорит: «Вы в сложной ситуации, вы должны быть одновременно в двух местах. Но если вы пойдете на собрание, на следующее занятие я вас допущу только с разрешения деканата». Кажется, никто на собрание так и не пошел. Он отправлял студентов за разрешением в деканат часто – если занятия пропускались без уважительной причины. Представляете, как деканат его любил!

Экзамены длились, действительно, очень долго. Правда, на Центральном телеграфе, который не закрывался на ночь, я никогда не сдавала. Экзамены были продолжением учебного процесса. В результате как-то удавалось обзреть пройденный курс, увидеть все в целом, а не фрагментарно. Ю. А. давал задание, если справишься, говорил: «На тройку Вы уже сдали. Хотите попробовать на четверку?» Ну, а затем на пятерку.

Итак, понимать Шихановича я в конце концов научилась. Постепенно мы подружились. Юрий Александрович занимался с теми, кто с ним дружил, не только математикой. Водил в кино, например, на «Айболита-66». Советовал что-то почитать, в основном, стихи. Но пока мы были студентами – никакого самиздата. Приходил на дни рождения, когда студенты его приглашали. А позже – и на свадьбы. С этих времен остался его портрет, который нарисовала Лена

Зотова, преподнесла Шиху, а он надписал на нем: «Возмутительно!»

Друзей-студентов Ю. А. называл по имени и на Вы. А вот после окончания университета он предложил выбрать: либо он нас по имени – и мы его по имени, либо уж по имени-отчеству, и мы его, и он нас. Вот так и стали мы с Юрой друзьями на всю жизнь.

А та тетрадочка с именами-отчествами сохранилась. Он записывал туда все, что разузнавал позже о своих учениках. Вот и на 50-летие ОСиПЛ он принес эту тетрадочку. К нему подходили пожилые дяди и тети, вернее, уже бабушки и дедушки, рассказывали о себе, и все это теперь в этой старой тетрадочке.

Наш курс был последним, который Ю. А. довел до конца. В 1968 году его уволили за подпись письма в поддержку А.С. Есенина-Вольпина. С этого времени и до 1995 года, когда начал работать в РГГУ, он не мог заниматься тем, что любил больше всего и умел лучше всего – преподавать математику.

Мне кажется, с возрастом он немного изменился, но не в главном. Вот одна история. Студент РГГУ на зимних каникулах прочитал его книгу «Минимум по теории алгоритмов для нематематиков» и нашел 20 ошибок. Пошел к Шихановичу. Конечно, Шиханович его принял, несколько часов разбирались. Шиханович поблагодарил только за одно замечание: в наборе оказалась ошибка, и пара страниц поменялись местами. Студент ушел со словами: «Какой же я дурак!»¹.

Еще хочу написать о том, как я была в Белом Доме, единственный раз. Юра работал в Комитете Верховного Совета РСФСР по правам человека. Не помню точно, какой это был год, между 1990 и 1993-м. Юра выписал мне пропуск, и я пришла в комнату, в которой он работал. Комната была завалена письмами заключенных о нарушениях и притеснениях в тюрьмах и лагерях, типа «не додали норму масла». Юра отвечал на письма и заносил все это в базу данных, работая на компьютере своей искалеченной в лагере рукой. Потом он повел меня в столовую. По длинному коридору шли шикарные мужчины в дорогих костюмах, на фоне которых наш Юра в своем старом пиджачке выглядел не на месте. Я подумала, что

не долго существовать этому Комитету и Юре в Белом Доме – не вписывается.

Я уже давным-давно лингвистикой не занимаюсь, сложилась совсем другая жизнь. Но меня научили формулировать и задавать вопросы всегда, когда мне что-то не ясно. И не бояться показаться душой. Это редкое умение помогает мне всю жизнь. И другого такого друга у меня не было, и теперь уже не будет.

Примечания

¹ А вот дополнение от этого студента, моего внука, Георгия Мороза, в этом году оканчивающего Институт лингвистики: «Со временем он действительно изменился. Большинство занятий у нас вел Георгий Борисович Шабат, и Юрий Александрович пару раз его заменял. Он сидел на наших занятиях с Георгием Борисовичем и записывал все, что происходило в аудитории, стараясь как-то разобраться, так как математики Георгия Борисовича и Юрия Александровича различались, что порой вызывало вопросы Юрия Александровича. Эту разницу вряд ли можно четко очертить, однако студентка, которая раньше училась на ИскИнте, где математику преподают куда интенсивнее и в разы разнообразней, была несколько раз послана подумать, так как «у нас это определялось немного иначе».

И вот, когда как-то раз Георгий Борисович куда-то уехал, наступила суббота, и мы пришли на занятие к Юрию Александровичу. Разницу было невозможно не заметить. Мы сидели по струнке и все вольности (еда, сон, другие занятия), которые мы могли себе позволить на занятиях Георгия Борисовича, были отброшены еще при входе. Все побаивались Юрия Александровича, хотя поводов к тому он не давал никаких. Видимо, нам этот страх достался от старших курсов.

Присутствие у нас не проверялось, однако Георгий Борисович завел традицию пускать тетрадку по рядам и записываться, чтобы поставить рядом с фамилией плюстик, если человек активно работал на занятии. Однако присутствие или отсутствие на занятии не влекли за собой никаких последствий. И вот занятие началось с того, что все записались в тетрадку, а Юрий Александрович спросил, нет ли у кого-то вопросов. Вопросов, естественно, ни у кого не было. Правда, потом они появились у Юрия Александровича, а так как мы на его вопросы ответить не могли, – он нам объяснил еще раз то, что творилось на последних занятиях, а в конце еще раз всех по очереди (нас и своих учеников в РГГУ он называл по имени) спросил, чтобы проверить понимание.

Единственное, что нам мешало на нашем занятии, это то, что все время входили незнакомцы с вопросом, можно ли взять стул, видимо, где-то на этаже была контрольная и на занятие пришло неожиданно много студентов. Стульев Юрий Александрович брать не разрешал, а после третьего вторжения (прошло около 7 минут от занятия) он спросил: «Вы не знаете, мы никого сегодня больше не ждем?» Получив отрицательный ответ, он встал, взял со стола ключ и запер аудиторию изнутри. Когда он отпускал нас на перемену, он нас попросил вернуться вовремя, что и было сделано. Видимо, все боялись, что он снова запретит и не впустит опоздавших сытых студентов».

В. Кейдан

Памяти учителя и друга

Начну с последней встречи. 12 июля 2011 мне исполнилось 65 лет, и я решил отметить полукруглую дату. Первый, кому я позвонил, чтобы позвать, был Ю. А.

В мои прошлые кратковременные летние приезды в Москву он всегда строгим голосом спрашивал, буду ли я отмечать это событие. Чаще я уклонялся или приезжал не вовремя, и он каждый раз эмоционально выражал разочарование. Это началось ровно 40 лет назад. Узнав, что я остался Москве в одиночестве, Ю. А. предложил мне отпраздновать 25-летие в его квартире на улице Мишина. Тем летом я с опозданием окончил ОСиПЛ, чувствовал себя сильно измотанным после оплеух государственной десницы и не питал иллюзий относительно будущего трудоустройства.

В те годы, когда Ю. А. в качестве ассистента проф. В.А. Успенского преподавал на 1-м курсе филфака введение в математику, а на 3-м алгебру, я был весьма посредственным студентом, каждую сессию по несколько раз пересдавал ему зачеты и периодически лишался стипендии из-за «хвостов» по математике. Казалось бы, что у каждого из нас в воспоминаниях не могло остаться ничего кроме горечи и желания забыть друг о друге. Однако все произошло прямо наоборот. Наша дружба началась именно в 1968 г., когда органы начали карать «подписантов» и вылавливать инакомыслящих. Весной 68-го года стало известно, что Ю. А. увольняют за подписание письма в защиту А.С. Есенина-Вольпина, посаженного за политическую активность в психушку.

Т.Ю. Кобзарева рассказывает о нашей провалившейся наивной попытке ему помочь:

«Мы с Лейлой Лахути и Олей Столбовой, узнав, что очень многие его студенты подтвердили, что он их обижает на занятиях и экзаменах, написали письмо в его защиту, где говорилось, что он замечательный преподаватель, и именно для лингвистов его преподавание очень важно и полезно. Подписались и с этим письмом отправились к ректору Петровскому. Мы ждали в коридоре перед его кабинетом и неожиданно увидели Володю Кейдана и Лену Икову, которые, записавшись на прием, тоже собирались просить за Шихановича. Петровский принял нас всех в своем кабинете и, узнав, по какому мы делу, тут же попросил секретаршу выйти из кабинета. Когда мы остались одни, он прочитал письмо и сказал, что никакого смысла в этом нет, так как это вообще дело не университетское, и он, Петровский, ничем помочь не

может, все уже решено выше. Наше же письмо только докажет, что Шиханович успел идеологически разложить своих учеников, и ему будет только хуже. После чего он нам письмо отдал. Мы поняли, что все так и есть, и ушли»¹.

О беседе стало известно на факультете. Мне тогда показалось, что Петровский именно не хочет, чтобы о нашем с ним разговоре было известно. Но, то ли его секретарша донесла, то ли в кабинете была прослушка, но, когда мы явились на свой факультет, нам дали понять, что о нашем преступлении здесь уже все известно.

А.Е. Кибрик пишет сейчас про это на сайте ОТиПЛА: «В.А. Успенский перестал курировать математический цикл, и это сильно снижало шансы отстоять Ю.А. Шихановича, формально относящегося к коллективу филфака, но совершенно ему чуждого, несмотря на открытое сочувствие к нему со стороны многих студентов и сотрудников ОСиПЛ. Как я помню, со слов В.А. Звезгинцева, ректор И.Г. Петровский лично был против увольнения Ю.А. Шихановича, но вынужден был приказ подписать, под давлением решения Ученого совета филфака»².

На открытом факультетском собрании, где преподаватели и студенты филфака заклеили Шихановича как «пособника наших идеологических врагов» я выступил в его защиту как прекрасного и незаменимого преподавателя. Это ничему не помогло. Шиханович был уволен из МГУ с запретом впредь заниматься преподаванием. Осенью того же года меня, Таню, Лейлу и Лёну пытались исключить за политические убеждения, и я и Таня оказались в психушках. Однако всем нам удалось уйти в академический отпуск усилиями университетского психиатра (мне – благодаря огласке этой истории через «Хронику текущих событий»). Через год нас восстановили, и в 1971-м мы закончили МГУ.

После увольнения Ю. А. из МГУ наше общение продолжилось. О том времени мне запомнились часто организуемые Ю. А. походы в кино на полузакрытые просмотры, полуофициальные выставки и концерты.

Ю. А. был одним из редакторов правозащитного журнала «Хроника текущих событий». В 1972-м Ю. А. был арестован и осужден по ст. 70 («Антисоветская деятельность»), признан невменяемым и содержался в психбольнице под Москвой. Я навещал его там, и даже написал под его редакцией свою первую статью по информатике, основанную на базовых понятиях из его курса. Однако когда я приехал к нему с окончательным вариантом текста, указав в строке авторов свою и его фамилию, он категорически отказался от соавторства, позволив лишь письменно выразить ему благодарность за редактуру. Так статья и была опубликована в сборнике ВИНИТИ.

После его освобождения мы стали часто встречаться в кругу общих друзей, возобновилась традиция организуемых Ю. А. совместных походов в кино и на концерты. Летом 1974-го он пригласил меня в путешествие по Архангельской области, которое изменило мою судьбу – я встретил свою будущую жену.

Возвратившись в Москву, Ю. А. еще активнее включился в правозащитную деятельность и издание «Хроники». Расплата наступила в 1983-м, тоже по 70-й статье – 5 лет лагерей. Здесь в результате несчастного случая на лесопилке Ю. А. потерял три пальца на правой руке и вернулся в 1987-м инвалидом.

В 1990 году я начал преподавать за границей, и теперь мы встречались только во время летних каникул. В первых числах июля 2011 я позвонил, чтобы пригласить его с дочерью Екатериной в дом моего друга, где я остановился. Нашлась удачная маршрутка – от дома до дома. Вечером за столом мы сели рядом, говорили о предстоящем учебном годе, к которому он уже готовился. Он казался немного усталым, но был в хорошем настроении, шутил. Потом попросил меня дать ему слово, чтобы прочитать стихотворение Юрия Кукина, которого в этот день похоронили. Сразу не получилось, а потом в суете и болтовне застолья я забыл об этом, и Ю. А. укорил меня при прощании. Он выпил немного сухого вина, но особенно понравилась ему лимончелла, которую я привез из Рима специально для праздника. Вечер получился веселый, гости долго не расходились.

На дне рождения В. Кейдана, 12 июля 2011 г.

В. Кейдан

Когда все стали прощаться, маршрутки уже не ходили, и до дома Ю. А. с Катей довезла на машине одна из гостей. Через час случился инфаркт. Полтора месяца мы жили вестями из больницы. Катя рассказывала, что Ю. А. вспоминал, какой хороший был вечер...

Через 50 дней, 1 сентября, Ю. А. скончался.

Примечания

- ¹ *Кобзарева Т.Ю.* Осень 68-ого, развитие событий на филфаке МГУ: [воспоминания] [Электронный ресурс] // Live Journal. URL: <http://alius-08.livejournal.com/7496.html>.
- ² *Кибрик А.Е.* Из истории кафедры и отделения структурной/теоретической и прикладной лингвистики (ОСиПЛ/ОТиПЛ): 1960–2000. Эпоха зрелости и защиты завоеваний (1968–1981) [Электронный ресурс] // Сайт филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/history.php?page=3>.

Т.В. Штарева

Репетитор

С Юрием Александровичем я познакомилась еще в школе. В десятом классе (1993–1994 гг.) у меня были проблемы с математикой, а я хотела поступать на лингвистику, и Юрий Александрович согласился мне и моему однокласснику Лене Джалилову давать уроки. Каждую неделю мы приходили в квартиру, заставленную книгами. Помню, удивилась, заметив на столе стопку книг Ричарда Баха – мне казалось, что его читают только такие подростки, как я, а пожилой профессор не станет...

У Юрия Александровича не истощалось терпение, хотя, честно признаюсь, ученицей я была отвратительной, иногда дело доходило до того, что я попросту списывала у Лени одну задачу, а остальные просила объяснить, потому что не поняла. Только говорил, с неподражаемой ироничной интонацией, как будто немного посмеивается и надо мной, и над собой:

– Ну, Таааааяя, смотрите сюда, это прооосто – и указывал узловатым пальцем в учебник.

Только один раз рассердился по-настоящему, даже разгневался. В конце учебного года мы с Леной, точнее наши мамы, конечно

© Штарева Т.В., 2012

Прощаясь с Ю.А. Шихановичем

же, решили поблагодарить его за уроки – ведь денег он не брал категорически. Долго думали, что подарить, и остановились на собачке, фарфоровой, кажется, уже не помню. Я видела в доме Юрия Александровича коллекцию разных собачек. Тогда он работал на Старой площади, входил в комитет по правам человека при президенте России (надеюсь, кто-нибудь расскажет о его правозащитной деятельности). Мы встречались в подземном переходе у метро «Лубянка», и все трое перенесли несколько неприятных минут – Юрий Александрович наотрез отказывался что-либо у нас брать! Мы что-то мямлили, а он покраснел, и видно было, что всерьез обиделся. Под конец мы все-таки всучили ему эту несчастную собачку, и позорно бежали, переводя дух.

Снова мы встретились через год с лишним, когда я поступила в РГГУ на лингвистику, и нас пугали тремя самыми страшными курсами, один из них – математика. Не буду лукавить, преподавателем Юрий Александрович был непростым, он требовал абсолютной точности формулировок, к которой мы, гуманитарные дети, не были приучены. Но как же мне это помогло впоследствии, особенно когда я занялась компьютерной лингвистикой и стала работать в АВВУУ...

Ю.А. Шиханович

Видеоинтервью, данное В.В. Файеру 24 апреля 2010 г.

В.В.: Сегодня 24 апреля 2010 г. Мы надеемся, что Юрий Александрович Шиханович расскажет нам о своей жизни – то, что сочтет нужным. Может быть, только то, что связано с лингвистикой; может быть, еще что-то. Меня зовут Владимир Владимирович Файер. Я очень надеюсь, что когда-нибудь, в зависимости от того, что разрешит Юрий Александрович, эту запись посмотрит еще кто-то. Стандартный вопрос тех интервью, которые я и мои коллеги берем в проекте «Сова Минервы»¹, единственный: расскажите о вашей жизни, но, если вам это кажется неудобным или неуместным, нежелательным, то расскажите о тех частях вашей жизни, о которых вы хотели бы рассказать.

Ю.А.: Нет, разумеется, я просто о жизни рассказывать не буду, как-то я не вижу особой разумности в этом. Как уже было сказано, сейчас апрель 2010 года. Как раз в этом апреле мне стукнуло 77, и значит, разумно считать, что жизнь подходит к концу. Разумеется, неизвестно, сколько еще мне дано, но все-таки в каком-то смысле жизнь постепенно подходит к концу. И уж тем более подходит к концу моя профессиональная деятельность. По причине возраста, по разным медицинским причинам. Главная из этих медицинских причин та, что у меня стало очень слабым зрение. Один глаз у меня не видит уже четыре года, после операции произошло отслоение сетчатки. И второй глаз – зрение катастрофически ухудшается. Мне рекомендуют операцию, решусь ли я на нее, я еще не знаю, но при таком плохом зрении я не уверен, что смогу продолжать профессиональную деятельность, поэтому разумно подвести какой-то ее итог.

Мехмат Ломоносовского университета я кончил в 55-м году, в аспирантуре был с 57-го по 60-й, окончил в 60-м. Будем условно считать, что моя профессиональная деятельность началась в 60-м году, значит, как раз 50 лет прошло. И главное мое профессиональное амплуа за эти годы – это преподавание математики студентам – будущим лингвистам. Мое второе амплуа профессиональное – это редактирование, я о нем не буду сейчас, сегодня говорить ничего, а вот о преподавании лингвистам (я буду студентов, будущих лингвистов, называть для краткости лингвистами), я расскажу. Это мое преподавание по жизненным обстоятельствам, в какой-то степени

© Шиханович Ю.А., 2012

не зависящим от меня, проходило в два разорванных периода: с 1960 по 1968 год в Ломоносовском университете, на Отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета, и в 1994 г. я начал преподавать на Отделении теоретической и прикладной лингвистики РГГУ. И вот пока еще преподаю, это значит 16 лет прошло, 8 лет там, и 16 лет я уже преподаю здесь.

В шестидесятом году я кончал аспирантуру, и в шестидесятом году как раз в МГУ на филологическом факультете открылось Отделение структурной и прикладной лингвистики. И Владимир Андреевич Успенский, который от мехмата курировал преподавание математики на этом вновь открывающемся отделении, пригласил меня преподавать там математику. Я согласился, и в шестидесятом году – вместе с открытием этого отделения – начал преподавать.

Я был в штате филологического факультета, на кафедре структурной и прикладной лингвистики, я там назывался, я уж не помню, ассистентом, кажется. В шестьдесят восьмом году меня оттуда выгнали, формально в трудовой книжке мне записали «по профнепригодности», была такая статья в Кодексе законов о труде. Вот по профнепригодности меня выгнали. По существу это было, конечно, не за профнепригодность, а потому, что я плохо сработался с руководством факультета. Вот я, скажем, ставил отметки неудовлетворительные, не учитывая пожеланий деканата, и они меня давно хотели выгнать, а тут еще подвернулся такой повод. Как раз в шестьдесят восьмом году математика Александра Сергеевича Есенина-Вольпина насильственно госпитализировали в психиатрическую больницу, и коллеги-математики стали собирать подписи под довольно забавным, довольно беззубым письмом, в котором всего-навсего просили, чтобы там, в условиях психиатрической больницы, Александру Сергеевичу все-таки дали возможность профессионально заниматься математикой. Всего-навсего об этом просили². Под этим письмом собирались подписи. Первые подписи там стояли – академик Петр Сергеевич Новиков, член-корр были впереди, ну а потом подписи научным рангом пониже. И я подписался под этим письмом в шестьдесят восьмом году, среди всех прочих. В какой-то момент надо было перестать собирать подписи и посылать это письмо. Кажется, в тот момент там оказалось случайно 99 подписей, и это письмо порой называют письмом 99-ти.

Готовя мое увольнение, тогдашний декан Алексей Георгиевич Соколов предложил мне сделать отчет об учебно-воспитательной работе. На этот отчет народу собралось много – была заполнена огромная аудитория и не только преподавателями, но и студентами, все явились послушать, посмотреть на это зрелище. Это было

не очень, конечно, осмысленно – для такого разнородного, большого коллектива – всерьез отчитываться о моей учебно-воспитательной работе. Я придумал некую форму, что я скажу, а после того, как я сказал то, что приготовил, меня спросил кто-то, не помню кто, про подпись, про мое участие в письме 99-ти – как я отношусь к своей подписи. Я сказал, что я горжусь, что моя подпись в таком большом, почетном коллективе математиков. Алексею Георгиевичу это было очень на руку – то, что я это сказал. Он это использовал в полной мере, и Ученый совет филологического факультета проголосовал за мое увольнение. Я не стал бороться-спорить-возражать. Последний мой учебный год, который я там провел, на филфаке МГУ, был 1967-68. Летом шестьдесят восьмого меня уволили.

Таким образом, в первый период моего преподавания я 8 полных учебных годов там преподавал. В последний учебный год случилось так, что коллеги-математики с мехмата, которые на филфаке тоже преподавали – они все ушли, не стали преподавать, потому что руководство филологического факультета все время урезало и урезало время на преподавание математики, все время урезало программу. И преподаватели с мехмата перед 1967-1968 годом заявили, что больше не будут в таких условиях преподавать. Ну а я, поскольку был в штате, я не мог ничего подобного сделать, и более того, я чувствовал себя почему-то (меня никто об этом не просил) морально обязанным заменить всех ушедших преподавателей, то есть я стал преподавать во всех группах, которые тогда были. И Алексей Георгиевич Соколов, когда проводил процесс моего увольнения, тем не менее счел нужным произнести такую фразу: «Ну, надо отдать должное Юрию Александровичу, что он в тяжелую минуту нам помог».

Правда, потом был такой мелкий, бытовой эпизод, когда меня уже уволили. Тогда в старом здании МГУ на Моховой был зубо-рачебный кабинет, принимал врач-стоматолог. Я до этого ходил к нему лечиться и уже после увольнения все равно позволил себе пойти снова на прием. И так получилось, что я сидел на приеме к нему в очереди за Алексеем Георгиевичем. Соколов туда пошел, потом я. И я как-то сразу увидел изменившееся отношение врача, который совершенно по-другому со мной разговаривал и в конце сказал, что я не должен к нему ходить. Я, разумеется, к нему больше не ходил. Алексей Георгиевич счел нужным предупредить этого врача.

Это, собственно, уже конец моего первого периода преподавания. Четыре набора я довел с первого до последнего дня – наборы 1960, 61, 62 и 63-го годов. А остальным наборам, с 1964-го до 1967-го, я преподавал не до конца, уже не до выпуска. Там в то время математика по учебному плану преподавалась лингвистам 9 семестров,

то есть последний семестр это был первый семестр пятого курса. По 3 раза в неделю, то есть это был довольно большой курс. В отличие от того, что сейчас здесь я преподаю, в РГГУ – сейчас это подразделение называется Институт лингвистики, в нем отделение теоретической и прикладной лингвистики и специальность соответствующая «теоретическая и прикладная лингвистика». Сейчас по плану всего 6 семестров, причем 5 семестров по 2 раза в неделю, и 6-й семестр один раз в неделю, то есть гораздо меньше часов отведено, и, соответственно, гораздо меньше удастся курсов «преподать».

Я в 1994 году сюда пришел, здесь деканом тогда был Александр Николаевич Барулин, он меня пригласил. Барулин – мой бывший студент, и вообще так, чу-у-у-ть-чуть преувеличивая, можно сказать, что вообще все – мои бывшие студенты. Первый год я преподавал еще на условиях почасовой оплаты, а с 1995-го стал на полной ставке, на должности доцента преподавать. Как я уже упомянул, очень много студентов, ставших лингвистами, я обучил, ну вот, мне хочется назвать, я бы мог очень многих назвать, но я назову всего двух-трех человек. Это Григорий Ефимович Крейдлин и Ольга Анатольевна Казакевич. И вот я, наблюдая их профессиональные успехи на их лингвистическом поприще, даже позволяю себе, для себя, говорить, что я горжусь, что у меня были такие студенты.

Кроме этих двоих, я назову, пожалуй, Владимира Михайловича Алпатова, который сейчас в ИВАНе то ли директор, то ли зам. директора. Еще Виктор Маркович Живов – он тоже зам. директора в Институте русского языка. Когда-то за прием Виктора Марковича [на наше отделение] была очень большая битва, его почему-то не хотели принимать, мы очень сражались, но в конце концов добились, чтобы его приняли³.

Среди моих студентов был (он проучился у меня всего один год) Игорь Михайлович Богуславский. Вот, по крайней мере, точка зрения Григория Ефимовича Крейдлина – он считает, что Игорь Михайлович Богуславский самый сильный из выпускников нашего отделения лингвистов. Так считает Григорий Ефимович, я своей точки зрения не имею. Не мне об этом судить.

Теперь, наверное, немножко интересно сравнить, что изменилось в моем преподавании в первый и второй период. Сначала такая совершеннейшая мелочь. В первом периоде (он начался в шестидесятом году) мне было 27 лет, сравнительно молодой человек. И тогда, уж не помню почему, инстинктивно, наверное, мне хотелось дистанцию держать – я тогда всех студентов своих называл только по имени-отчеству, только так к ним обращался. А во второй период, когда в 1994-м я начал преподавать, мне уже было за 60, я позволил себе студентов называть просто по имени.

Был, например, такой момент во втором периоде, когда одна из студенток, а я всегда в начале, на первом занятии, организационном, знакомлюсь со всеми, опрашиваю, анкетирую в какой-то степени по составленной мной анкете... В частности, я задаю вопрос каждому, ну, сначала фамилия-имя-отчество, а потом вопрос: «Как вы хотите, чтобы я к вам обращался?» Однажды был момент, когда я всех опрашивал, кто как хочет, чтобы его называли, и там была уже вторая или третья Аня среди поступивших, и она спросила, а нельзя ли, чтобы я ее называл не Аней, а по фамилии. Мне почему-то, по моему внутреннему ощущению, было дискомфортно называть человека по фамилии, это как-то, по моему ощущению, свысока получается. И я ей предложил компромисс, сказал, что, если хотите, я вас буду по имени-отчеству называть. Она не возражала, и был тогда такой набор – всех я называл по имени, а ее – я по имени-отчеству. Ну, это сравнительная мелочь. Пожалуй, стоит упомянуть все-таки в этом контексте: довольно многие из моих бывших студентов стали моими близкими друзьями, с некоторыми из них я перешел потом на ты, не говоря уж об обращении взаимном по имени.

А дальше я хочу вот что сравнить. В первом периоде преподавания у меня был такой принцип на экзамене, не знаю, откуда он взялся – я давал человеку вопрос на экзамене и дальше давал ему столько времени, сколько ему нужно. Вот сколько он хочет, столько пусть думает над этим вопросом. Это практически приводило к тому, что некоторые сидели очень долго, по своему желанию, я бы сказал. Потом университет – на Моховой это было – закрывался, и мы искали себе пристанище. Находили порой – это звучит немножко смешно – на Центральном телеграфе, это сравнительно близко, шли туда и сидели там столько, сколько хочет этот студент. Было несколько случаев, когда мы в метро спускались, в Охотный ряд, и там кое-как пристраивались. Это было в первый период моего преподавания, а во второй период другой принцип у меня откуда-то взялся. Я заранее назначаю каждому сдающему его время, отвожу на каждого человека по 2 часа, причем каждый приходит в заранее назначенное время, совершенно не ждет, заходит, и 2 часа мы с ним беседуем. Получается так, что один на один, а через 2 часа я экзамен с этим человеком заканчиваю. За 2 часа у меня задача, во-первых, понять, какую отметку заслуживает этот студент по совокупности обстоятельств и, во-вторых, чтобы он почувствовал справедливость моей оценки. Вот такая двуединая задача у меня. Значит, каждому выделяется его 2 часа, зато это у меня занимает 2-3 дня. Вот это изменилось в моем преподавании.

Когда я в шестидесятом году начал преподавать, то сначала, в первом семестре, Владимир Андреевич Успенский прочел некий

начальный курс, который потом стал называться «Введение в математику». Я этот курс прослушал, а потом по его стопам стал читать такой же курс, читал год за годом, в первом семестре. Во втором семестре я читал курс алгебры, в третьем-четвертом – курс анализа, в пятом-шестом семестре не я, а чаще всего Александр Дмитриевич Вентцель читал курс теории вероятностей. Потом в седьмом-восьмом семестрах – это, соответственно, четвертый курс – я читал курс математической логики и теории алгоритмов, а в девятом семестре курс математической лингвистики.

Итак, я стал читать курс «Введение в математику», год за годом, и однажды одна студентка, я помню, как ее зовут, помню ее, однажды она сказала: «А вы бы написали книгу». Мне до того в голову это не приходило. А после того, как она сказала, это мне запало в голову, и я это реализовал – написал. Тогда это делалось пером на бумаге, написал книжку, которая в 1965 году вышла, называлась она «Введение в современную математику» и подзаголовок «Начальные понятия». Я хотел назвать ее просто «Введение в математику», но – это в Физматгизе издавалось – они захотели, чтобы в названии было непременно слово «современная». Поскольку мне было все равно, автор я был начинающий, первый раз книжка моя издавалась, я согласился, пусть будет «в современную математику». В 1965 году книжка вышла, а в 1966 году я ее защитил в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Мои коллеги немножко удивлялись, говорили: «Почему педагогических наук, давай физ.-мат. наук», но я им возражал в соответствии с тем, что я думал по этому поводу. Я им говорил, что я ни в малейшей степени не считаю мою книгу каким-то вкладом в математику, но, вообще-то говоря, считаю ее вкладом в педагогику. И в соответствии с этой своей точкой зрения я защитил ее на кандидата педагогических наук. Для того, чтобы это реализовать, я просто явился в пединститут и сказал: «Вот, хочу защитить». Ну, с улицы редко так приходят... Они сказали, что надо сдать экзамен специальный по педагогике. Но там тогда в пединституте (он назывался имени Ленина, сейчас он называется Педагогический университет) преподавал Исаак Моисеевич Яглом, он мне так устроил, что этот экзамен по педагогике прошел просто как формальность, и в 1966 году я защитил эту книгу, получил ученую степень кандидата педагогических наук.

Я тогда же написал еще одну книгу по своему курсу алгебры, но тогда издательство отказалось ее печатать. Посылали эту книгу на рецензию Льву Анатольевичу Скорнякову. Он прочитал и сказал, что здесь все такие тривиальные вещи, хороших теорем нет, глубоких. Я после этого замечания добавил пункт с одной глубокой тео-

Ю.А. Шиханович

ремой, описывающей конечные абелевы группы, но... Мой замысел был – написать книжку с курсом начал данного раздела математики, книжку, соответствующую тому курсу, который я преподавал. Книжка эта все равно не вышла – я в одно издательство относил, в другое – отказались ее печатать. А когда я начал преподавать здесь в РГГУ, то я книжку «Введение в современную математику» переработал-переписал-обновил, назвал просто «Введение в математику», и, самое главное – мне указали частное издательство, которое такие книжки издает. Оно называется «Научный мир». И вот, в 2005 году они приняли мою книгу. Когда я в 1965 году первую книгу издавал, то мне заплатили гонорар, по-моему, 1700 рублей. Ныне живущая молодежь не очень оценит эту сумму, но это была довольно большая сумма, она тогда позволила оплатить первый взнос за кооперативную квартиру. Это я к тому, что сейчас мне за книги – за это время вышли четыре мои книги – практически гонорара не платят, и даже наоборот, за подготовку к изданию, за подготовку электронного макета я плачу довольно заметную сумму. И вот, в 2005 году вышел обновленный вариант той моей книги «Введение в современную математику». Называется просто «Введение в математику».

С женой Алей, 2007 г.

Потом, когда я этому издательству «Научный мир» предложил ту же самую мою книгу по алгебре, они с кем-то посоветовались и отказались ее печатать. Но у меня, к счастью, случайно нашелся издатель в Петербурге, который согласился ее напечатать и даже го-

норар заплатил, что-то вроде 400 долларов, и в 2006 году вышла эта книжка по алгебре, чуть-чуть обновленная по сравнению с тем, что было за 40 лет до этого, под названием «Группы, кольца, решетки». А потом у меня получилось написать еще две книжки, я тратил лето за летом – летом я в основном писал, потому что в учебном году преподаю, как-то не получается. Вот я летом 2007 года написал книжку по теории алгоритмов, я ее назвал «Минимум по теории алгоритмов для нематематиков». Она вышла в 2008 году. А прошлым летом я написал книжку по математическому анализу, которую назвал «Начальные главы математического анализа в полуформальном изложении». И она вышла в этом, 2009 году.

С одной стороны, люди немножко удивляются – как так удается мне вроде как за лето написать книгу? Но с другой стороны, это же является в каком-то смысле, в какой-то степени просто записью курсов, которые я читал, много лет читал, повторял, и поэтому все это у меня уже в голове, на языке было. Но все равно это была довольно напряженная работа – за лето написать. А сейчас я, если все-таки совладаю со своим зрением, собираюсь этим летом написать пятую и последнюю книгу из этой серии моих учебников по моим курсам – книгу по математической логике, которую я хочу назвать «Исчисления логические и математические». Если мои глаза позволят, то я этим летом ее напишу, ну а потом она, соответственно, довольно скоро в издательстве «Научный мир» выйдет. Теперь вообще книжки издают, после того как электронный макет сдан, очень быстро⁴.

Что еще можно вспомнить? Что еще можно сказать про эти два периода моего преподавания математики лингвистам? У меня есть, например, тетрадка, от первого периода моего преподавания... Тех, кто поступили в 1967 году, я еще год учил, в шестьдесят восьмом меня выгнали. Значит, получилось 8 наборов, с 60-го до 67-го. У меня для каждого из этих наборов есть список окончивших. Я по возможности стараюсь немножко проследить за их судьбой. Особо хочу выделить первый набор – это те, кто в шестидесятом году поступили. Сначала их было принято 9 человек, потом был еще организован дополнительный набор некоторых желающих. Число их возросло до 13, а окончило только 5 человек. Так много было отсеяно. Впрочем, некоторые и сами уходили.

Был такой знаменитый студент, потом выпускник – Георгий Андреевич Анджапаридзе, ныне покойный. Он прославился, в частности, тем, что, когда поехал сопровождать Анатолия Кузнецова в Англию, то он его «упустил». Анатолий Кузнецов убежал из-под его опеки и там остался. Потом Георгий Андреевич долго возглавлял издательство «Художественная литература». После второго кур-

са он ушел с этого отделения, перешел на романо-германское. А в 1968 году, когда была кампания по моему увольнению и некоторые студенты пробовали вступаться, он организовал, возглавил в комитете комсомола кампанию по репрессиям тех студентов, которые пытались за меня вступить. Одного из них, ныне моего друга, Владимира Кейдана, тогда выгнали из МГУ, но потом дали ему возможность восстановиться, доучиться.

Из первого набора окончил, как я сказал, пять человек. Одна из них – Ольга Федоровна, когда она была студенткой, она называлась Крутиковой, сейчас она Кривнова – известный специалист по фонетике. Она преподает в МГУ, по-прежнему. Борис Юрьевич Городецкий, он был в институте, который когда-то назывался Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Потом стал называться имени Тореца, сейчас называется Лингвистический университет. Он стал там заведующим кафедрой, но на настоящий момент я не знаю точно его служебного положения. У меня здесь список всех окончивших, из всех восьми наборов. Но из первого набора, из пяти человек, я, кроме уже названных Ольги Федоровны Кривновой и Бориса Юрьевича Городецкого, назову еще Александру Александровну Раскину. Она стала моим другом. Сейчас она в Америке со своим мужем Александром Дмитриевичем Вентцелем. Она там преподает, они в Нью-Орлеане живут, ее пригласили преподавать русский язык и литературу американским студентам. В связи с тем, что я ее упомянул, мне хочется следующий факт вспомнить. Этот факт по-своему забавный, и немножко я им горжусь – тем, что я за время моего многолетнего преподавания обучал внуку, правнучку и праправнучку Абрама Вигдорова. Внука, правнучка и праправнучка были моими студентами.

Естественный вопрос: кто такой Абрам Вигдоров? Про него я скажу только одно, что он отец Фриды Абрамовны Вигдоровой. Фрида Абрамовна Вигдорова – довольно известный в нашей культуре, литературе, в нашей общественной жизни человек. Она прославилась, в частности, на печально известном суде над Иосифом Бродским, будущим Нобелевским лауреатом, на суде, на котором его обвиняли в тунеядстве. Фрида Абрамовна была на этом суде – ходила как журналистка от «Литературной газеты»⁵ и, несмотря на то, что судья пытался чинить ей препятствия, записала все, что происходило, и потом – тогдашняя форма общественной жизни – пустила эту запись в самиздат, потом она, естественно, была напечатана. Так вот дочка этого Абрама Вигдорова – Фрида Абрамовна Вигдорова. Ее дочка – это первая из тех, кого я упомянул, когда сказал – внука, правнучка и праправнучка. Внука – это дочка Фриды Абрамовны Александра Александровна Раскина, она дочка

Видеоинтервью 24 апреля 2010 г.

Фриды Абрамовны и Александра Борисовича Раскина, довольно известного нашего писателя-юмориста. Потом я еще обучал правнучку Абрама Вигдорова, ее зовут Аня Шур, она дочка Лены Вигдоровой. Но это уже здесь, в РГГУ, происходило. Потом еще была праправнучка, ее зовут Саша Латышева. Все они из разных колен, я не буду это более точно описывать, но все они прямые потомки Абрама Вигдорова.

И вообще, у меня многие студенты учились, как минимум, в двух поколениях. То есть, сначала были мои студенты, а потом я обучал их детей. Стоит ли всех перечислять? Когда-то сестра Делира Гасемовича Лахути Лейла Лахути была моей студенткой там еще, в МГУ. Вот ее дочка, Соня Лахути не так давно была здесь моей студенткой, в РГГУ. Сейчас учится в РГГУ внук моей студентки, Георгий Мороз. Тогда она была Надеждой Викторовной Вайсфельд, потом вышла замуж, стала Надеждой Браккер. Вот, это ее внук сейчас учится. Немножко, косвенно, почти был моим студентом. Довольно много таких коротких династий, которые проходили через мои руки.

Одно из последних занятий, 17 мая 2011 г.

Когда вышли мои книжки, когда четыре из пяти моих курсов стали обеспечены книжками, я начал преподавать несколько по-другому. Я не пересказываю книжки один к одному. Наше обучение, моя работа теперь проходит так: я задаю студентам читать по книжке, потом мы разбираем задачи, я отвечаю на вопросы. Некоторые отдельные трудные места я все-таки пересказываю. Хотя я старался

писать так, чтобы было по возможности понятно. Старался так, чтобы это могли понять просто с чтения. Теперь это несколько новая форма обучения. И, как я уже выше сказал, я надеюсь свой пятый, последний курс тоже в книгу превратить.

Мне хочется, пожалуй, дать следующее пояснение. Я сказал – 5 курсов. Один из курсов называется по учебному плану «Введение в современную математику». Потом два семестра отведено на курс математической логики. Я считаю теперь принципиальным, что нужно читать сначала, в качестве отдельного самостоятельного курса, курс теории алгоритмов. Я часть этого двухлетнего периода выделяю на самостоятельный курс теории алгоритмов, хотя в ведомость, в зачетку вынужден писать в соответствии с учебным планом «математическая логика». Но для студентов это отдельный самостоятельный курс, по которому я принимаю зачет. А потом идет собственно математическая логика, это третий курс, который я нынче читаю в РГГУ. И, наконец, четвертый курс – это математический анализ, который я сейчас читаю второкурсникам в четвертом семестре. А пятый курс... Когда-то в учебный план – не говоря уже об МГУ, там когда-то вообще преподавали 9 семестров – а даже в РГГУ поначалу, когда я начал работать – алгебра входила, находили время в учебном плане выделить на курс алгебры. Но потом происходило урезание, и курс алгебры выпал из обязательных курсов. Собственно, это мы, математики, решаем в каком-то смысле, какие курсы преподавать в то время, которое нам отведено. Ну и вот мы решили, что на алгебру уже времени как бы нет. Поэтому этот курс теперь уже не читается.

Правда, недавно в этом семестре нашлись добровольцы, несколько человек добровольцев, как я люблю говорить «шестикурсники, пятикурсники и четверокурсники». Шестикурсниками я называю окончивших. Вот нашлось несколько человек, в том числе окончившие, пятикурсница, ныне учащаяся, четверокурсницы, которые захотели послушать курс алгебры. И такое случилось – два маленьких чуда, что, во-первых, нашлось удобное время, и нашлась аудитория даже. При нашей острой нехватке, тем не менее, я сумел найти аудиторию во взаимно удобное время. И вот мы с ними встречаемся раз в неделю и проходим книжку по алгебре, упомянутую уже несколько раз. Опять-таки они читают, потом мы разговариваем, разбираем задачи.

В.В.: То, что лингвистам очень нужна математика, наверное, ни один разумный человек отрицать не будет. Болезненный вопрос состоит в том, сколько математики нужно лингвистам, чтобы они были, с одной стороны, профессионалами настоящими, с другой стороны, получали более широкий взгляд на мир, который дают им

математические курсы? Как вам кажется, недостаток математики у студентов в вашем втором периоде существенным образом сказывается на их профессиональной компетенции и на настоящей университетской широте их взглядов, которая должна воспитываться, или, может быть, и так тоже получается неплохо?

Ю.А.: Этот вопрос уместнее задавать лингвистам. Наиболее компетентен в этом вопросе Григорий Ефимович Крейдлин. Он очень широко развит, он и математику часто преподает, очень широко развит в этом плане. Лучше всего спросить его. Но я скажу следующее. Дело в том, что сейчас появилось много ампула для лингвистов в различных информационных лавочках и фирмах, они уже занимаются не лингвистикой, а информационными приложениями всякими, и там мне гораздо труднее судить. Мне кажется со стороны, что там им широкое математическое образование не так нужно, не очень нужно. А тем, кто хочет заниматься лингвистикой как таковой (а таковых не очень много, ну и условий, возможностей для этого не очень много, потому что работа как-то должна оплачиваться) — им, мне кажется, это очень полезно.

В.В.: Рассказывая о своем преподавании, Вы много и интересно рассказали о формальной стороне дела, хотя далеко не только о ней. Меня бы интересовал такой вопрос. Какие яркие личности вспоминаются Вам среди Ваших коллег и среди Ваших студентов-лингвистов, о которых Вам хотелось бы рассказать какую-то любопытную историю?

Ю.А.: Среди моих коллег мне, в первую очередь, хотелось бы снова назвать Владимира Андреевича Успенского, который курировал семь лет преподавание математики на отделении структурной и прикладной лингвистики в МГУ. Но у Владимира Андреевича Успенского есть, назовем ее статьей, «Серебряный век структурной лингвистики», напечатанная, в частности, в его знаменитом, замечательном двухтомнике «Труды по нематематике». Там есть замечательная статья, в которой он очень интересно рассказывает всю историю становления на ноги структурной лингвистики и преподавания, особенно математики [структурным лингвистам]. Владимиру Андреевичу в этом году, в апреле, исполняется 80 лет, он преподает по-прежнему там, в МГУ, на кафедре у Александра Евгеньевича Кибрика. Преподает, читает два курса, которые он называл «Язык математики», это в первом семестре, и «Аксиоматический метод» — он его читает во втором семестре. В первую очередь мне его хотелось бы назвать.

Называл я также Александра Дмитриевича Вентцеля, который, с одной стороны, преподавал ежегодно на третьем курсе курс теории вероятностей там, в МГУ, в те годы, в шестидесятые. С дру-

гой стороны, он принимал очень активное участие в организации так называемых «Традиционных олимпиад по языковедению и математике». Немножко забавно вспомнить, что создатели этих олимпиад проявили остроумие, и даже первую из них назвали «Первой традиционной олимпиадой по языковедению и математике». Так было написано в афишах. Но потом они проводились год за годом, и Александр Дмитриевич принимал активное участие в их организации и проведении.

Был у меня однажды случай... Был такой год, когда рекомендовали, чтобы на вступительных экзаменах математик принимал экзамен по математике на пару с лингвистом. Каждому экзаменатору давался в пару какой-то лингвист. В том году я принимал экзамен с Андреем Анатольевичем Зализняком. Я полагаю, что его имя-фамилия не требуют дополнительных объяснений, рекомендаций. Там был такой забавный эпизод – поступала студентка, Елена Эмильевна Разлогова. Ее брат очень широко известен, специалист-киновед Кирилл Разлогов, очень часто выступает по соответствующим вопросам. Мы с Андреем Анатольевичем принимали у нее устный экзамен, и мне очень скоро стало понятно, с кем я имею дело. И я, как полагается, чтобы абитуриентка не слышала, Андрею Анатольевичу шепнул, что я готов закончить экзамен, поставить ей пятерку, но Андрей Анатольевич, поскольку для него это все-таки дело было новое – экзамен по математике – сказал: «Ну, так быстро?!» Ну, я сказал: «Пожалуйста, продолжайте». Потом Елена Эмильевна получила свою пятерку, через некоторое время. Такой был эпизод. Было мне приятно с Андреем Анатольевичем хотя бы короткий час-другой провести в совместной деятельности.

Про студентов я про очень многих могу начать рассказывать, но многие за это время, к сожалению, уже и скончались.

В.В.: Что касается Ваших студентов, в особенности тех, которые уже скончались, мне кажется, важно было бы упомянуть о ком-либо из них, потому что они уже сами не могут о себе рассказать, и становится все меньше людей, которые хотя бы что-то о них помнят и знают, особенно о временах их молодости. Мне кажется, это было бы очень важно, как некая дань их памяти сейчас.

Ю.А.: Вот, Женя Хелимский не так давно, будучи за границей, в Германии, скончался. Но Женю Хелимского я учил всего год. Он поступил в 1967 году, соответственно, я его знаю не очень хорошо. Я здесь с ним в РГГУ немного пересекался. И вот он уже скончался.

Если посмотреть из тех, кого я больше учил, чем один год... Вот, Наташа Соколовская. Она в 1965 году поступила, три года училась у меня, и мне рассказали, что она тоже умерла.

Несколько странная диагональ – диагональ воспоминаний по умершим.

Была такая замечательная студентка и мой друг, про нее я гораздо больше могу рассказать, Лида, Лидия Владимировна, в девичестве она была Барлас, потом стала Кнорина, Лида Кнорина. Она трагически закончила... в 1994 году, в состоянии депрессии после гриппа, она покончила с собой. Мы с ней были большие друзья, она много замечательного сделала. О ней есть поминальная статья Владимира Андреевича Успенского в упомянутом двухтомнике «Труды по нематематике». Лучше, чем там Владимир Андреевич написал, подробней, я не смогу сказать.

Наверное, многим известен Альфред Наумович Журинский. Он в 1991 году умер. Его я проучил полный курс. Я думаю, он очень известен своей деятельностью на поприще олимпиад, задач. Он окончил потом аспирантуру, был в Институте языкознания. В 1991 году скончался.

Еще была Аля Скрозникова. В девичестве у нее такая была фамилия. Она занималась, в частности, изучением дельфинов. Или, если угодно, можно даже сказать – языка дельфинов. Потом она эмигрировала в Израиль, заболела и там скончалась.

Вот, собственно говоря, если пройтись, как говорят математики, по такой странной диагонали – по диагонали скончавшихся.

В.В.: А были ли такие студенты, а если были, то как Вы оцениваете их число, которые покинули в первый период Вашего преподавания отделение структурной и прикладной лингвистики исключительно или прежде всего в силу невозможности справиться с математикой?

Ю.А.: Были, да. Вот, например, одного я такого помню, Владимира Терентьева. Его нет в моем списке именно потому, что у меня, по первому периоду, только списки окончивших. (По второму периоду у меня есть полные списки, наоборот, начинавших, кто начинал учиться.) Когда он был, по-моему, на первом курсе, Андрей Анатольевич Зализняк со мной посоветовался, как я смотрю на то, что Володя Терентьев перейдет на обычное отделение. Как я мог смотреть? Я ничего против не имел, если ему так лучше. Он перешел, дальше я о нем почти ничего не знаю.

В.В.: Число этих случаев, как Вам кажется, измеряется единицами, или все-таки таких людей было больше, чем один-два человека?

Ю.А.: Нет, больше, конечно, которые переходили. Просто, если они у меня учились очень мало, то я их забыл за это время. А здесь, как я уже сказал, у меня записаны только окончившие.

И сейчас, конечно, такие есть, переходящие. Вот на курсе, на котором я нынче преподаю, на втором курсе (я теперь, когда беру набор, то преподаю два года), две девочки вполне сдали математику, тем не менее захотели перейти на другое отделение. Максим Анисимович очень доброжелательно относится ко всем подобным просьбам и желаниям. Вот, дал возможность перейти Оле Ерошиной и Лизе Кибисовой.

В.В.: Вы говорите о тех, кто сдали математику и перешли. Может быть, в данном случае математика не была главной причиной. А были те, кто ушел из университета или ушел из лингвистики прежде всего из-за математики?

Ю.А.: Да, такие тоже, конечно, есть. Максим Анисимович дает им возможность перейти на другие наши специальности. Да, вот в этом, последнем наборе две девочки, сдав математику, по собственному желанию перешли на другие специальности, а две девочки не выдержали математику и вынужденно ушли на другие специальности.

В.В.: Я говорю о первом периоде Вашего преподавания, потому что сейчас ситуация гораздо более мягкая, может быть...

Ю.А.: А что про первый период? Было ли много невыдержавших? Было, вот я Вам привел пример из первого набора: было 13, а окончил 5.

В.В.: И они не выдержали по разным причинам или прежде всего из-за математики?

Ю.А.: Наверное, из-за математики. Так мне сейчас кажется, задним числом. Я не помню, это давно было. Примерно 45 лет назад.

В.В.: Юрий Александрович, а правильно ли я понимаю, что результатом правозащитной деятельности вашей было среди прочего и то, что вы оказались в местах заключения?

Ю.А.: У меня было тоже два таких периода. В 1968 году меня выгнали из МГУ, потом меня мой друг приютил в своей программистской лавочке, четыре года я там работал, хотя и не научился программировать, а в 1972 году органы КГБ меня арестовали первый раз. В тот раз в сентябре 1972 года меня арестовали, я был в Лефортовском следственном изоляторе до декабря 1973 года, а потом по своим раскладкам они выбрали для меня путь в психиатрическую больницу. Послали меня в институт имени Сербского на психиатрическую экспертизу, они признали меня невменяемым, и в декабре 1973 года меня суд – тогда все делалось внешне по закону – признал невменяемым и направил на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Причем психиатрических больниц было два вида – специальные и общие. Для меня почему-то кэзэбэшное начальство выбрало вариант более слабый – по-

Видеоинтервью 24 апреля 2010 г.

слали в больницу общего типа, под Москву, она была в Яхроме, под Дмитровом, и там я семь месяцев провел. Когда я был в этой больнице на так называемом принудительном лечении, там все вокруг понимали, почему я туда попал, и соответственно со мной обращались.

1972 год

Был такой совершеннейший микроэпизод. Меня вели на комиссию, которая должна была признать, что для меня уже не требуется принудительного лечения, в таких случаях полагалось непременно сопровождение медицинской нянечки. И вот, когда был узкий проход и я инстинктивно посторонился, чтобы пропустить ее вперед, она извинилась, сказала: «Юрий Александрович, у нас полагается, чтобы вы шли впереди». Я тоже перед ней извинился и больше не ставил ее в такое неловкое положение.

Еще была такая забавная история. Перед тем, как меня туда привезли, прямо непосредственно из Лефортова, там нянечки почему-то сочли нужным положить на приготовленное для меня место 2 или 3 матраца. И потом каждый раз, когда после праздников туда поступало много всяких пьяниц в качестве пациентов, нянечки приходили, извинялись, говорили: «Можно у вас забрать эти лишние матрацы?» Я только руки разводил, говорил, что я не просил это класть, пожалуйста, конечно можно.

В.В.: То есть, к вам персонал относился с уважением...

Ю.А.: Соответственно.

В.В.: Ну, соответственно может быть в разные стороны. Какие-то люди, наоборот, может быть, относились...

Ю.А.: Нет, нет. Относились как к нормальному человеку. Все всё понимали. Да, вот еще, это немножко забавно – меня туда привезли в декабре, а очень скоро, чуть ли не в тот же месяц – это звучит немножко как юмор – тот, кто заведовал этим отделением, вводил такую систему, короче говоря, выбрали меня председателем Совета больных в этом отделении. Но, с другой стороны, когда я начал организовывать некоторые экскурсии, меня вдруг на них не пустили, и мне этот мой врач, заведующий отделением, сказал, что вот, указано меня пока не пускать. Да, там было много таких забавных эпизодов, в этой больнице.

И вот в июле 1974 года я вышел из больницы, причем как раз в это время приезжал Никсон, и меня задержали, хотя суд уже постановил освободить – задержали на неделю-другую. И Петра Григорьевича Григоренко (я не буду пояснять) тогда тоже должны были освободить и тоже задержали на время приезда Никсона.

А второй раз в 1983 году меня органы КГБ снова арестовали, послали снова на экспертизу в институт имени Сербского. И у них была трудная задача – они хотели на этот раз признать меня вменяемым, поэтому держали меня на экспертизе три месяца. У них там срок полагается один месяц. Месяц продержали – на комиссию, снова оставили – изображали, что требуется дополнительное обследование. Через 3 месяца поставили тот же диагноз, что и 11 лет назад, но постановили, что – вменяемый. И потом суд направил меня в лагерь, по приговору у меня было 5 лет лишения свободы с последующей ссылкой в течение пяти лет. Но уже как раз Горбачев пришел, и в 1987 году нас стали освобождать, политзаключенных, и в том числе меня освободили. Они называли это помилованием.

В.В.: Поводом или, может быть, главной причиной вашего ареста служило участие в издании «Хроники текущих событий»?

Ю.А.: Да, второй раз именно так. Второй раз эта причина была, а первый раз просто мое активное занятие самиздатом. Первый раз они не знали, что я тоже занимался «Хроникой», как-то это не очень распознали.

В.В.: Занятие самиздатом – то есть, вы тиражировали и распространяли какие-то книги?

Ю.А.: Ну да, размножал и раздавал.

В.В.: Какие, например? Может быть, Солженицын?

Ю.А.: Да не помню я... «Архипелаг ГУЛАГ» вышел только в 1974. Во второй период пребывания на свободе, то есть между посадками, я немножко распространял «Архипелаг ГУЛАГ». Я уж не помню, что еще... У меня много было всякого самиздата.

В.В.: Может быть, вы можете немного рассказать – вы, наверное, знали Татьяну Михайловну Великанову...

Ю.А.: Да, конечно, мы дружили очень, и, в общем-то, к занятиям «Хроникой» она меня привлекла. Причем это получилось немножко забавно. Она мне сначала давала читать, я читал, и по своей вышеупомянутой редакторской ипостаси я все время делал замечания – что вот там не так, то не то, это не то... Она говорила: «Передам». Так продолжалось несколько месяцев, несколько номеров-выпусков она давала мне читать. А потом она сказала вдруг: «Может, ты хочешь сам принять в этом участие?» Я согласился. Она сама непосредственно в издании «Хроники» – грубо говоря, в редактировании – не очень принимала участие, она была таким диспетчером всеобщим, которая принимала всю информацию, передавала нам – тем, кто непосредственно занимался редактированием. Мы с ней сильно дружили... Ее арестовали 1 ноября 1979 года. Сейчас она, увы, от рака умерла. О ней можно очень много рассказывать. Трудно о человеке рассказывать... Сказать, что я ее очень любил, ну так это, собственно говоря, не есть рассказ о человеке. Нет, я не умею рассказывать, разве что вы что-нибудь спросите, а так не умею.

В.В.: А, может быть, Вы расскажете что-нибудь о вашей жизни в лагере?

Ю.А.: Ну, а чего о ней рассказывать-то?

В.В.: Может, вы там встретили каких-то очень достойных или наоборот, недостойных людей?

Ю.А.: Там я сидел, в частности... Да, когда меня прислали, там был Анатолий Марченко, известнейший человек, которого очень скоро перевели сначала в так называемую внутрилагерную тюрьму – помещение камерного типа, а потом его оттуда уже во Владимирскую тюрьму послали. Но о нем и так известно много.

Во Владимирской тюрьме он в августе 86-го года объявил голодовку ни больше ни меньше как с требованием освободить всех политзаключенных. Такое было, казалось бы, безумное мероприятие... Он держал эту голодовку и в декабре 86-го года умер. Кажется, незадолго до этого он уже эту голодовку снял, ему там что-то обещали. Ну, а в феврале 1987 года действительно стали освобождать всех политзаключенных – по указанию, конечно, нашего верховного правителя, Горбачева тогда.

В.В.: То есть вы сидели в лагере, где вокруг вас были другие осужденные по политическим статьям...

Ю.А.: Не только, там были еще... Тогда очень сажали тех, кто убежал, например, из страны. Потом всячески их заманивали вернуться, а когда они возвращались, их обвиняли в измене Родине и сажали по 64-й статье. Были там немножко бывшие полицаи,

Ю.А. Шиханович

которые были как раз, как это называется... Не в администрации как таковой, а сильно сотрудничали [с ней], возглавляли наше пребывание там. Так что нет, там разный был контингент, не только политзаключенные.

В.В.: Понятно. Наверно, на этот момент мои вопросы уже иссякли...

*Расшифровка аудиозаписи – Е.Ю. Шиханович и О.В. Коробцовой.
Подготовка текста, примечания и публикация – Е.Ю. Шиханович*

Примечания

- ¹ «Сова Минервы» – проект по организации и сбору видеопросмотров у ученых старшего поколения, принадлежащих различным областям гуманитарного знания. Ежегодно в январе в стенах РГГУ проходит вечер видеовоспоминаний, в ходе которого демонстрируются фрагменты интервью, собранных в истекшем году. Изначально «Сова Минервы», основанная Н.В. Брагинской, была ориентирована на филологов-классиков, историков и археологов-антиковедов. Со временем, однако, Сова все чаще стала вылетать за пределы классической области. О «Сове Минервы» можно прочитать в интернете на странице: <http://librarius.narod.ru/sova/index.htm> (*примеч. ред.*).
- ² Последняя фраза письма действительно была: «Мы просим срочно вмешаться и принять меры для того, чтобы наш коллега мог работать в нормальных условиях», но в нем говорилось прежде всего о незаконности госпитализации Есенина-Вольпина. Читатель может ознакомиться с полным текстом письма в Интернете и сам составить мнение, насколько оно было «беззубое». Ссылка: <http://www.math.ru/history/p99/index.htm>
- ³ О драматической истории перевода В.М. Живова с русского (заочного) отделения на ОСиПЛ см. в книге: *Успенский В.А. Труды по нематематике*. М.: ОГИ, 2002. Т. 2. С. 1025-1026.
- ⁴ Летом 2010 г., после глазной операции, Ю.А. Шиханович написал книгу «Логические и математические исчисления», в 2011 г. она вышла в издательстве «Научный мир».
- ⁵ На самом деле «Литературная газета» дала Ф.А. командировку в Ленинград, но главный редактор А.Б. Чаковский запретил ей идти на суд, пользуясь мандатом от «Литгазеты». Вернувшись с суда, Ф.А. написала письмо Чаковскому и деньги за командировку вернула. См.: *Чуковская Л. Памяти Фриды // Чуковская Л. Из дневника. Воспоминания*. М.: Время, 2010.

Теоретические и описательные исследования

К.Т. Гадилия

Ирано-балканские параллели (категория определенности и неопределенности)

Одной из основных черт, выявляемых при сопоставительном изучении иранских языков и языков балканского языкового союза, является тяготение артикля к постпозиции, представляющее собой значимый элемент общей типологической картины. В данной статье предлагается относительно подробное описание общих черт категории определенности и неопределенности в иранских языках и языках балканского языкового союза.

Ключевые слова: иранские языки, языки балканского языкового союза, артикль, категория определенности и неопределенности.

1. Иранские языки

Парадигма инновационной категории определенности vs неопределенности иранских языков достаточно сложна и многообразна как в плане содержания, так и в плане выражения. В большинстве современных иранских языках (за исключением некоторых, таких как, например, пашто) инвентарь категории определенности представлен следующими элементами: собственно артикль, числительное «один», указательное местоимение, показатели определенности восходящие к **radiy/*radi*, показатели косвенного падежа, уменьшительные частицы, частица *na(h)*, ударение (в осетинском). Как видно, наряду с артиклями, здесь представлены практически все показатели определенности, в том числе так называемые артиклевые элементы, занимающие промежуточное положение между служебными словами, лексически обозначающими определенность vs неопределенность, и полностью формализованными грамматическими элементами. В таблице приведена часть инвентаря категории определенности и неопределенности – артикли и артиклевые элементы западноиранских языков¹.

© Гадилия К.Т., 2012

Язык	артиклъ и артик- левые элементы	отражения * <i>radi</i> и * <i>radiy</i> в виде падежных суффиксов
Персидский	-i	
Дари	-ī	
Таджикский	-e	
Белуджский	-ē	-ā, -arā/-r, -rā
Татский	-i	-rā/-ā, -re/-e
Лурский, Бахтиярский	-i	
диалекты Фарса	-i, -a, -o, -u, -aku	
Талышский	-i, gylay/illa	
Мазандеранский	-i	-a/-ra, -ō/-rō
Гилянский	-i/-e, i/ita	-a/-ra, -ō/-rō
Кумзари	ō, ē	
Гураны	-aka/-ew, -ewa	
Заза	-ākā/-ek, -āk	
Сулеймани	-eke, -e/-ek/-e	
Сивенди	-ēk, -i/-y/ -e; ú	
Йезди	-i; -é	

Наиболее ярко выраженный постпозитивный показатель представлен в персидском языке. Это – энклитический, безударный выделительный артиклъ *-i*, который присоединяется к имени существительному в различных синтаксических ситуациях и придает имени значение ‘один из’, ‘некоторый’, ‘какой-то’, а также обозначает соотношение «предмет – класс предметов»² Например,

man ketāb-i āwardam я принес (какую-то) книгу
ān mard kārgar-e xub-i ast этот человек – хороший рабочий

Кроме того, в персидском языке артиклъ употребляется с именем существительным, которое поясняется придаточным определительным предложением. Например,

otāq-i ke dar ān zandegi mikonam xub ast комната, в которой я живу, хорошая

Эта особенность долгое время оставалась основанием для утверждения, что в персидском противопоставляются два артикля, сходные по форме и разные по значению (соответственно, определенный и неопределенный). Эта мнение не было разделено большинством иранистов, а в 1959 году Ю.А. Рубинчик выдвинул идею выделительного артикля, как особого «персидского» типа артикля³. В фундаментальной «Грамматике современного литературного персидского языка» уже отдельно описывается категория выделительности и его единственный маркер – безударный, энклитический артиклъ, как показатель субстантивности категории имени существительного⁴.

Постпозитивный безударный энклитический артиклъ со значением неопределенности и единичности представлен и в других языках западно-иранской группы (см. таблицу выше): тадж. *-e*, дари *-e*, лурский и бахтиярский *-i*, белудж. *-ē*, диалекты Фарса *-i*, талышский *-i*, гил. *-e*, мазанд. *-i*, в гомборском диалекте тати *-ī*

К постпозитивным артиклевым единицам мы также относим падежные показатели и разделяем мнение о том, что «в некоторых языках Азии объектный падеж может быть соотнесен с определенным артиклем английского»⁵. Действительно, в ряде иранских языков, выработавших вторичную категорию падежа, конкретность, определенность имени существительного в функции прямого дополнения маркируется косвенными падежными формами. Например, в гилянском показатель винительно-дательного падежа *-a*, выражает определенность, конкретность прямого дополнения: *semâver-a âtâš bukun* ‘разожги самовар’.⁶ В белуджском маркер объектного падежа: *-ā*, *-arā/-r*, *-rā* выражает конкретное прямое дополнение: *jinik gul- ā âurt* ‘девушка принесла (тот) цветок’⁷.

В западно-иранских языках, в частности, в ларском, лурском, бахтиярском, в диалектах Фарса указательные местоимения обозначают определенность вместе с суффиксированными артиклями определенности. Например, в диалектах Фарса препозитивное указательное местоимение *i* образует конструкцию вместе с падежными показателями *-a*, *-o*, *-u* для передачи значения определенности. Схожая ситуация наблюдается в курдском языке, где окончание *-el/-ye* оформляет имя существительное, детерминированное указательными местоимением-артиклем *ew* или *et* в сулейманском диалекте. В сорани и курманджи в функции определенного артикля выступают указательные местоимения: курм. *ev*, *(e)van* ‘этот, эти’, *ew*, *(e)wan* ‘тот, те’; сор. *et*, *etan* ‘этот, эти’, *ew*, *ewan* ‘тот, те’ в сочетании с показателями определенности курм. *-a* и сор. *-e*. Как отмечается в литературе⁸ сочетание препозитивных и постпозитивных элементов является необходимым.

2. Балканские языки

В Евразийском ареале представлены несколько языковых союзов: Балканский, Центральноазиатский, Циркумбалтийский, Циркумуральский и др. Наиболее детально описанным является Балканский языковой союз – один из первых языковых союзов, который был выделен еще в начале XX века. В настоящее время принято считать, что ядро Балканского языкового союза составляют четыре языка: албанский язык (изолированный от индоевропейского континуума, продолжение палеобалканских языков, который стоит близко к иллирийскому и месапийскому), болгарский (восточная подгруппа южнославянских языков), румынский (романская ветвь индоевропейских языков, принадлежит балкано-романской группе языков) и македонский язык (восточная подгруппа южнославянских языков). Здесь же отметим, что болгарская лингвистическая

традиция не разделяет мнение о выделении македонского языка отдельной единицей. Наличие артикля является одним из характерных признаков и критериев выделения данного языкового союза.

Некоторые ученые пытаются объяснить возникновение постпозитивного артикля в и.-е. языках (балканских, скандинавских, армянском) контактным влиянием языков с поссессивным склонением. По мнению Ю. Кузьменко⁹ для балканских языков источником влияния могли быть доосманские турки.

В румынском языке несловарная форма имени существительного имеет две парадигмы склонения – определенную и неопределенную, а категория определенности и неопределенности маркируется достаточно стройной системой артиклей. Преппозитивный неопределенный артикль и постпозитивный определенный артикль тесно связаны с изменением имени в числе и по падежам. Неопределенный артикль представлен двумя формами *un* (ед.ч.) и *niște* (мн.ч.), при этом неопределенный артикль единственного числа женского рода маркируется отличным от форм среднего и мужского рода элементом *o*. Множественное число неопределенного артикля выражается двумя самостоятельными единицами *niște* и *unor*. Определенная форма имени обозначается постпозитивным артиклем, который меняется вместе с изменением падежа (см. таблицу ниже).

Род		неопределенная форма		определенная форма	
		им./вин. пад.	род./дат. пад.	им./вин. пад.	род./дат. пад.
ед. ч.	м.	un an «год»	unui an	an-ul	an-ului
	ж.	o stea «звезда»	unei stele	stea-ua	stel-ei
	ср.	un liceu «лицей»	unui liceu	lice-ul	liceu-lui
мн. ч.	м.	niște an-I	unor ani	ani-l	ani-lor
	ж.	niște stele	unor stele	stele-le	stele-lor
	ср.	niște licee	unor licee	licee-le	licee-lor

В отличие от румынского языка артикли албанского языка представляет собой достаточно сложную систему. А. Фридман систему постпозитивных артиклей описывает следующим образом¹⁰:

постпозитивный артикль определенный, ед. ч., м.р.: *-u, -ri, -ni, -ja, -a, -i*;
постпозитивный артикль определенный, ед. ч., ж.р.: *-ja, -a*;
постпозитивный артикль определенный, мн. ч., м.р., ж.р.: *-të, -ët, -it, -t*;

Неопределенность в албанском языке обозначается препозитивными артиклями: *një, ca, sa, disa*.¹¹ Неопределенный артикль *një* представляет собой числительное «один» и в функции числительного получает специальное ударение. Кроме того, неопределенный артикль *një* не различает мужской и женский род, а также не употребляется во множественном числе.

В систему препозитивных артиклей включаются также такие разновидности артиклей, как артикль прилагательных (*i mirë* – хороший), артикль собирательных числительных (*të dy* – двое), артикль перед названиями дней недели (*e hënë* – понедельник) и др.

Определенность в болгарском языке образуется прибавлением к имени существительного (не к основе, а к готовой форме слова) в ед. ч. и мн.ч. постпозитивного артикля: *-та* (ед. ч., ж. р.), *-то* (ед. ч., м. р.), *-те* (мн. ч., ж./м. р.). Неопределенное местоимение – *един, една* – практически грамматикализировалось в качестве неопределенного артикля:

*Смешно звучат в уста на един инженер*¹²
[слова] смешно звучат в устах инженера [какого-нибудь, любого].

В приведенном примере *един* не имеет количественного значения.

3. Заключение

Таким образом, исходя исключительно из занимаемой артиклем позиции перед или после имени существительного и его упрощенного грамматического значения (обозначение определенности и неопределенности) можно заключить, что постпозитивный артикль в иранских (западноиранская ветвь) языках представлен как определенными так и неопределенными элементами, тогда как в балканских языках постпозитивный артикль является только определенным по своему грамматическому значению. Типологические сходства постпозитивного артикля в иранских и балканских языках представляет привлекательную область более углубленных лингвистических исследований, в которых в дальнейшем могут быть изучены функции артиклей, их участие в оформлении семантических ролей в высказывании и установлении синтагматических и парадигматических отношений. Существование ирано-балканских типологически общих черт впервые отметил в 1970-х гг. И.И. Ревзин¹³. Ценность ирано-балканских параллелей заключается в их комплексном изучении, так как их сближает общий процесс грамматикализации артикля и инновационность этой категории, а сходство ирано-балканского постпозитивного артикля является частью более широкой типологической картины языков мира¹⁴.

Примечания

¹ Языки мира. Иранские языки I. Юго-западные иранские языки: 1997; Языки мира. Иранские языки II. Северо-западные иранские языки: 1999.

К.Т. Гадилля

- ² Рубинчик Ю.А. Грамматика современного литературного персидского языка. М. 2001. С. 119.
- ³ Рубинчик Ю.А. Сложные предложения с придаточным определительным в современном персидском языке, М., 1959.
- ⁴ Там же, 119-125.
- ⁵ Крамский И. К проблеме артикля // Вопросы языкознания, М., 1963. С. 14-26.
- ⁶ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 504.
- ⁷ Мошкало В.В. Белуджский язык // Языки мира. Иранские языки II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- ⁸ Курдоев К.К. Грамматика курдского языка. На материале курманджи и сорани. М., 1978. С. 46.
- ⁹ Kuzmenko Ju. K. Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // Актуальные проблемы балканистики. СПб., 2003.
- ¹⁰ Friedman A.V. Albanian Grammar // Studies on Albanian and Other Balkan Language. Peja: Dukagjini, 2004. P. 2.
- ¹¹ Воронина И.И. К вопросу о системе артиклей в албанском языке // Грамматический строй балканских языков. Л., 1976. С. 126.
- ¹² Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М., 1981. С. 77.
- ¹³ Ревзин И.И. Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 208-219.
- ¹⁴ Типы артиклевых языков (план выражения):

Тип	Язык	Постпозитивный	Препозитивный
Тип А	румынский, датский, норвежский, шведский, армянский, ротанезский (индонезийский язык)	определенный	неопределенный
	арабский	неопределенный	определенный
	купангский (индонезийский язык)	определенный и неопределенный	
	английский, немецкий, голландский, венгерский, испанский, португальский, древнеегипетский, полинезийский (язык острова Самоа), ненгоне (меланезийский язык), маза-ретский и базее (индонезийские языки), курдский		определенный, неопределенный
Тип Б	греческий, латышский, древнеирландский, древнееврейский, даякский ятэ, мадура (индонезийский), американский язык хупа (атхапаскский)		определенный
	индонезийские языки, кушитские языки сомали и бедавие	определенный	
Тип В	персидский, турецкий	неопределенный	неопределенный
Тип Г	французский, итальянский	определенный	неопределенный, партитивный

А.С. Житникова

Семантические особенности обособленного определения в современном английском языке

В данной статье содержится попытка проанализировать семантические и синтаксические особенности одного из наиболее часто обособляемого в художественном тексте члена предложения – определения. Основным объектом анализа является сущность и синтаксическая структура определения, а также его морфологические характеристики. Затрагивается вопрос о дополнительных оттенках значения, приобретаемых определением при обособлении, и факторах, обуславливающих дополнительные обстоятельственные оттенки значения.

Ключевые слова: определение, обособленное определение, постпозиция, препозиция, синтаксис, единица языковой иерархии, описательное определение, ограничительное определение.

В лингвистических исследованиях последних лет проблемам морфологии уделялось гораздо больше внимания, нежели проблемам синтаксиса. Однако исследование синтаксических структур представляет собой большой интерес, поскольку предметом его изучения являются правила построения предложения и структура предложения как таковая. Поэтому мы посчитали целесообразным обратиться к одной из проблем синтаксиса – обособлению второстепенных членов предложения в современном английском языке. В данной статье анализируются некоторые аспекты обособленного определения – наиболее часто обособляемого члена предложения в современной английской художественной литературе.

Ни одну морфологическую, фонологическую или синтаксическую проблему, представляющую определенную степень сложности, невозможно успешно исследовать, не определив предварительно основные понятия. Поэтому, прежде всего, необходимо исследовать сущность определения как такового. Обзор лингвистических концепций по проблеме определения свидетельствует о том, что различные исследователи определяют его по-разному, но все сходятся в том, что определение обозначает признак предмета. Как отмечает А.И. Смирницкий¹, определение – это второстепенный член предложения, для которого характерным является обозначение признака

(выражение квалификативных отношений) и тесная атрибутивная связь с тем словом, к которому оно относится.

Приведем еще одно определение данного термина: определением называется второстепенный член предложения, относящийся к существительному (реже к субстантивированному местоимению), обозначающий признак предмета. Всякое слово (или группа слов), зависимое от существительного или субстантивированного местоимения, является определением².

Зильберман Л.И. указывает также, что определение является языковой универсалией и свойственно синтаксической структуре как английского, так и русского языка. Некоторые типы английских определений совпадают с русскими, другие принадлежат к единицам несоответствия между этими языками³, что еще раз подчеркивает актуальность проблемы перевода обособленных определений на русский язык.

Некоторые авторы рассматривают определение на уровне словосочетания, считая, что определение – это такой второстепенный член предложения, который выполняет роль адъюкта в подчинительном словосочетании с субстантивированным ядром⁴. Так как ядро такого словосочетания выражено существительным, числительным, местоимением (только при обособлении) субстантивированным прилагательным, то определение в коммуникативном плане несет дополнительную информацию об этом антецеденте, точнее о денотате, обозначенном антецедентом.

Определения либо описывают определенные свойства, качества, отношения денотата – антецедента – описательные определения (*descriptive attribute*); либо ограничивают группу подобных денотатов, сужая ее до одного представителя – ограничительное определение (*limiting attribute*).

e.g. There was something stealthy about her recital, like a steady-eyed cat with a twitchy tail⁵.

Все определения в данном примере являются описательными.

e.g. The envelope was thick and heavy, *made of yellowish parchment*, and the address was written in emerald-green ink.⁶ (курсив мой – А. Ж.).

В данном примере выделенные определения являются ограничительными.

Определение в современном английском языке, который в процессе своего развития потерял систему падежных именных окончаний, не согласуется с антецедентом ни в роде (категория рода отсутствует у английского существительного), ни в числе (кроме случаев, когда определение выражено указательными местоимениями *this* и *that*), ни в падеже.

Одной из особенностей определения в современном английском языке является то, что оно может быть выражено существительным в общем падеже в препозиции к определяемому, т. е. и само определение, и его антецедент являются существительными. Таким образом, определительная группа является словосочетанием, в котором и стержневое слово (head-word) и определение – существительные:

e.g. stamp collection; school yard; stone wall; power station; emergency meeting; city control

и т. п.

Словосочетания такого типа изучаются в лексикологии и всегда являются необособленными, поэтому они исключены из нашего анализа.

В соответствии с современной уровневой концепцией системы языка, господствующей в современной лингвистике, следует различать порядок слов на уровне словосочетания и на уровне предложения. В связи с этим следует отметить, что существует порядок слов внутри атрибутивной группы «антецедент + определение», т. е. порядок слов на уровне словосочетания и порядок слов на уровне предложения, т. е. место определения в структуре предложения по отношению к другим членам предложения⁷.

В зависимости от места, которое определение занимает по отношению к определяемому слову, различаются определения препозитивные, т. е. стоящие перед определяемым, и постпозитивные, т. е. следующие за определяемым. Из этого следует, что определение относится к словам не как к членам предложения, а как к частям речи.

e.g. Dazed, he picked up the receiver⁸.

e.g. Robert Langdon was American, clean-cut, conservative, obviously very sharp⁹.

Как препозитивное, так и постпозитивное обособленное определение может находиться либо непосредственно после антецедента – контактное расположение, либо на расстоянии от него – дистантное определение. При контактном расположении, постпозитивное обособленное определение лишено каких-либо дополнительных оттенков значения. Это доказывается тем, что его можно трансформировать в придаточное определительное предложения (обычное описательное определение). К контактным обособленным определениям можно отнести все пре- и постпозитивные определения, упомянутые выше. Анализ дистантных определений свидетельствует о том, что дистантные обособленные определения могут быть, как препозитивными, так и постпозитивными. Приведем пример дистантного определения.

e.g. Inside, just visible, was a baby boy, fast asleep.¹⁰

Группа определения часто бывает распространенной и часто включает целую цепочку определений, которые располагаются по обеим сторонам от определяемого слова, являющегося ядром атрибутивной структуры-словосочетания. Л.И. Зильберман отмечает, что левые и правые определения могут быть выражены различными частями речи¹¹.

Позиция определения по отношению к определяемому зависит в основном от морфологических факторов, т.е. от способа выражения определения. Если определение выражено субстантивным сочетанием с предлогом, то оно может быть только постпозитивным.

e.g. Under a tree opposite their house he took out once more the morocco case.

Что касается определений, выраженных прилагательным и причастием, то они могут быть как препозитивными, так и постпозитивными.

e.g. He seems a very silent, awkward, bashful lad¹².

e.g. The candle, wasted at last, went out¹³.

В отношении способов выражения обособленного определения необходимо отметить, что определение (как обособленное, так и необособленное) может быть выражено единицами различных уровней языковой иерархии: словом, словосочетанием и даже целым предикативным комплексом и предложением. Самым распространенным средством выражения обособленного определения является прилагательное. Прилагательное употребляется в качестве пре- и постпозитивного определения, предикатива, а также элемента сложного дополнения (объектного предикатива). В случае нескольких определений между ними ставится союз *and* (обычно это качественные прилагательные).

e.g. Furious, he did not answer, feeling himself in an utterly false position¹⁴.

e.g. Hermione let out a great sigh and Harry, amazed, saw that she was smiling, the very last thing he left like doing¹⁵.

e.g. Suspended inside the trap, perfectly visible to the naked eye, danced a tiny sphere of antimatter¹⁶.

Также определение может быть выражено и причастием, которое подобно прилагательному, употребляется в пре- и постпозиции к определяемому существительному и, как в случае с прилагательным, перенос причастия в другую позицию может быть связан с изменением передаваемого значения.

e.g. Now she seemed disposed to linger at table, inclined to confidences, – perhaps trying, in her own way, to sum Manson up¹⁷.

e.g. If CERN goes bankrupt, destroyed by scandal, everybody loses¹⁸.

e.g. Badly satisfied, Cathy sat down, and he reclined beside her¹⁹.

Стоит заметить, что это может быть одиночное прилагательное или причастие (крайне редко) или несколько однородных прилагательных или причастий (часто соединенные союзами).

e.g. He got up, scared.

e.g. Startled, the woman covered Christie's hand with her own and looked quickly right and left along the alley²⁰.

e.g. Tess had tender eyes, neither black, nor blue, nor grey²¹.

e.g. ... the polished clock, decked in holly, the silver mugs raged on a tray ready to be filled with mulled ale for supper²².

Довольно часто обособленное определение выражено подчинительным словосочетанием, в котором прилагательное или причастие является стержневым словом и распространено адьюнктом (адьюнктами):

e.g. He was standing by his wheel, ready to start.

e.g. The promotion, so long denied him, came at last²³.

В художественном тексте часто обособляются предложные обороты (чаще всего с предлогами *with*, *in*, и реже – *of*) и абсолютные причастные номинативные конструкции (с предлогом *with* и без него).

e.g. The sky, of a clear bright blue, with white promising clouds, began to have the evening look.

e.g. He saw his father, black-coated, with knees crossed, glasses balanced between thumb and finger.

e.g. Then with her heart beating fast, she went up and rang the bell.

e.g. I waited behind her chair, and was pained to behold Catherine, with dry eyes and an indifferent air, ...²⁴

Адвербиальные словосочетания обособляются довольно редко.

e.g. Denny, now abroad, knew nothing of the new degree.

Исходя из проведенного нами анализа, можно прийти к выводу, что чаще всего обособляются определения, выраженные словосочетанием, т.е. из всех уровней языковой иерархии уровень словосочетания является наиболее приспособленным к обособлению.

С какой целью авторы прибегают к обособлению? Прежде всего, необходимо дать определение данному синтаксическому приему. Обособление – синтаксический процесс выделения, обычно с целью смыслового подчеркивания, члена предложения или группы члена предложения, достигаемый (в устной речи) просодическими средствами, прежде всего паузацией и логическим ударением²⁵. Обособление используется в разных целях.

Процесс обособления, как правило, распространяется на синтаксические элементы зависимой природы, обычно конструктивно не значимые. Обособленные члены, в отличие от необособленных, образуют отдельную от антецедента синтагму, произносимую на более низких нотах, чем остальные синтагмы в предложении²⁶.

Обособление особенно распространено в художественном тексте, поскольку оно нарушает размерность, «гладкость» фразы, вносит разнообразие в стереотипность ее построения. Синтаксические процессы связаны с преобразованием структуры синтаксического элемента в направлении его большей внутренней строевой и семантической сложности или с его распространением.

Таким образом, сущность обособления состоит в ослаблении синтаксической связи между элементами словосочетания (стержневым словом и адьюнктом) и, следовательно, в нарушении стабильности этой связи.

Обособление также влияет на семантику второстепенного члена: обособленные члены приобретают дополнительные сопутствующие признаки при обозначении тех или иных понятий. Таким образом, обособление связано со смысловым выделением входящих в него слов (словосочетаний). Рассмотрим два примера:

e.g. The brothers sat silent.

e.g. Denny sat, silent, with closed eyes.

В первом случае *silent* является частью сказуемого и находится в составе глагольного словосочетания *sat silent*. Во втором случае наличие обособления отделяет слово *silent* от глагола – сказуемого и тем самым относит его к подлежащему *Denny* в качестве его определения и адьюнкта словосочетания.

Обособленные определения имеют меньше ограничений в смысле морфологической выраженности antecedента, чем необособленные. Так, antecedent обособленного определения может быть выражен личным местоимением, в то время как antecedent необособленного определения не может быть местоимением. Antecedent обособленного определения может быть выражен именем собственным, в то время как необособленное определение такого antecedenta иметь не может.

В результате обособления, определение получает дополнительную коннотацию, раскрываясь совершенно в ином значении в контексте.

e. g. Unable to sit there any longer, he got up and started walking slowly down the road.

e.g. Living or dead, she could not fail him, no matter what the cost.

В последнем примере обособленное определение *living or dead* приобретает дополнительное значение уступительности, которое возникло благодаря лексическому наполнению определения и союза *or*, который также усиливает значение уступительности. Достаточно частотны обособленные определения, несущие в себе дополнительный обстоятельственный оттенок причины и следствия, что не всегда легко разграничить.

e.g. Horror-struck, Harry waved madly at the other three to follow him as quickly as possible...²⁷

e.g. It was a melancholy little drama, woven from bills and scraps of gossip and neighborhood legend²⁸.

Последние примеры наглядно показывают, что дополнительные обстоятельственные оттенки причины и следствия трудно различимы.

В нижеследующем примере на основное значение обособленного определения наслаивается дополнительный оттенок сравнения состояния человека с предшествующим состоянием.

e.g. But at the moment, Uncle Vernon, still ashen-faced but looking very angry, moved into the firelight²⁹.

Таким образом, при функционировании в тексте как препозитивные, так и постпозитивные обособленные определения могут получать следующие дополнительные обстоятельственные оттенки:

- обстоятельства сопутствующих явлений
- обстоятельства причины или следствия
- обстоятельства времени
- обстоятельство сравнения
- обстоятельства уступки

Некоторые авторы полагают, что степень ослабления стабильной синтаксической связи, которое имеет место при обособлении, может быть различной. В связи с этим выделяются две степени обособления: сильная и слабая. Слабым обособлением считается такое, при котором обособленный член предложения выделяется запятыми. Сильным обособлением считается такое, при котором определение обособляется тире, скобками, точкой с запятой и точкой³⁰.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующее заключение.

Обособленное определение, будучи отделено от своего антецедента, находится в определенной синтаксической связи со сказуемым и его значение, таким образом, обогащается дополнительными оттенками. Поэтому при выражении обособленным определением дополнительных оттенков значения уместнее говорить о связи определения со всем предложением в целом, с которым оно связано через сказуемое.

Препозитивное обособленное определение всегда является контактным, постпозитивное – может быть как контактным, так и дистантным.

При функционировании в тексте как препозитивные, так и постпозитивные обособленные определения могут получать дополнительные обстоятельственные оттенки значения.

Обособление как синтаксическое явление необходимо рассматривать в контексте, поскольку его основное значение, его дополнительные оттенки значения и его роль в информационном строе текста зависят от позиции определения по отношению к антецеденту, от контактного/дистантного расположения определения и его антецедента и от других факторов морфологического и синтаксического характера. Обнаружение и анализ этих факторов является целью следующего этапа нашего исследования.

Примечания

- ¹ Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957. С. 456.
- ² Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М., 1973. С. 421.
- ³ Зильберман Л.И. Структурно-семантический анализ текста. М., 1982. С. 274.
- ⁴ Зеленицков А.В., Петрова Е.С. Грамматика современного английского языка. М.–СПб., 2003. С. 640.
- ⁵ Lee H. To Kill a Mocking-bird. Kiev, 1977. P. 340.
- ⁶ Rowling J.K. Harry Potter and the philosopher's Stone. L.: Bloomsbury, 1997. P. 30.
- ⁷ Plyish B.A. the Structure of Modern English. L., 1971. P. 238.
- ⁸ Brown D. Angels and Demons. L.: A Corgi Book, 2001. P. 19.
- ⁹ Ibid. P. 121.
- ¹⁰ Rowling J.K. Op. cit. P. 41.
- ¹¹ Зильберман Л.И. Указ. соч. С. 54.
- ¹² Грамматика английского языка / Куашанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н., Прокофьева Е.В., Райнес З.М., Сквирская С.Е., Цырлина Ф.Я. Л.: Просвещение. 1973. С. 253.
- ¹³ Ganshina M.A., Vasilevskaya N.M. English Grammar. M., 1963. P. 387.
- ¹⁴ Swan M. Practical English Usage. M., 1984. 213 p.
- ¹⁵ Rowling J.K. Op. cit. P. 207.
- ¹⁶ Brown D. Op. cit. P. 78.
- ¹⁷ Cronin Ar. The Citadel. M., 1968. P. 27.
- ¹⁸ Brown D. Op. cit. P. 119.
- ¹⁹ Bronte E. Wuthering Heights. Kent, 2000. P. 189.
- ²⁰ Cronin Ar. Op. cit. P. 37.
- ²¹ Ibid. P. 97.
- ²² Bronte E. Op. cit. P. 38.
- ²³ Lee H. Op. cit. P. 254.
- ²⁴ Bronte E. Op. cit. P. 41.
- ²⁵ Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного языка. М., 1981. С. 228.
- ²⁶ Бархударов Л.С. Штелинг Д.А. Указ. соч. С. 361.
- ²⁷ Rowling J.K. Op. cit. P. 117.
- ²⁸ Lee H. Op. cit. P. 66.
- ²⁹ Rowling J.K. Op. cit. P. 43.
- ³⁰ Оскотская Б.Л. Сильное обособление в английском языке // Уч. Зап. Карельского пед. инст., 1961. Т. 12. С. 287.

М.М. Козырева

Особенности употребления ненормативной лексики и сложности ее перевода с английского языка на русский (на материале фильма «Дневник Бриджит Джонс»)

В работе идет речь об особенностях перевода ненормативной и бранной лексики с английского на русский язык, о неоправданном смягчении экспрессии английских бранных слов и неуместном употреблении мата при переводе художественных фильмов на примере английского фильма «Дневник Бриджит Джонс» и его перевода на русский язык. В статье также рассматриваются отдельные примеры употребления ненормативной лексики главными героями фильма и анализируется адекватность их перевода на русский.

Ключевые слова: сложности перевода, бранная и сниженная лексика, перевод художественных фильмов.

Социальные изменения, происходящие в обществе, находят свое отражение в языке и накладывают отпечаток не только на словарный состав, но и на культуру общения в целом. Так, в постсоветский период произошло ослабление идеологических запретов, была отменена цензура, а принявшая стихийный характер борьба за власть нашла свое выражение в многочисленных политических дебатах и диспутах. Газеты и журналы пестрили смелыми выражениями, порой вызывавшими негодование или, напротив, восторг российского читателя. Общественные деятели, политики и журналисты начали употреблять в своих выступлениях просторечную, жаргонную и даже бранную лексику.

Процесс демократизации русского литературного языка стал проявляться в расширении способов и форм выражения мысли, в употреблении экспрессивно окрашенных слов и выражений и особым интересом к бранной лексике, ранее находившейся под строжайшим запретом цензуры.

Если обратиться к мировой истории, то можно увидеть, что процессу демократизации русского языка предшествовал процесс «раскрепощения» английского языка. Произошло это на несколько десятилетий раньше – в 60–70-е гг., во времена стремительного развития средств массовой коммуникации и появления рекламы. Борьба за потребительский спрос вынуждала предпринимателей прибегать

к новым средствам привлечения внимания. В результате с экранов телевизоров начала звучать экспрессивно-окрашенная разговорная лексика, а порой – даже бранные и нецензурные выражения.

Со временем языковая норма, которая является эталоном письменной и устной речи в данном обществе в определенную эпоху времени, начала меняться, стали возникать новые ненормативные употребления. В.И. Озюменко объясняет этот процесс тем, что «в процессе коммуникации носители языка выбирают те средства, предлагаемые системой, и те их употребления, которые наилучшим образом способствуют реализации конкретных коммуникативных интенций, при этом они не всегда соответствуют существующей в данный период норме»¹. Особенно это касается употребления бранной лексики, т.к. сквернословие имеет свою национально-культурную специфику, проявляющуюся при сравнении употребляемых бранных слов в различных культурах. Причем, «допустимость их употребления также культурно вариативна. Что касается английской и русской коммуникативных культур, то <...> сфера употребления ненормативной лексики в английской коммуникации, где они воспринимаются как допустимые, шире, чем в русской»².

В отличие от английского, в русском языке сквернословие имеет ярко выраженную негативную окраску и является недопустимым при вежливом общении. И, несмотря на то, что русский язык тоже переживает процесс демократизации, отношение к ненормативной и сниженной лексике более строгое и менее терпимое. Из этого следует, что английское и русское сквернословие имеет разное содержательное и эмоциональное значение, поэтому бранные слова не могут переводиться дословно. В связи с этим перед переводчиком встает новая задача – «передать эмоциональное звучание реплики, подобрав адекватные по тональности русские языковые средства, которые при этом являются допустимыми в подобных коммуникативных контекстах»³.

Особый интерес для лингвистов представляет перевод англоязычных фильмов на русский язык. Хотя перевод фильмов и существует со времен рождения киноиндустрии, он еще не был достаточно изучен в качестве нового вида перевода. Лишь за последнее десятилетие в научном мире были отмечены различные исследования по данной тематике. К примеру, известная переводчица Мишель Берди, много лет профессионально занимающаяся переводом в сфере киноиндустрии, выделяет пять видов перевода фильмов:

- 1) синхронный перевод фильма, когда переводчик, так же как и зритель, видит фильм впервые;
- 2) озвучивание фильма одним актером или переводчиком;
- 3) озвучивание фильма двумя актерами на фоне оригинального озвучивания;

4) полный дубляж – озвучивание фильма актерами. Переводчик должен перевести таким образом, чтобы оригинальное звучание по артикуляции совпадало с переводом;

5) создание субтитров.⁴

Согласно данной классификации, перевод фильмов может быть представлен посредством дубляжа, «голосом за кадром» и субтитрами. В нашей работе мы анализируем перевод, выполненный в виде субтитров. Осуществление перевода путем создания субтитров – это перевод кинодиалога, при котором оригинальный звуковой и видеоряд сопровождается письменным переводом, отображаемом на экране.

Сложность перевода кинодиалога заключается в том, что переводчик должен не только передать смысл информационного сообщения, но и сохранить лингвистические особенности текста для обеспечения должного коммуникативно-прагматического эффекта. Однако из-за того, что кинодиалог в фильме строго ограничен временными рамками, переводчик может прибегать к опущению части информации, которая не несет особой смысловой нагрузки. В связи с этим при переводе субтитров специалисты часто пренебрегают переводом сниженной и эмоционально-окрашенной лексики для экономии места или же в связи с некомпетентностью. Опущение или замена экспрессивной лексики приводит к утрате живости речи и делает речь персонажей сухой и монотонной, в то время как «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»⁵, отмечает А.В. Федоров.

Рассуждая о видах перевода, В.Н. Комиссаров отмечал, что перевод следует разделять на адекватный, эквивалентный, точный, буквальный и вольный. В данной работе автор уделяет особое внимание адекватному переводу. По мнению В.Н. Комиссарова, именно адекватный перевод «обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса – употребления слов и их форм закрепившееся в речи переводящего языка, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении «адекватный перевод» – это «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды коммуникантов или лиц, осуществляющих оценку качества перевода»⁶. В своих трудах Комиссаров отмечал необходимость передачи в переводном сообщении самой «цели коммуникации», особенно если речь заходила об экспрессивно-окрашенной лексике. Уместность употребления инвективной лексики, жаргонов или сленга в определенном контексте подскажет способы наиболее правильного перевода языковой единицы.

Следует отметить, что бранная лексика, учитывая ее эмоциональное воздействие, является одним из самых ярких способов передачи настроения говорящего, его чувств, переживаний и мыслей в различных ситуациях. Однако точный дословный перевод бранной лексики в речи англоговорящих героев современных фильмов на русский язык может привести к нежелательным последствиям: несоответствию прагматического значения высказывания в тексте перевода и оригинала и, как результат, неадекватному восприятию перевода российскими зрителями.

Опасаясь употреблять слишком смелые выражения, малоопытные переводчики используют нейтральную или менее экспрессивную лексику, а слишком уверенные в себе – грубую, нецензурную и даже матерную речь. Последняя категория переводчиков объясняет это тем, что специалисты не имеют право занижать эмоциональную экспрессию авторских текстов. Однако это мнение весьма ошибочно: чрезмерная (или недостаточная) уверенность переводчика может дать неправильное представление не только о героях фильма, но и об англоговорящей культуре в целом.

В связи с этим Л.Г. Белозорович, режиссер дубляжа многочисленных фильмов, отмечает: «чтобы давать текст матом, необходимо обладать высоким уровнем внутренней культуры, а иначе перевод превратится в эпатажный набор матерной лексики»⁷.

Другими словами, адекватный перевод субтитров возможен лишь в том случае, если переводчик сможет грамотно определить авторский стиль фильма, а также оценить систему его образов и реалий. Детальный анализ стилистических приемов, используемых автором, поможет переводчику точно передать эмоциональную окраску оригинального звукового ряда и выполнить качественный перевод фильма.

Сопоставительный анализ перевода фильма «Дневник Бриджит Джонс» с оригинальной речью англоговорящих актеров поможет нам определить адекватность перевода и оценить, насколько точно переводчику удалось передать не только смысл сообщения, но и стилистическую окраску речи.

Несколько слов о сюжете. Главная героиня фильма – журналистка Бриджит Джонс, работающая на одном из ведущих телеканалов Великобритании. Она неоднократно выступает в прямом эфире, общается с образованными людьми и имеет высшее образование, поэтому этого человека, вне сомнения, можно назвать носителем английского литературного языка. Тем не менее, в своей речи Бриджит часто употребляет бранные слова в различных коммуникативных контекстах, что говорит об определенной степени допустимости их употребления в среде носителей английского литературного языка.

Для выявления способов, особенностей и качества перевода, мы проанализировали субтитры фильма и выявили частотность употребления бранных слов. Среди них оказались: *fuck* (32 раза), *God* (13), *ass* (6), *shit* (6), *bloody* (5), *bollocks* (5), *idiot* (5), *bastard* (3), *hell* (3), *goddess* (2), *damn* (2).

Самое популярное слово в фильме – это «fuck». Дословно оно может переводиться как вульгарное, матерное выражение. Однако переводчик не мог допустить употребление столь негативно окрашенного слова. В противном случае, это было бы равносильно тому, что сотрудник центрального телеканала грубо матерится в прямом эфире. Такой перевод мог бы не только удивить российского телезрителя, но и создать искаженное представление о британских СМИ и культуре англичан в целом. По этой причине в переводе на русский используется бранное слово «черт»: «Anyway, fuck him. Listen, I don't let him ruin our evening» – переведено как: «Ладно, черт с ним, давай не будем портить наш вечер».

Мы можем предложить перевести фразу «fuck him», как «забей на него». По экспрессивной окраске это просторечное и ставшее популярным слово вполне подходит для данного контекста.

В других местах можно наблюдать пропуск перевода бранного слова: «...and not continue to form romantic attachments... to any of the following... alcoholics, workaholics, commitment-phobics ... peeping-toms, megalomaniacs ... emotional fuck wits, or perverts» – переведено как: «...и не завязывать романтических отношений со следующими типами: алкоголики, трудоголики, шовинисты, женоненавистники, альфонсы, извращенцы».

В данном примере прием опущения бранного слова при переводе едва ли можно назвать лакуной. Дело в том, что переводчик не смог перевести на русский язык бранное слово «fuck» таким образом, чтобы оно было адекватно воспринято русскоговорящим зрителем. Не найдя соответствующего эквивалента и решив, что употребление бранного слова в русском переводе будет звучать натянуто, излишне грубо, он решил опустить его. В оригинальном же тексте бранное слово «fuck» выступало в роли средства экспрессивности.

С другой стороны, в фильме можно найти примеры, когда переводчик безосновательно смягчает экспрессию ненормативной лексики и передает лишь смысл высказывания. Так, во время непринужденной беседы одна подруга спрашивает другую: «...but has he ever actually... stuck his fucking tongue down your fucking throat?»

Дословный перевод этого вопроса может показаться довольно грубым русскоговорящему человеку. В английской же языковой культуре это явление получило название «дружеского мата», «ко-

торый при соблюдении соответствующих условий места и времени не является нарушением языковой нормы»⁸. Пока это явление не характерно для русскоязычного общества, поэтому данный отрывок был переведен с использованием приема нейтрализации: «За всю историю ваших отношений он хоть раз поцеловал тебя?»

Приведем еще один пример, в котором переводчик использует сразу два приема – нейтрализации и структурной трансформации:

Daily call from Jude. Best friend. Head of investment at Brightlings Bank... who spends most of her time... trapped in the lady's toilet, crying over fuck wit boyfriend.

Перевод:

Ежедневный звонок от Джуд, лучшей моей подруги. Работает в немецком банке. Проводит большую часть своего рабочего времени в туалете, рыдая из-за своих отношений с бой-френдом.

В данном случае переводчик перестраивает фразу и вновь уклоняется от употребления сквернословия. На наш взгляд, подобное смягчение экспрессии в данном случае не оправдано: этой фразой Бриджит хотела выразить свою досаду и, вероятно, негативное отношение к мужчине своей подруги, из-за которого та постоянно страдает. На наш взгляд окончание фразы можно было перевести как: «...Проводит большую часть своего рабочего времени в туалете, рыдая из-за своего придурочного бой-френда».

Приведем также пример перевода бранного слова «ass». Как уже было упомянуто выше, употребление обсценной лексики в английском языке намного свободнее, чем в русском. Именно поэтому в следующем примере переводчик решил полностью перестроить фразу и опустить бранное слово:

Oh, Bridget. Come on, it's... I mean, I know it's been awkward as ass... but there's no need to leave.
No, actually, there is.

Перевод:

Бриджит, перестань. Если у нас с тобой возникли разногласия, это не повод уходить с работы.
Нет, вообще-то это повод.

И еще один пример:

I should've been there today but at least I got a hell of a lot of work done.
Я должен был пойти с тобой, но у меня просто много работы сейчас.

Следует заметить, что вопрос об уместности опущения перевода бранного слова в данных двух примерах довольно спорен. С одной стороны, переводчик передает смысл фраз, с другой, заботясь об эстетической стороне, он забывает про необходимость отображения

экспрессивного настроения говорящего и вновь использует прием нейтрализации. То же самое можно наблюдать и в следующем примере, в котором переводчик проигнорировал экспрессивно-окрашенное слово «bloody», из-за чего высказывание потеряло негативный оттенок:

Because you don't have the faintest bloody idea... of just how much trouble the company's in.

Ты даже представить себе не можешь, сколько у нашей компании проблем.

Для сравнения можно привести пример, в котором переводчику удалось выразить как смысловой, так и эмоциональный оттенок фразы:

... but if staying here means working within 10 yards of you ... frankly, I'd rather have a job wiping Saddam Hussein's ass.

Но, честно говоря, вместо того, чтобы работать на вас, я бы лучше вытирала задницу Саддаму Хусейну.

Слово «задница» в данном случае соответствует контексту, поэтому можно сказать, что переводчику удалось подобрать адекватный перевод для грубого английского слова «ass». Еще один пример удачного перевода бранного слова можно увидеть во время разговора Бриджит с Марком Дарси, одним из главных героев фильма. Марк рассказал Бриджит, как его бывшая жена изменила ему с другом. В ответ последовала незамедлительная реакция Бриджит:

He's a nasty bastard. And a dull bastard.

Грязный ублюдок. Самый грязный ублюдок.

Слово «bastard» было переведено грубым словом «ублюдок», которое, на наш взгляд, передает негативную реакцию героя фильма и не искажает смысла высказывания.

В заключении хотелось бы привести еще один пример, который частично отражает сущность анализируемых нами бранных слов и демонстрирует, что в некоторых случаях они воспринимаются как мат: «Shazzer-journalist...likes to say *fuck* a lot», переведена как «Шейзер, журналистка, любит материться, со всеми».

Исходя из данного перевода, мы можем заключить, что слово «fuck» может быть воспринято как матерное. Однако же в приведенных выше примерах переводчик ни разу не употребил мат. В первую очередь это свидетельствует о том, что грубые бранные русские слова и, в частности, мат имеют более ярко выраженную негативную окраску по сравнению с английской ненормативной лексикой и их употребление неуместно даже в кругу знакомых людей. Англичане, напротив, настолько свободно используют в своей речи бранные слова, что их употребление допустимо не только в дружеской беседе, но и в разговоре с начальством и даже при об-

ращении диктора к телезрителям. Однако отношение к сквернословию у англичан и русских значительно отличается друг от друга. По мнению Лариной Т.В., «дело здесь, прежде всего в том, что так называемые “swear words” практически утратили свою семантику и превратились в элементы фатической коммуникации, выполняющие эмоционально-экспрессивную функцию»⁹.

Примеры, взятые из английского фильма «Дневник Бриджит Джонс», подтверждают, что перевод стилистически сниженной лексики является одним из самых сложных вопросов как в контексте теории, так и практики перевода. На основе проделанной работы мы можем сделать вывод о том, что при переводе ненормативной лексики переводчик часто прибегает к приему трансформации, в частности – к лексико-семантической замене (генерализации и использованию лакун). В связи с этим наблюдается тенденция к занижению степени экспрессии лексических единиц оригинала, которые не передают в полной мере эмоциональный настрой говорящих.

Таким образом, знание особенностей современной речи представителей литературного языка и ненормативной лексики, которую они используют, необходимо для того, чтобы не только создавать адекватный перевод зарубежных фильмов, но и грамотно переводить книги современных авторов, а также понимать бытовую речь носителей иностранного языка.

Примечания

- ¹ Озюменко В.И. Норма и узус: грамматический аспект // Кафедральный вестник. Первый профессиональный университет. Научный журнал. 2007. № 3. С. 76-84.
- ² Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 384.
- ³ Там же. С. 391.
- ⁴ Цит. по: Ермолович Д.И. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина // Мосты. 2005. № 4(8). С. 52-62
- ⁵ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высш. шк., 2002. С. 396.
- ⁶ Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. С. 233.
- ⁷ Цит. по: Иогансен Н., Лобастов С. Властелин словес // Электронный журнал «Итоги», № 24. [М., 2003]. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2003/24/83769.html> (дата обращения: 16.02.2012).
- ⁸ Ларина Т.В. Указ. соч. С. 386.
- ⁹ Там же. С. 387.

Негативные конструкции в дунганском языке с точки зрения типологической перспективы его развития

Особая ситуация почти 150-летнего существования дунган в иноязычном окружении существенно повлияла не только на их современный жизненный уклад, но и отразилась в языке. Под влиянием русского, киргизского, казахского языков, кроме лексических нововведений, дунганский язык воспринял и некоторые грамматические тенденции, несвойственные китайскому языку. В статье на примере сравнительного анализа негативных конструкций в дунганском и современном китайском языке путунхуа показано как сходство, так и существенное различие этих языков, кроме того, делаются выводы об основных тенденциях развития дунганского языка.

Ключевые слова: дунганский язык, диалект Ганьсу, современный китайский язык, глагольная морфология, негативные конструкции.

Язык среднеазиатских дунган традиционно рассматривается с двух точек зрения: китайские лингвисты считают его «вариантом китайского языка»¹, российские же исследователи зачастую придерживаются иного мнения: в советское время ему был приписан статус младописьменного языка (с 1928 г. введен латинизированный, а с 1953 г. – кириллический алфавит).

Первые сведения о языке дунган опубликовал в конце XIX в. В.И. Цибузгин², всестороннее изучение началось позже, уже в советское время, что было вызвано практической необходимостью создания дунганской письменности. Тут следует назвать имена Е.Д. Поливанова³, А.А. Драгунова и Е.А. Драгуновой, стоявших у истоков дунганского языкознания и принимавших непосредственное участие в работе по созданию письменности для среднеазиатских дунган.

Этноним «дунгане» практически неизвестен в КНР (исключение составляют жители Синьцзян-Уйгурского автономного района⁴), китайские мусульмане традиционно называются *хуэйхуэй* (*huihui*) или *лао хуэйхуэй* (*lǎo huihui*). Уникальность ситуации состоит в том, что китайские мусульмане хуэйцзу говорят на языке той провинции, где живут, для записи же текстов на китайском языке они использовали в прошлом алфавит на арабской основе⁵, сегодня все

они в обязательном порядке владеют иероглификой. Дунганские поселенцы в Средней Азии до советских реформ также использовали арабский алфавит для записи родного языка. Иероглификой владели только некоторые высокообразованные люди.

Многие исследователи отмечают, что язык среднеазиатских дунган сегодня во многом отличается от языка китайских хуэйцзу (мусульман). Большое влияние на это имела сознательная изолированность от иноязычного окружения (дунгане всегда жили компактными, в основном мооязычными диаспорами, образуя отдельные села или городские кварталы, а межнациональные браки раньше не поощрялись). Одновременно дунганский неизбежно заимствовал лексику из русского, киргизского и казахского языков. Нужно специально отметить, что ситуация в последние 20 лет несколько изменилась. После 1991 г. постепенно исчезает русское влияние на язык (особенно это влияние было заметно в лексике), возрастает осознание «большой семьи» – связь с мусульманами-хуэйцзу из КНР крепнет, желание почувствовать себя ближе к «исторической родине» стимулирует изучение китайского литературного языка и овладение иероглификой.

Наблюдения, которые легли в основу настоящей статьи, основаны как на материалах, полученных автором в ходе экспедиций МГУ в Киргизию, так и на исследованиях последних лет. Возможно, требуются уточнения с учетом социолингвистических и лингвистических реалий сегодняшних Кыргызстана и Казахстана. Это дело будущего, тем не менее, на основании анализа небольшого фрагмента грамматики дунганского языка, представляется возможным предположить дальнейшее направление развития этого языка в будущем.

Небольшая предыстория вопроса. В 1977-1988 гг. Отделением структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ было организовано 13 лингвистических экспедиций в Киргизию и Казахстан для изучения языка среднеазиатских дунган. Участником трех последних экспедиций довелось стать и мне, в те годы студентке ОСиПЛа. Эти экспедиции имели для меня особое значение, ведь волей судеб моим основным иностранным языком был китайский, так что сравнительный анализ путунхуа и дунганского языка начался буквально с первых дней полевой работы.

Как известно, морфологическая система дунганского языка (относящегося к диалекту Ганьсу) обладает развитой системой глагольной аффиксации, что в разные годы позволяло отечественным исследователям (начиная с А.А. Драгунова⁶, А.Р. Калимова⁷, М.Х. Имазова⁸ и других) говорить о наличии в этом языке развитой видо-временной системы, системы наклонений, выделять особую

предикативную видовую систему⁹, вплоть до «отдельной глагольной категории лица»¹⁰.

Типологической особенностью дунганского языка, так же как и современного китайского языка, является включение показателей глагольного отрицания (прежде всего это относится к **бу** и **ма**¹¹ (кит. **bù** и **méi**)) в видо-временную систему глагола. Грамматическая роль отрицаний особенно отчетливо проявляется в дунганском языке, где глагольное сказуемое требует обязательного морфологического оформления, причем показатели отрицания **бу** и **ма** находятся в отношении дополнительного распределения и закреплены за разными грамматическими формами глагола.

Еще А.А. Драгунов отмечал, что вся система соотношения прошедшего-настоящего-будущего времен отражается в дунганских отрицательных предложениях при помощи **бу** и **ма**. Причем именно эти показатели отрицания превращают неоформленную глагольную морфему из наименования действия в морфологически законченное целое, в финитное сказуемое.

Обычно в дунганском выделяются следующие функции **бу**¹²:

1. Перенос отрицаемого действия в план будущего:

<i>чи</i> 'идти'	<i>чини</i> 'пойдет'	бу <i>чи</i> 'не пойдет'
<i>на</i> 'брать'	<i>нани</i> 'возьмет'	бу <i>на</i> 'не возьмет'

Морфема **ни** в дунганском языке является показателем будущего времени, она не связана с идеей модальности. В путунхуа ей соответствует **не** – многозначная модальная частица. Если в путунхуа фраза **bù lái ne** 'не придет' вполне грамматична, то в дунганском возможно только либо сказать *лэйни* 'придет', либо с отрицанием **бу** *лэй* 'не придет'. В одной фразе **бу** и **ни** не могут оформлять один глагол.

Ваму ба хуар бу жю. 'Дети цветы не будут рвать'.
ребенок-Р1 БА¹³ цветок БУ рвать

2. Отрицание **бу** содержит в своем значении элементы отрицания длительности действия (при постановке его перед глаголом). Это правило не абсолютно: А.А. Драгунов приводит примеры типа **бу чышон**, где, хотя **бу** и стоит перед результативным глаголом (*чы* 'есть' *шон* – результативная морфема), данная фраза переводится как 'надо было съесть', а не 'не съел', то есть модальный оттенок значения частицы **бу** «берет верх» над значением отрицания. Этот пример противоречит также и утверждению о том, что **бу** не употребляется перед результативными глаголами, а только инкорпорируется в них.

3. В работах по дунганскому языку отмечается, что **бу** может использоваться в усилительной роли – для усиления отрицания обыч-

ности какого-либо действия (А.А. Драгунов называет подобные случаи «употреблением **бу** в настояще-будущем времени»). Например: *та бу хэ ца* (кит. *tā bù hē chá*) имеет два варианта перевода: (1) 'он не пьет чая (не имеет такой привычки)' и (2) 'он не будет пить чай'. Ср. употребление с дунганским суффиксом настоящего-будущего времени **ни**: *та бу хэ ца ни* 'он никогда не пьет чай (и никогда не будет пить)'.

4. **бу** допускает перемещение действия в план прошлого (то есть как бы вторгается в сферу действия **мэ**). Возможно, это обусловлено модальными свойствами данного показателя. Ср. пример, приводимый А.А. Драгуновым: *Та бу шо «ши», е мэ шо «бу ши»*. 'Он не [хотел] сказать «да», но и не сказал «нет»'¹⁴.

5. В предложении **бу** играет двойную роль: с одной стороны, по смыслу соотносится с полузнаменательными модальными наречиями типа 'сейчас', 'еще', 'так же' и другими, с другой стороны, его грамматическая функция противопоставлена **мэ**.

Обычно в дунганском языке выделяются следующие случаи употребления **мэ**:

а) употребление глагольной морфемы с **мэ** переносит отрицаемое действие в прошлое (если глагол не оформлен никаким суффиксом), например, *хуа* 'рисовать' – *мэ хуа* 'не рисовал' (ср. *хуали* 'рисовал').

Дунганские сложные суффиксы прошедшего времени **-дилэ** и **-гуэ** не выпадают при отрицании: *няндилэ* 'читал тогда' – *мэ няндилэ* 'не читал тогда'; *щегуэ* 'довелось писать' – *мэ щегуэ* 'не довелось писать'.

б) если действие происходит в настоящее время, то глагол в положительной форме оформлен суффиксом **-дини**, а в отрицательной форме **-ди**. Практически все исследователи отмечают употребление суффикса **-ди** (кит. соответствие *zhe*) в отрицательной форме глагола настоящего времени независимо от того, длительное или недлительное действие он обозначает.

Та мэ лэди. 'Он не приходит'; *Та мэ фэди*. 'Он не играет'.

Вава щёдини. 'Ребенок смеется'; *Вава мэ щёди*. 'Ребенок не смеется'.

Ср. *Вава мэ щё*. 'Ребенок не смеялся'.

в) употребление глагольного отрицания **мэ** не допускает переноса действия в план будущего времени, в отличие от **бу**, которое способно «вторгаться» в сферу действия **мэ** (см. выше).

г) отрицание **мэ** не сочетается с глаголами не-действия (так как они не могут быть ограничены моментом речи, не допускают присоединения суффикса **-ди** (кит. *zhe*)).

В работах по дунганскому языку специально оговаривается, что **бу** и **мэ** не могут сочетаться с глаголами, имеющими суффиксы времени, так как они сами наделены временным значением. Это утверждение слишком категорично, так как практически все исследователи отмечают и случаи «смешанного глагольного оформления»¹⁵, «нестандартного употребления»¹⁶ данных показателей отрицания, которые демонстрируют одновременное употребление **бу** или **мэ** и ряда видо-временных суффиксов.

А.А. Драгунов подчеркивал, что суффиксы **-ли**, **-ни**, **-дини**, а также отрицания **мэ** и **бу** никакого нового лексического содержания в значение предиката не вносят. Не вполне ясной представляется тогда трактовка примеров типа *Та бу лэли* 'Он уже больше не придет'. (Отличие от **мэ** состоит в том, что возможна одновременная суффиксация **-ли**; но здесь мы, скорее всего, имеем дело с омонимией показателя перфектива **-ли** и модальной частицы **-ли**). В китайском языке можно наблюдать сходную картину в примерах типа *Ta bu zai shuo hua le* 'Он больше не стал говорить'. Однако в китайском имеется в виду, что действие заканчивается (или уже закончилось) и в дальнейшем не будет осуществляться. В дунганском же примере отрицается вероятность совершения действия в будущем, но остается неясным, имело ли это действие место раньше.

Большой интерес представляют также случаи употребления отрицаний **мэ** и **бу** с наречиями. Например, дунганской фразе *хань мэ лэйни* (**ни** уже не может быть опущено) соответствует два контекстно-зависимых перевода: (1) 'еще не приехал' и (2) 'все еще не приехал'; а в китайском языке эти оттенки значения морфологически разнесены: *hái méi lái* 'еще не приехал' *hái méi lái ne* 'все еще не приехал'.

Другой пример расхождений в дунганском и китайском языках. Существующее в китайском языке различие между сказуемым, выраженным глаголом с дополнением, и сказуемым, выраженным глаголом без дополнения, в дунганском морфологически унифицировано: *та кань фудини* 'он читает книгу' – *та цзудини* 'он идет'; *та мэ кань фуду* 'он [в данный момент] не читает книгу' – *та мэ цзуду* 'он [в данный момент] не идет' (**ду** соответствует китайскому **zhe**). В китайском имеем: *tā kàn bào ne* 'он [в данный момент] читает газету' – *tā zǒuzhe ne* 'он [в данный момент] идет'; *tā méi kàn bào ne* 'он [в данный момент] не читает газету' – *tā méi zǒuzhe* 'он [в данный момент] не идет'.

А.А. Драгунов считал, что такая унификация является ярким показателем (признаком) становления в дунганском языке категории настоящего времени.

Разнообразие «особого» функционирования показателей отрицания **ма** и **бу** в дунганском языке представляет большой интерес. Дунганский материал демонстрирует более быстрый процесс «морфологизации», чем это происходит в путунхуа. Особый, даже, пожалуй, значительный отпечаток на развитие морфологии накладывает и тот факт, что среднеазиатские дунгане уже (или все еще) не владеют иероглифической письменностью. Еще в работе А.А. Драгунова 1940 г. можно найти яркий пример *жыбудо* 'не могу узнать' наряду с более ожидаемым **бу жыдо** (кит. *bù zhīdao*) 'не знать' (по аналогии с инкорпорацией модального отрицания невозможности доведения действия до какого-либо результата **бу** в результативный глагол типа *подо* 'добежать' → *побудо* (кит. *pǎo bu dǎo*) 'не могу добежать'). Это явный случай фонетического смешения второй части глагола *жыдо* 'знать', этимологически восходящей к именному дополнению **до** 'путь', с очень частотным модификатором **до** 'доходить до'. При этом в существующих грамматиках дунганского языка¹⁷ специально оговаривается невозможность сочетания «глаголов не-действия» с видовыми и модальными показателями.

Краткие выводы. Длительное обособленное существование привело к изменению не только лексики, наиболее динамично реагирующей на любые социальные и другие изменения, но и повлияло на структуру языка в целом. Еще Драгунов отмечал фонетические изменения в дунганском языке: стяжение дифтонгов и тенденцию к группам согласных (притом, что в китайском языке возможен только открытый слог!). Пополнение лексики часто происходит иначе, чем в путунхуа, для китайского типично семантическое калькирование (буквальный перевод), случаи фонетических калек менее распространены. В дунганском же, наоборот, большинство заимствований образовано как фонетические кальки. Но самые глобальные изменения коснулись грамматики.

Пример развития дунганского языка удивительным образом иллюстрирует ситуацию, когда социальные причины приводят к глобальным последствиям, язык за ничтожно короткий с лингвистической точки зрения срок (150 лет) начинает ускоренно изменяться в сторону агглютинации.

Как уже говорилось в начале статьи, отмеченная ситуация не стабильна. Новые приоритеты неизбежно отразятся на дальнейшем функционировании дунганского языка. Продолжится ли развитие его морфологии или он «подравняет» уже не столь жесткий порядок слов в соответствии с нормами путунхуа, покажут только время и новые исследования. Если же процесс не повернет вспять, то происходящие перемены в языке среднеазиатских дунган позволят более уверенно прогнозировать развитие китайского языка в целом.

- ¹ См.: Хай Фэн Дунганский – самостоятельный язык или вариант диалектов китайского языка? // Московский лингвистический журнал. М.: РГГУ, 2006. Т. 9, № 1, С. 74-81.
- ² Цибузгин В., Шмаков А. Заметки о жизни дунган селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области // Зап. Семиреченского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Семипалатинск, 1909. Вып. IV.
- ³ Поливанов Е.Д. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка // Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937. С. 30–40.
- ⁴ Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. М.: Научная книга, 1996. С. 143.
- ⁵ Практика использования арабских и персидских букв для китайского языка получила название «сяоцзин» (кит. *xiǎojīng*) (см.: Завьялова О.И. Указ. соч. С. 146). В некоторых текстах китаеязычных мусульман (в том числе в личной переписке) отдельные слова могли записываться иероглифами.
- ⁶ Драгуновы А. и Е. Дунганский язык // Зап. ИВ АН СССР. Т. VI. М.; Л., 1937. С. 117–131.
- ⁷ Калимов А. Дунганский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968.
- ⁸ Имазов М.Х. Очерки по морфологии дунганского языка. Фрунзе, 1982.
- ⁹ Драгунов А.А. Исследования в области дунганской грамматики. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу) // Труды ИВ АН СССР. Т. XXVII. М.; Л., 1940.
- ¹⁰ Имазов М.Х. Указ. соч. С. 95.
- ¹¹ Здесь и далее дунганские примеры даны в современной кириллической записи, а примеры из путунхуа – в латинизированной транскрипции пиньинь.
- ¹² Цунвазо Ю. К вопросу о средствах выражения отрицания в дунганском языке // Вестник АН Каз. ССР. 1949. № 10.
- ¹³ БА (кит. *bǎ*) – предлог, маркирующий прямой объект.
- ¹⁴ Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т. 1. М.–Л., 1952. С. 134.
- ¹⁵ Драгунов А.А. Исследования в области дунганской грамматики...
- ¹⁶ Имазов М.Х. Указ. соч.
- ¹⁷ Там же.

Т.В. Скулачева

Синтаксис стиха: полноударные строки пятистопного ямба А. Попа и Дж.Г. Байрона

В статье описываются закономерности распределения синтаксических связей в английском пятистопном ямбе (А. Поп, Дж.Г. Байрон). Выделяются закономерности, типичные для широкого круга стихотворных текстов (русского, английского, французского стиха), а также закономерности, типичные для стиха классицизма и романтизма и индивидуальных стилей этих авторов.

Ключевые слова: синтаксис стиха, синтаксические связи, стихотворная строка, пятистопный ямб, А. Поп, Дж.Г. Байрон

В предлагаемой статье проанализирована синтаксическая структура строки пятистопного ямба А. Попа и Дж.Г. Байрона. Произведения А. Попа (1688–1744), одного из самых известных поэтов английского классицизма, отличались прекрасным стилем и тщательной отработкой формы. Подчинение языкового материала поэтической форме является в его стихах максимальным для английской поэзии. Дж.Г. Байрон (1788–1824), крупнейший английский романтик, активно расшатывал классицистические каноны организации поэтической формы. Его стихотворная форма демонстрирует значительный сдвиг в сторону естественной прозаической речи. В то же время Дж.Г. Байрон считал А. Попа своим учителем, и связь поэзии Байрона с классической традицией не была утрачена полностью.

Для анализа были выбраны две поэмы А. Попа «Рассуждение о критике» («An Essay on Criticism», 1709) и «Похищение локона» («The Rape of the Lock», 1712) и две ранние поэмы Дж.Г. Байрона «Корсар» («The Corsair», 1814) и «Лара» («Lara», 1814). Основные факторы, обусловившие выбор данных произведений для анализа, следующие:

1) пятистопный ямб позволяет проследить некоторые закономерности распределения конкретных синтаксических связей, не заметные в более короткой строке;

© Скулачева Т.В., 2012

2) сравнение синтаксической структуры строк авторов, принадлежащих к разным литературным направлениям, позволяет установить особенности распределения синтаксических связей в строке, определяющиеся как принадлежностью авторов к тому или иному литературному направлению, так и индивидуальным стилем автора;

3) выбранные произведения написаны в рамках силлабо-тонической системы версификации, одинаковым метром с одинаковой системой рифмовки – пятистопным парнорифмованным ямбом. Это обеспечивает однородность анализируемого материала.

Как известно, синтаксические связи между словами бывают более тесными и менее тесными. Под теснотой связи мы понимаем «большую или меньшую легкость членения различных соединений слов»¹. Более подробно о различном понимании тесноты связи и классификации синтаксических связей, принятой в стиховедении, говорится в нашей большой работе, посвященной синтаксису английского стиха². Там же дан анализ предшествующих нашим работам М.Г. Тарлинской по синтаксису английского стиха³. Приведем список связей, используемый в нашей работе. Итак, от более тесных к более слабым:

I. Тесные связи

1. Определительная связь – типа «better place».
2. Дополнительная прямого дополнения – «defends ... innocence».
3. Дополнительная косвенного дополнения – «gives...to the town».
4. Обстоятельственная – «famous in his time».

II. Особые типы связи, стоящие между тесными и слабыми и имеющие свои индивидуальные закономерности распределения:

5. Предикативная (связь между подлежащим и сказуемым) – «Heav'n defends...»
6. Связь между однородными членами – «devotion, duty and respect».

III. Слабые связи:

7. При причастных, деепричастных и прочих оборотах – «And lies like truth...»
8. Между частями сложноподчиненного предложения – «Nor mark of vulgar toil that hand betrays...»
9. Между частями сложносочиненного предложения – «One year is past; a different scene...»
10. Граница предложений – «Was it a dream? Was his the voice that spoke...»

Т.В. Скулачева

Общий объем проанализированного материала составляет 850 полноударных строк А. Попа и 1000 полноударных строк Дж.Г. Байрона. Достоверность и устойчивость результатов проверяется подсчетами после каждых 100 строк. Результаты подсчетов контактных связей приводятся на Рисунках 1 и 2.³

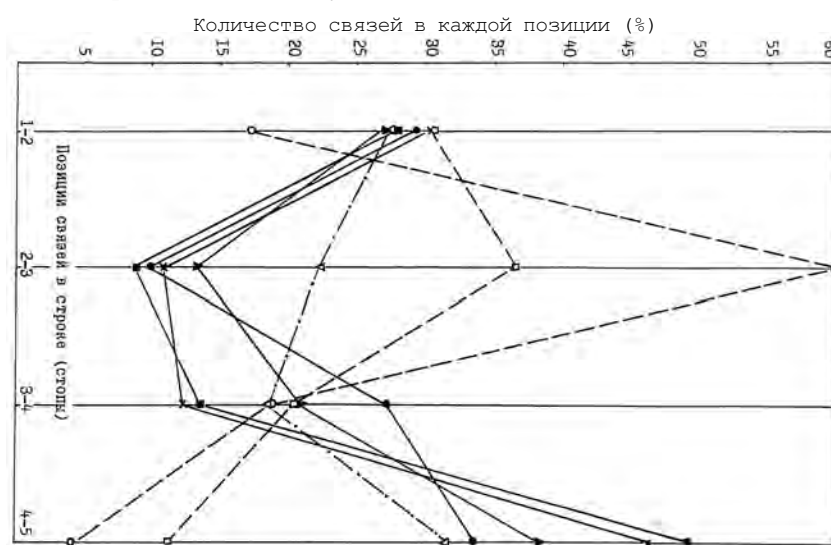

Рис. 1. Распределение связей в строках А. Попа.

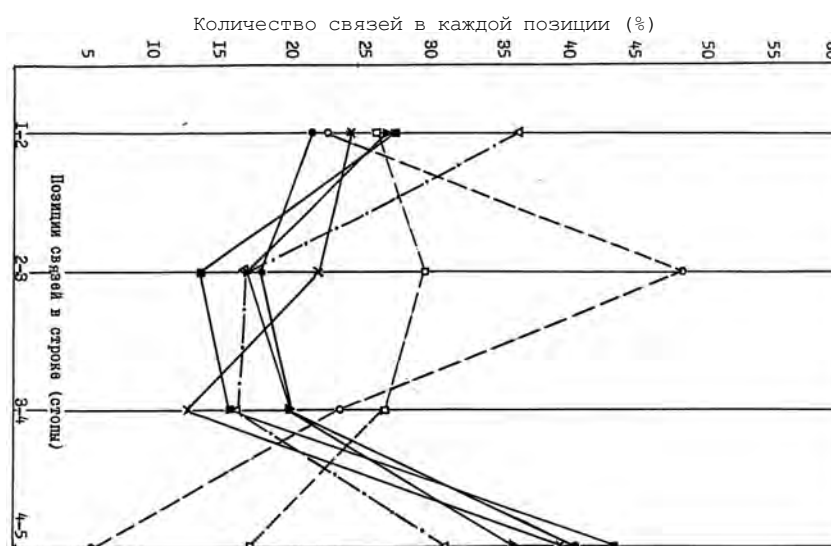

Рис. 2. Распределение связей в строках Дж. Г. Байрона.

Начнем с общего в строении строки А. Попа и Дж.Г. Байрона. По обоим графикам видно, что распределение тесных связей практически зеркально противоположно распределению свободных. Количество тесных связей достигает максимума к концу строки, сравнительно велико в начале и резко падает в середине строки. Количество свободных связей, напротив, достигает максимума в середине строки и резко падает к концу строки. Такое распределение тесных и свободных связей в строке объясняется, на наш взгляд, тем, что синтаксическая структура строки наряду с ее ритмической и просодической организацией может способствовать более тесному объединению слов стихотворной строки в целостную ритмическую единицу. Для этого необходимо создание контраста между тесной связанностью слов начала и, особенно, конца строки (слов первой и второй и четвертой и пятой стоп в пятистопном ямбе) и слабой связанностью между строками.

Сходные данные были нами получены также по четырехстопному ямбу Дж. Свифта, четырехстопному ямбу А.С. Пушкина, свободному стиху В. Хлебникова и М. Кузмина, французскому силлабическому десятисложнику Вольтера⁴. Это еще раз подтверждает наше предположение о том, что данные закономерности в своем общем виде типичны для стихотворных текстов, написанных на разных языках, в рамках разных систем стихосложения, литературных направлений и индивидуальных стилей.

На графиках видно также, что описанные закономерности выражены более резко в поэмах А. Попа. Поэзия английского классицизма, и А. Попа в особенности, отличается жесткой организацией поэтической формы. С точки зрения соблюдения метра пятистопный ямб А. Попа является самым строгим в английской поэзии (см. книгу М. Тарлинской по метрике и ритмике английского стиха⁵). Можно предположить, что чем более жесткие законы поэтической и, прежде всего, ритмической организации диктуются языковому материалу, тем отчетливее проявляются закономерности распределения синтаксических связей в строке и что целостность строки ослабляется от классицизма к романтизму, от более нормированной поэзии к менее нормированной.

Большой интерес, с нашей точки зрения, представляет сходство в распределении свободных связей в строках А. Попа и Дж.Г. Байрона. Пятистопный ямб А. Попа сохранил характерную для классицистов память о цезуре после второй стопы, характерной для французского классического десятисложника. Поэтому естественно, что максимальное количество свободных связей сосредотачивается в поэзии А. Попа между второй и третьей стопами.

Байрон отказывается от жесткой регламентации поэтической формы, свойственной классицизму. Однако по звучанию строки пятистопного ямба с паузой после второй стопы еще хорошо памятны Байрону по произведениям его любимых поэтов и учителей. Поэтому во многих случаях он подсознательно отдает предпочтение строкам, где самая свободная связь находится, как и у А. Попа, в позиции между второй и третьей стопой. Тем не менее, закреплённость минимальной синтаксической связанности за позицией после второй стопы в поэзии Дж.Г. Байрона гораздо менее жесткая, чем у А. Попа.

Что касается предикативной связи, то ее количество достаточно велико вблизи обеих границ строки и резко падает в середине строки, достигая минимума между третьей и четвертой, а не между второй и третьей стопами, как количество тесных связей, что еще раз подтверждает правильность выделения предикативной связи в отдельную группу. Очевидно, предикативная связь распределяется в строке особым образом, не участвуя в оппозиции тесных и свободных связей. Общая тенденция в распределении предикативной связи – то, что ее количество довольно велико не только ближе к началу, но и ближе к концу строки, а иногда даже немного выше в конце строки в строго организованной классицистической поэзии (у А. Попа, Дж. Свифта, во французской поэзии – у Вольтера)⁶. Затем количество предикативных связей во все большей и большей степени перемещается в сторону начала строки в соответствии с естественным порядком слов в соответствующих языках. Эта тенденция очевидна уже в стихе Байрона, где количество предикативных связей ближе к началу строки выше, чем ближе к концу строки.

Связь между однородными членами также является особым типом связи, присоединяясь то к тесным, то к слабым связям в зависимости от того, как конкретный автор использует перечисления – как перечень близких по семантике слов, или как перечень очень разных или противопоставленных понятий. Данный подсчет был выполнен на сравнительно раннем этапе наших исследований, поэтому связь между однородными членами здесь суммируется со следующей по слабости связью – связью, вводящей обособленные обороты. В дальнейшем связь между однородными членами считалась нами отдельно и относилась к особым видам связи.

Следует обратить внимание на различие в распределении отдельных связей в поэмах А. Попа и Дж.Г. Байрона. Процент определительной связи в позициях между первой и второй и третьей и четвертой стопами у А. Попа (35,6% и 36,6%) заметно выше, чем у Байрона (17,9% и 29,7% от общего числа связей). Это объясняется значительно более интенсивным употреблением определений в по-

эзии А. Попа, вызванным характерным для классицизма способом выражения мысли. Например:

Fancy and art in **gay** Petronius please,
The **Scholar's** learning with the **Courtier's** ease.
In **grave Quintillian's copious** work, we find
The **justest** rules and **clearest** methods join'd.

В приведенных четырех строках из поэмы А. Попа «An Essay on Criticism» содержится восемь определений. Такое нагнетание атрибутивных конструкций не характерно для поэзии Байрона.

Таким образом, возрастание процента определительной связи в отмеченных позициях объясняется стилистическими особенностями поэзии А. Попа.

Как уже говорилось, характер распределения предикативной связи в строках А. Попа и Дж.Г. Байрона также различен. Если у А. Попа в конце строки случаев предикативной связи несколько больше, чем в начале, то у Байрона предикативная связь сильнее тяготеет к началу строки. Тяготение предикативной связи к началу строки в поэмах Байрона является, на наш взгляд, результатом большего, чем у Попа, приближения к особенностям обычной английской речи, где подлежащее и сказуемое чаще встречаются в начале предложения.

Что касается количества неконтактных синтаксических связей, то в анализируемом материале оно недостаточно велико для того, чтобы сделать какие-либо определенные выводы относительно особенностей распределения отдельных связей в строке. Единственным, что привлекает внимание в распределении неконтактных связей, является общее число всех видов связи в различных позициях. Общее количество связей в позициях между первой и третьей, второй и четвертой, третьей и пятой, первой и четвертой, второй и пятой, первой и пятой стопами является у Байрона соответственно равным 165–92–372–56–194–120 связям, у А. Попа – 180–99–374–65–160–177 связям. Таким образом, в распределении неконтактных связей прослеживаются тенденции, сходные с закономерностями распределения контактных. Если рассматривать количество связей, соединяющих слова первой и третьей, второй и четвертой и третьей и пятой стоп, наибольшее количество связей наблюдается к концу строки, довольно большое – в начале, и наименьшее – в середине строки.

Тенденция к охвату дистанционными связями слов конца строки видна и при сопоставлении количества связей в позициях между первой и четвертой и второй и пятой стопами. Наконец, сравнительно велико количество связей между словами первой и пятой стоп, как бы охватывающих всю строку в целом.

Подведем итоги. Проведенный анализ позволяет выделить ряд закономерностей, касающихся синтаксической связанности внутри стихотворной строки. Далее закономерности излагаются от более общих к более частным:

1. Можно выделить особенности синтаксической структуры строки, которые являются общими для английской, русской и французской поэзии разных периодов и литературных направлений.

2. Тесные связи наиболее часто встречаются ближе к концу строки, довольно часто в начале и значительно реже в середине строки. Свободные связи, напротив, наиболее часто встречаются в середине строки, реже в начале и крайне редко в конце строки. Таким образом, распределение тесных и свободных связей в поэтической строке практически зеркально противоположно.

3. Реально наиболее частотной в английской и русской ямбической поэзии является такая структура стихотворной строки, где в начале строки находится сравнительно тесная связь, после второй стопы – самая слабая, между третьей и четвертой стопами наиболее часто встречается пропуск контактной связи, а в конце строки – самая тесная связь.

4. Одним из возможных объяснений данных закономерностей является то, что они служат для поддержания целостности стихотворной строки, что крайне существенно в поэтическом тексте, так как деление на строки является наиболее существенным, родовым признаком стиха.

5. Выявлено максимально резкое проявление данных закономерностей в поэзии А. Попа и некоторое их ослабление в поэзии Дж.Г. Байрона. Возможно предположение, что целостность строки вообще ослабляется по направлению от классицизма к романтизму, от более нормированного стиха к менее нормированному.

6. Конкретные особенности расположения той или иной связи в строке относятся к индивидуальным особенностям творчества того или иного поэта, или даже к особенностям определенного произведения.

Примечания

¹ Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957. С. 173.

² Скулачева Т.В. Взаимодействие ритмической организации и синтаксического построения стихотворного текста. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

³ Tarlinskaja M. Rhythm-Morphology-Syntax-Rhythm // Style. 1984. V.18. № 1. P. 1–26; *Idem*. Meter and Mode: English Iambic Pentameter, Hexameter and Septameter and Their Period Variations // Style. 1987. V. 21. № 3. P. 400–426.

³ Условные обозначения:

Тесные связи (сплошная линия —):	
—●—	- определительная связь
—■—	- дополнительная прямого дополнения
—×—	- дополнительная косвенного дополнения
—▲—	- обстоятельственная
Особые типы связи (точка-тире —·—·—):	
—▽—	- предикативная
Слабые связи (пунктирная линия - - -):	
—□—	- связь между однородными членами, связь при причастных, деепричастных и прочих оборотах,
—○—	- связь между частями сложноподчиненного предложения, между частями сложносочиненного предложения, граница предложений

По оси абсцисс отмечены позиции связи в строке, по оси ординат приводится количество случаев определенного вида связи в каждой позиции в процентах от общего числа случаев данного типа связи во всех контактных позициях пятистопного ямба. Контактными внутри строки пятистопного ямба считаются позиции между первой и второй, второй и третьей, третьей и четвертой, четвертой и пятой стопами.

⁴ Скулачева Т.В. Взаимодействие ритмической организации...;

⁵ Tarlinskaja M. English Verse: Theory and History. The Hague, 1976.

⁶ Скулачева Т.В. К вопросу о взаимодействии ритма и синтаксиса в стихотворной строке (английский и русский четырехстопный ямб) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1989. № 2. С. 156–165; Она же. Лингвистика стиха: структура стихотворной строки // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1996. С. 18–23; Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Ритм и синтаксис в свободном стихе // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М.: Наука, 1993. С. 14–43. Они же. Ритм и синтаксис свободного стиха Хлебникова // Материалы IV хлебниковских чтений. Астрахань, 1992. С. 15–18; Скулачева Т.В. Взаимодействие ритмической организации...

А.Я. Шайкевич

Лексика русской прозы XIX в. на фоне национального корпуса русского языка

Делается попытка обнаружить специфические черты (лексические маркеры) Частотного словаря русской прозы XIX века в сравнении с многожанровым Частотным словарем русского языка второй половины XX века. Сокращение частоты многих тысяч слов может быть связано с а) долгосрочными лингвистическими тенденциями; б) тематическими и стилистическими изменениями в литературе; в) изменениями в технике и образе жизни. Ожидается: что учет частоты комбинаций слов будет способствовать прогрессу в сравнении частотных словарей.

Ключевые слова: сравнение частотных словарей, русская проза 19 в., частота словосочетаний, причины изменений частоты, лингвостатистика.

Принципы сравнения частотных словарей пока еще не разработаны в лингвостатистике. Появление первого большого частотного словаря русского языка¹ представляет уникальную возможность такого сравнения, намеченного десять лет назад².

Словарь Ляшевской и Шарова (далее – ЛШ) построен на корпусе общим объемом 92 миллиона словоупотреблений, охватывающем период 1950–2007 гг. Нас, прежде всего, будет интересовать «Раздел 1. Алфавитный список лемм», включающий 50 тысяч лемм. Именно этот раздел (далее – НК) даст возможность выделить лексические маркеры корпуса прозы XIX в. (далее – XIX). При сравнении частот этих корпусов мы будем опираться на Частотный словарь художественной литературы (далее – НКХЛ) раздела 3, включающий пять тысяч лемм и опирающийся на подкорпус объемом 35 миллионов словоупотреблений. Иногда при сравнении учитывается «Частотный словарь устной речи» (далее – НКУР) раздела 3 (5000 лемм, 1 миллион словоупотреблений). Изредка будут учитываться данные раздела 2 «Ранговый список лемм», где приводятся частоты данов по трем двадцатилетним периодам³.

Словарю ЛШ будет сопоставлен частотный словарь языка русской прозы 1850-1870-х гг., подготовленный в бывшем Отделе машинного фонда русского языка Института русского языка РАН. Словарь включает 51 тысячу лемм и основан на корпусе текстов 52 авторов (15 миллионов словоупотреблений).

© Шайкевич А.Я., 2012

Процедура сравнения начинается с того, что два частотных словаря сливаются, образуя общий частотный словарь (ОЧС), при этом относительные частоты ЛШ преобразуются в абсолютные частоты. Покажем расчет на примере слова *не*:

$$f_{\text{XIX}} 333892 + f_{\text{НК}} 1658576 = f_{\text{ОЧС}} 1992468.$$

Подсчитаем математическое ожидание (m) частоты *не* в XIX в предположении, что вероятность появления этого слова в подкорпусе XIX не отличается от той же вероятности в ОЧС. Доля XIX в ОЧС = $15/(15+92) = 0,14$, тогда $m = 0,14 \cdot 1992468 = 278947$. Будем измерять специфичность слова в подкорпусе согласно $S = (f - m - 1)/\sqrt{m}$, где f – абсолютная частота слова в подкорпусе.

Тогда $S = (333892 - 278947 - 1)/528 = 54944/528 = 104$. Для облегчения расчетов объем НК принимался равным 100 миллионов словоупотреблений, а доля XIX в ОЧС приравнивалась к 0,15. Тогда $S = (333892 - 320368 - 1)/565 = 13523/565 = 24$. Заметим, что этот более грубый расчет завышает математическое ожидание, и следовательно занижает меру специфичности. Если то или иное слово продемонстрировало свою специфичность в этом варианте, то тем больше будет его специфичность при точном расчете. Преимущество более грубого расчета в том, что он позволяет на глазок решать, стоит ли производить компьютерный счет в данном конкретном случае.

Превышение значением S некоторого порога позволяет назвать соответствующее слово **лексическим маркером**.

Если ранжировать список слов по убыванию S , в первой десятке окажутся:

	S		S
вы	438	-то	158
да (союз)	251	отвечать	152
его	193	ты	145
ее	170	уж	145
я	168	говорить	136

У 25 слов $S > 100$, у 204 слов $S > 50$, у 992 слов $S > 21$, 3000 слов имеют $S > 10$, 7146 слов имеют $S > 5$, 9273 слов имеют $S > 4$. Когда $S=4$, исследователь должен задуматься над таким словом, проверить, нет ли в том же словообразовательном гнезде других слов с достаточно высоким S , если – да, то это будет основанием для приписывания этому гнезду статуса лексического маркера. При $S > 5$ слово должно считаться лексическим маркером XIX по отношению к НК.

В рамках статьи нет возможности перечислять тысячи и тысячи лексических маркеров, тем не менее попытаемся зафиксировать типичные случаи.

Местоимения (личные и притяжательные) единственного числа имеют очень высокие значения S : *его* (193), *ее* (170), *я* (168),

ты (143), *он* (94), *мой* (90), *она* (85), *свой* (46), *себя* (38), *твой* (34). Их совокупная частота (на 100000 словоупотреблений в тексте) составляет XIX 6446, НК 4523, НКХЛ 6447, НКУР 7747. Частота этих местоимений в прозе не изменилась ни на йоту; напротив, их частота в художественной литературе в полтора раза больше, чем во всем корпусе, следовательно высокие значения S целиком объясняются спецификой прозы.

По-другому обстоит дело с местоимениями 2 лица мн. числа – *вы* (438), *ваши* (98). Их совокупная частота XIX 946, НК 346, НКХЛ 495. Более того, частота *вы* и *ваши* продолжает сокращаться в художественной литературе и во второй половине XX века: 1950-1969 – 602, 1970-1989 – 523, 1990-2007 – 450. Интерпретация этих цифр не составляет труда, она становится особенно ясной при табличном сравнении с частотой *ты* и *твой*.

	XIX	1950-1969	1970-1989	1990-2007
<i>вы, ваши</i>	946	602	523	450
<i>ты, твой</i>	706	639	647	703
доля <i>вы, ваши</i>	57%	48%	45%	39%

Хорошо виден процесс «тытоизации» русской прозы.

Проза (в отличие от других жанров) максимально насыщена прямой речью персонажей, особенно – диалогами. Ясно, что при этом повышается частота как традиционных местоимений, так и других слов с местоименной семантикой, ср.

	S	XIX	НКХЛ	НК	НКУР
тут	28	130	141	88	185
здесь	–	81	95	80	131
теперь	104	197	127	87	86
нынче	56	17	5	3	...
ныне	–	6	3	6	–
сейчас	–	64	115	90	347
давеча	54	7	1	...	–
намедни	27	2	...	...	–
завтра	30	29	22	14	67
вчера	13	26	17	13	67
сегодня	–	32	41	46	115

В максимальной степени фактор жанровой специфики проявляется у таких слов, как:

	S	XIX	НКХЛ	НК	НКУР
же, ж	89	569	418	340	491
ну	63	208	179	111	1721
будто	48	72	63	34	17
вдруг	64	110	92	50	21
разве	55	45	26	17	14
неужели	22	17	14	9	6
не	24	2226	2238	1803	2344

У следующих четырех слов высокие значения *S* преимущественно связаны с диахроническими изменениями:

	<i>S</i>	<i>XIX</i>	<i>НКХЛ</i>	<i>НК</i>	<i>НКУР</i>
да (союз)	251	379	129	80	345
-то	158	87	17	11	14
уж	145	169	70	45	94
ли, ль	74	215	129	110	179

Особый случай представляют собой слова-выразители высокой степени: диахроническое уменьшение их частоты в прозе никак не соотносено с частотами в других жанрах:

	<i>S</i>	<i>XIX</i>	<i>НКХЛ</i>	<i>НК</i>	<i>НКУР</i>
самый	52	177	92	101	113
очень	39	192	117	129	300
совсем	35	82	67	46	50
совершенно	31	52	30	28	42
чрезвычайно	26	11	3	4	...
весьма	15	24	9	16	...
гораздо	9	17	7	11	5

Если динамика частоты весьма отражает индивидуальную судьбу (архаизацию) именно этого слова, шесть других слов скорее свидетельствуют об особом развитии русской прозы – постепенном уменьшении частоты интенсификаторов.

Обратимся к некоторым достаточно интересным случаям:

	<i>S</i>	<i>XIX</i>	<i>НКХЛ</i>	<i>НК</i>	<i>НКУР</i>
вздор	77	12	1	1	...
особа	39	8	2	1	...
коли	123	31	3	2	...
ежели	96	22	3	2	...
кабы	51	6	1	...	–
если	–	154	195	200	236
прежде	35	46	17	23	2
прежний	27	26	11	10	...
отчего	54	30	8	4	1
почему	–	26	70	51	106
тотчас	117	58	6	3	–
сразу	–	12	69	49	59
помилуй	90	14	1	1	...
полно	62	15	3	2	3
постой	42	9	7	3	4
погоди	7	10	5	2	5
опять	94	107	58	34	77
снова	–	39	56	33	9
надобно	107	18	1	...	–
надо	–	91	130	99	336
нужно	–	42	32	35	68

	<i>S</i>	<i>XIX</i>	<i>НКХЛ</i>	<i>НК</i>	<i>НКУР</i>
воротиться	82	12	1	...	—
возвратиться	49	11	2	2	—
вернуться	51	16	49	31	16
всякий	56	90	48	37	54
каждый	—	68	76	88	57
непременно	77	27	6	4	...
обязательно	—	...	13	12	25
беспрестанно,-ый	79	10	1	...	—
беспрерывный,-о	19	3	1	1	...
вечно	6	5	6	4	4
изредка	29	8	4	2	...
порой	20	2	...	...	—
иногда	15	37	26	25	23
глядеть	56	53	41	20	6
поглядеть	24	10	9	4	2
смотреть	14	90	93	67	154
посмотреть	7	41	54	31	101
подле	65	10	1	1	—
около	13	33	12	23	18
возле	—	8	22	11	3
рядом	—	13	45	29	23
благодарить	57	17	4	3	...
спасибо	—	9	17	12	49
обыкновенно	67	16	1	1	—
обычно	—	...	18	17	24
разумеется	41	27	9	10	1
конечно	—	48	76	67	225
(со)лгать	36	8	3	1	...
обман, -уть,-ывать	24	15	9	7	2
врать	21	10	10	4	4
намерение	24	10	3	4	—
желание	—	17	13	14	6
желать	67	43	14	12	3
хотеть	—	142	139	99	252
скверный, -но	40	7	2	1	...
гадкий,-о	39	5	1	1	...
дурной, дурно	70	19	5	4	...
плохой, плохо	—	13	43	35	61
славный, -но	27	10	5	4	...
чудный	23	4	2	1	1
превосходный,-о	22	5	1	2	...
добрый	68	53	22	17	17
хороший, хорошо	—	124	109	96	263

Как видим, пять колонок цифр неплохо отражают историю отдельных слов (например, *вздор*, *прежде*) или групп синонимов (с общей тенденцией к уменьшению разнообразия⁴). Но удастся ли использовать показатели S и динамику частот отдельных слов для выявления общих тенденций, касающихся больших групп слов и общих примет русской прозы? Во многих случаях такие общие закономерности можно обнаружить; будут ли они определяться собственно лингвистическими причинами, будут ли отражением разных литературных течений или, наконец, зависеть от внешней действительности (развития техники, политических потрясений и т. п.) – все это предстоит решать в каждом конкретном случае⁵.

Тривиальными окажутся случаи борьбы фонетических и морфологических вариантов слов: *отвечать* (152)/*ответить*, *искренно* (51)/*искренне*, *номер* (50)/*номер*, *конфекты* (22)/*конфеты*, *шкап* (22)/*шкаф*, *внутренно* (20)/*внутренне*, *стора* (15)/*штора*, *вкруг* (13)/*вокруг*, *ваточный* (11)/*ватный*, *калоша* (11)/*галоша*, *снурок* (10)/*шнурок*, *потерянный* (8)/*растерянный*. Столь же тривиальны названия мер: *верста* (70:5,5), *сажень* (26:5), *десятина* (26:4), *аршин* (22:6), *вершок* (19:2), *пуд* (15:2,5), *фунт* (11:3), *четверть* (10:1,7).

Разбор типичных лингвистических процессов начнем с хорошо известной архаизации многих книжных слов (преимущественно церковнославянских). В этой группе 64 слова, у которых S > 4. Сюда входят *пред* (92:19), *оный* (63:12), *чрез* (62:21), *взор* (33:3), *токмо* (30:5,5), *аз* (24:3), *сей* (21:2), *буде* (20:3), *отселе* (20), *уста* (19:3), *аки* (15), *древлий* (15), *перст* (15:2,5), *лоб(ы)зять*, *-ние* (15), *доселе* (14:3), *око*, *очи* (14:3), *оттоль* (14), *паче* (13:2,7), *рещи* (13), *аще* (12:2), *до-толе* (12:1,6), *здравие* (12), *иже* (12:1,6), *паки* (12), *понеже* (12:4), *наипаче* (11), *отколе* (11:1,5), *засим* (9:1,7), *втуне* (7:1,5), *днесь* (5:1,5), *боле*, *велий*, *вельми*, *власы*, *восхотеть*, *восчувствовать*, *вотще*, *вящий*, *глаголать*, *доднесь*, *доле*, *дондеже*, *древле*, *дщерь*, *егда*, *заутра*, *изыти*, *имати*, *ланита*, *недалече*, *незлобие*, *нести*, *ниже*, *ночно*, *ночь*, *огласиться*, *отверзть*, *отроковица*, *поелику*, *поколе*, *прейти*, *пришлеи*, *свеща*, *сиречь*, *тамо*, *титло*, *умервие*.

Более 120 слов находим в группе слов, стилистически квалифицируемых как «народные» (вплоть до диалектизмов), ср. *сказывать* (94:20), *али* (81:19), *чай* (мод.) (81:48), *этакий* (64:6), *теперича* (60), *экий* (55:8), *давеча* (54:7), *этак* (53:6), *вишь* (52:7), *нешто* (51:4), *тятенька* (50), *пуще* (49:6), *ишь* (42:3), *беспрременно* (42), *ноне* (42), *завсегда* (39:7), *баять* (32:20), *ихний* (32:3), *эка* (32:5), *вестимо* (31), *неужто* (31:2,5), *почто* (31:7), *знамо* (30:15), *-от* (частица) (29), *промеж* (28:4), *намедни* (27:4), *опричь* (27), *супротив* (27:7), *ужо* (27:2,5), *дивиться* (26:5), *опосля* (23:6), *почи-*

тай (23:3), **зачать** (22:5), нонче (22), **окромя** (22:6), **середь** (22:10), эк (22:3,5), маненько (21), заместо (20:4), инда (20), эдак (20:2), эко (20:3,5), касатик (19), одежда (19:4), промежду (19), допрежь (18), эво (18), эдакий (18:3), ась (17), намеднись (17), вострый, -о (17:2), **соколик** (16:5), ништо (15), **среди** (15), эхма (15), давешний (14:2,5), жиган (14), мамзель (14), николи (14), **окроме** (14), вона (13:4), ажно (12), ан (12:3), **дескать** (11:1,7), **серчать** (10:2), **тятка** (10:2,5), **касатка** (8:3), **паря** (8:2,5), **тятя** (8:2), **зачинать** (7:1,5), **дюже** (6:1,5), **краля** (6:1,5), **баской**, **блажной**, **всуреъ**, **выпускать**, **ейный**, **засноб(ушк)а**, **зачинаться**, **значиться**, **изменичик**, **ин**, **инако**, **ино**, **исполать**, **калякать**, **карачун**, **касатка**, **-ушка**, **куды**, **ледащий**, **летось**, **летошний**, **маненечко**, **молонья**, **надысь**, **наместо**, **напредки**, **напрямки**, **недалечко**, **непогодь**, **неуж**, **неча**, **нишкнуть**, **нонешний**, **нравный**, **нужа**, **обладить**, **облыжно**, **обробеть**, **однова**, **озлиться**, **отрычно**, **отрычный**, **покалякать**, **пользительно-ый**, **полюбовник**, **полюбовница**, **почать**, **пужать**, **пужаться**, **ражий**, **рацея**, **средний**, **стибрить**, **супротивник**, **супротивничать**, **супротивный**, **талан**, **тамотка**, **тятенькин**, **убечь**, **ужотко**, **эвоя**.

В отличие от рассмотренной выше группы книжных архаизмов в данном случае мы имеем дело не столько с естественным процессом исчезновения старых слов, а в большей мере с чисто литературным явлением. В середине XIX века русская литература обратилась к народной жизни и к народной речи как безотказному средству реализма в создании *couleur locale*. Уже в последней четверти XIX века наблюдается пресыщение этой тягой к народной речи, о чем свидетельствует изменение частот⁶.

	1820- 1829	1830- 1839	1840- 1849	1850- 1859	1860- 1869	1870- 1879	1880- 1889	1890- 1904
да (союз)	169	304	371	304	340	372	272	249
уж	37	88	147	164	167	132	107	110
-то	46	33	154	205	240	249	176	162

Колорит архаизма характерен для прилагательных с префиксом *пре-*: *прехорошенький* (16:3,5), *преспокойно* (11), *прескверный* (10), *престранный* (9), *премильй* (8), *премиленький* (7), *преблаготолучно*, *пребольшой*, *превесело*, *превеселый*, *превкусный*, *презабавный*, *преинтересный*, *прелюбезный*, *премило*, *премудрый*, *пренаивно*, *пресветлый*, *пресерьезно*, *прескверно*, *преславный*, *пресмешной*, *преумный*, *преуморительный*, *прехитрый*, *пречестный* (всего 26 слов).

Высокие значения S наблюдаем у 38 слов с уменьшительным суффиксом прилагательных *-ньк-*: *хорошенький* (41:3,5), *миленький* (17:1,6), *коротенький* (15:2,3), *любезенький* (15), *махонький* (15:2,5), *узьенький* (15:2), *молоденький* (14:1,5), *низенький* (14:1,9), *легонький*

(12:2), *глупенький* (11:1,6), *красненький* (10:1,4), *аленький*, *беленький*, *белокуренький*, *востренький*, *горяченький*, *грязненька*, *дохленький*, *жиденький*, *недурненький*, *несчастненький*, *плохонький*, *плюгавенький*, *полнехонький*, *пузатенький*, *пухленький*, *серенький*, *синенький*, *сладенький*, *слепенький*, *темненький*, *тихонький*, *убогонький*, *холодненький*, *черномазенький*, *чистенький*.

Своеобразное соединение факторов языка и внешней действительности находим у слов с суффиксом *-иш-а*, обозначающих супругу лица с определенным общественным положением, занимающего какую-то должность и т. п.: *генеральша* (70:26), *адмиральша* (26), *губернаторша* (26), *майорша* (17), *почтмейстерша* (16), *предводительша* (14), *бригадирша* (10), *капитанша* (10), *аптекарьша*, *вице-губернаторша*, *камергерша*, *командирша*, *комендантша*, *офицерша*, *помпадурша*, *председательша*, *сенаторша*⁷. Три слова с этим суффиксом (*музыкантша*, *опекунша*, *учительша*) уже в XIX в. допускали интерпретацию – «женщина, занимающаяся определенной деятельностью». В связи с эмансипацией женщин в XX в. именно последняя интерпретация стала основной, ср. *бандерша*, *библиотекарьша*, *билетерша*, *бухгалтерша*, *вахтерша*, *гримерша*, *дикторша*, *директорша*, *докторша*, *кассиерша*, *кастелянша*, *киоскерша*, *кондукторша*, *контролерша*, *лифтерша*, *маникюрша*, *парикмахерша*, *партнерша*, *редакторша*, *секретарша*, *стриптизерша*.

Совершенно неожиданным образом высокие значения S обнаружили у слов с *-нибудь*:

	S	XIX	НКХЛ	НК	НКУР
<i>что-нибудь</i>	61	39	22	14	51
<i>какой-нибудь</i>	51	44	23	16	38
<i>как-нибудь</i>	36	9	4	2	11
<i>кто-нибудь</i>	21	16	12	8	15
все слова с <i>-нибудь</i>		126	76	49	120

Для прозы в высшей степени характерны слова, так или иначе связанные с речью. Многие из них мало меняют свою частоту на протяжении последних двух веков, ср. *спросить*, *-ашивать* (75), *сказать* (58), *шепот*, *-нуть*, *-тать* (55), *голос* (43), *произнести* (42), *крикнуть* (39), *повторить*, *-ять* (36), *отозваться* (34), *молча* (30), *молчать* (30), *кричать* (29), *закричать* (24), *крик* (24), *прошептать* (24), *замолкнуть* (22), *позвать* (22), *болтать*, *болтовня* (21), *разговор* (21), *бас*, *басистый*, *взвизг*, *-ивать*, *визг*, *визжать*, *возглас*, *возопить*, *возражать*, *воплъ*, *вслух*, *выговаривать*, *голосок*, *громко*, *замолчать*, *звонкий*, *-о*, *кликать*, *крякнуть*, *лепет*, *нараспев*, *осведомиться*, *-ляться*, *отрывисто*, *-ый*, *поддакнуть*, *-ивать*, *помолчать*, *прер(ы)вать*, *приговаривать*, *прокричать*, *промычать*.

Но довольно велико число слов, у которых зафиксировано сокращение частот: **прибавить**, **-лять** (140:12), **говорить** (136:2), **проговорить** (131:5), **молвить** (90:18), **воскликнуть**, **-цать**, **-ние** (96:2,5), **промолвить** (82:18), **заметить**, **-чать**, **-чание** (67:1,5), **продолжать** (63:2), **толковать** (63:7), **заговорить** (57:2), **возразить** (56:2), **просить** (55:2), **вскрикнуть**, **-ивать** (53:2,5), **вскричать** (52:5), **вымолвить** (49:8), **обратиться**, **-щаться** (46:3), **перебить**, **-вать** (47:2), **подхватить** (39:2), **выговорить** (38:3), **докончить**, **доканчивать** (34:7), **вполголоса** (31:3), **молчание** (31:2), **расспросить**, **-ашивать** (30:2), **кликнуть** (27:4), **упросить**, **-ашивать** (27:2), **переговорить** (26:4), **примолвить** (23), **присовокупить**, **-лять** (23), **молить** (21:3), **покрикивать** (21:1,5), **перервать** (20), **заговаривать** (19:2,5), **договорить**, **-ивать** (18:1,5), **умолять** (26:1,8), **безмолвно**, **-ый** (17:1,7), **говаривать** (17:3), **звучный** (16:3), **(за)лепетать** (16:2), **ворчать** (15:1,5), **расспросы** (15:2), **протяжно** (14:2), **вопросить**, **-шать** (12:1,8), **заклчить** (12:3), **ввернуть** (11:1,7), **возвестить**, **-щать** (11:1,5), **вопить** (11:2), **разговориться** (11), **наговорить** (10:1,5), **объявить** (10:2), **возглашать**, **возговорить**, **помалчивать**. Таким образом, постепенно уходит мода на протяженные реплики персонажей и ремарки к ним.

Из внешних факторов, влиявших на частоту слов в прозе, самым важным оказался крах иерархического (сословного) общества. С этим фактором ассоциированы следующие группы слов:

господин, **-жа** (131:2), **барин** (122:24), **барыня** (95:26), **барский** (42:8), **господский** (40:7), **пан** (33:2,5), **боярин** (27:2), **боярыня** (23:4), **барчонок** (16), **барынька** (15), **барчук** (11:4), **барич** (10), **барство** (6:1,5);

барышня (68:6), **дама** (59:2,5), **боярышня** (13:3);

князь, **-гиня**, **-жна**, **-ский** (146:4), **граф**, **-иня**, **-ский** (141:8), **дворянин**, **-ка**, **-ский**, **-ство** (91:6), **сиятельство** (71:14), **барон**, **-есса** (47:3,6), **царь**, **-ица** (25:2,5), **сановник** (21:2), **маркиз** (20:3), **знатный** (18:3,5), **великосветский** (18:3), **вельможа** (18:5), **светский** (17:4,5), **аристократ**, **-ический** (14:4), **владыка** (12:2,5), **виконт** (10:5), **придворный** (10:3,5), **почести** (10:3), **свита** (8:1,8);

купец, **-чиха**, **-ство**, **-ский**, **-чик**, **-цкий**, **-чина** (124:11), **приказчик** (70:10), **лавка** (40:2), **барыш** (28:5), **лавочник** (14:2), **сословие** (13:5), **барышник** (10:3), **гильдия** (4:7);

мещанин, **-ка**, **-ский** (47:1,7);

имение (70:15), **помещик** (68:16), **усадьба** (17:3)

Практически исчезла вся лексика, описывающая социальную структуру дворянского дома: **лакей** (92:20), **горничная** (61:10), слу-

га (41:4,5), **дворя** (40:13), **кухарка** (40:9), **прислуга** (40:5,5), **дворовый** (38:6), **гувернантка** (37:7), **камердинер** (37:3), **дворецкий** (29:3), **дворник** (28:3), **ключница** (27:13), **гувернер** (23:6), **швейцар** (21:3), **холоп** (19:2,5), **повар** (18:2,5), **приживалка** (18:3,5), **служанка** (18:4), **экономка** (18:3), **буфетчик** (16:4), **компаньонка** (15:6), **бонна** (6:1,5).

Не только субъекты социальных отношений внутри такого дома, но и сами эти отношения должны быть выражены лексически – глаголами, отглагольными именами: **приказание**, **-ать**, **-ывать** (82:2), **велеть** (79:3), **изволить** (72:13), **пода(ва)ть** (71:3), **ступай** (64:3,5), **пос(ы)лать** (56:2), **благодетель**, **-ница** (53:8), **жалованье** (49:8), **покорно**, **-ейше**, **-ший**, **-ность**, **-ный** (44:2), **покориться**, **-яться** (32:3), **позволить**, **-ение**, **-ительно** (30:2), **доложить** (28:2), **благодее** (22:4), **дозволение**, **-ить**, **-ять** (22:3), **изъявить**, **-лять** (22:2), **повиноваться**, **-ение** (22:2), **жаловать** (20:3), **заискивать** (19:2), **повелительно**, **-ый** (18:2), **высечь** (16:3), **смиранный**, **-о**, **-ие** (15:2,5), **призреть** (14), **донести**, **донос** (13:1,8), **протекция** (12), **забитый** (6:2).

Среди выражений вежливости только **пожалуйста** (20), **извинить** (19), **пожать** (11) и **бесцеремонный**, **-о**, **-ость** (11) употребляются так же часто, как и раньше. Падение частоты **благодарить** (и его производных **благодарный** и **благодарность** компенсируется ростом частоты **спасибо**.

Все остальные слова показывают падение частоты: **-с** (частица) (141:47)⁸, **сударь**, **-ыня** (113:13), **кланяться** (66:7), **поклониться**, **поклон** (83:4), **любезный**, **-ость**, **-о** (65:4), **почтенный**, **-ейший** (59:4,5), **хозяин**, **-йка**, **-ин**, **-юшка** (83:1,5), **милостивый** (57:8), **гость**, **-ья**, **(по)гостить** (51:1,8), **видаться** (49:49), **удовно** (44:5), **почтительно**, **-ый**, **-ость** (40:3), **застать**, **-вать** (40:2,5), **дерзость**, **-ко**, **-кий** (37:2,5), **раскланяться**, **-иваться** (37:3), **приличие**, **-но** (32:2,5), **заежать**, **-зжать** (28:2), **почтение** (22:3), **уважать**, **-ить**, **-ение** (33:2), **развязно**, **-ый**, **-ость** (27:1,7), **учтивость**, **-о**, **-ый** (25:2), **угождать**, **-ение** (21:3), **здравствуй** (17:1,5), **грубить**, **-ость** (17:2), **фамильярно**, **-ость**, **-ый** (16:1,6), **расшарк(ив)аться** (16), **удостои(ва)ть** (15:5), **обхождение** (12:2,5), **деликатность** (10:2), **джентльмен** (10:1,7), **шаркнуть** (10:2), **журфикс** (5), **манеры** (5:1,6)⁹.

Частное следствие административных реформ и революций – почти полная замена бюрократической терминологии: **превосходительство** (94:15), **губерния**, **-ский** (84:20), **исправник** (67:67), **становой** (58), **благородие** (50:7), **писарь** (42:7), **столоничальник** (38:20), **полицмейстер** (38:14), **чиновник** (37:9), **уезд** (34:14), **городничий** (34:8), **почтмейстер** (32:18), **казначей** (31), **стряпчий** (31), **чин** (30:3,5), **подьячий** (30), **градоначальник** (27:7), **канцеля-**

рия (27:3), **статский** (26:9), **городовой** (26:4), **земский**, -ство (25:2), **казенный** (25:2,5), **полицья**, -ейский (25:2), **коллежский** (24:6), **сотский** (24), **будочник** (22:3), **советник** (22:4,5), **губернатор** (21:6,5), **волость** (21:2), **предводитель** (21:14), **конторищик** (20:9), **жандарм** (20:2,5), **титularный** (20:8), **надворный** (18:4,5), **сенат**, -ор (15:7), **высокопревосходительство** (15:3), **вице-губернатор** (14:15), **прошение** (14:4), **урядник** (13:2), **эзекутор** (12), **заседатель** (9:8), **сезжая** (7).

Это же касается армии: **благородие** (50:7), **генерал** (34:8), **офицер** (30:1,7), **драгун** (20:9), **корнет** (17:3), **гусар** (6:6) – и денежной системы: **серебро** (57:3,5), **целковый** (54:23), **ассигнация** (40:7), **деньги** (30:1,5), **двугривенный** (26:14), **грош** (24:3), **копейка** (24:2), **полтина** (23:7), **(за)платить** (20:2), **полтинник** (11:2), **кредитка** (9:2), **полушка** (6:2), **чистоган** (5:2), **семитка** (5), **семик** (4).

Четыре слова, когда-то социально окрашенные, потеряли эту окраску. При этом **баба** (41) сохраняет свою частоту, остальные слова демонстрируют сокращение частоты: **мужик**, -чок, -цкий, -чье, -чонка (74:1,6), **девка** (67:2,5), **девушка** (23:2,5).

Реформа 1861 г., урбанизация России в XX в. естественно приводят к сокращению частоты слов, ассоциируемых с деревней: **изба** (54:2,5), **крестьянин**, -ка, -ский (49:4), **деревня**, -енский (37:1,7), **оброк** (27), **мельница**, -ик (22:3), **плетень** (21:2,5), **гумно** (20:3), **крепостной** (19:1,5), **барицина** (18:7), **бурмистр** (18), **овин** (18:4), **соха** (16:2,5), **луг** (16:1,8), **рожь**, **ржаной** (16:3), **скот**, -ный (14:1,7), **надел** (14), **озимь** (14), **околица** (13:2), **амбар** (13:2), **сноп** (13:2), **полати** (12:4), **батрак**, -чка, -цкий (12:2), **выгон** (10:1,5), **село** (8:2), **покос** (7).

Самый мощный фактор в идеологической сфере – отход от религии. Десятки слов показали падение частоты: **Бог** (68:2,5), **дьякон** (68:15), **(по)молиться**, **молебен**, **молитва** (65:4), **дьячок** (62:28), **игуменья**, **игумен** (52:4), **обедня** (50:11), **бурса** (49), **поп** (42:3), **перекрестить(ся)** (42:3), **келья**, **-ейный**, **-ица** (46:8), **богомолец**, **-лье**, **-ный**, **-ка** (39:5), **грех**, -шно, -шный (35:2), **скит**, -ский (45:8), **обитель** (38:16), **помолиться** (13:9), **протопоп** (34:8), **архиерей** (32:20), **благословить(ся)**, **-ение**, **-лять** (45:7), **господень** (32:10), **благочинный**, **-ие** (30:9), **священник** (29:4), **попадья** (28:8), **благочестивый**, **-ие** (27:3,5), **именины** (23:5,5), **певчий** (23:2,5), **моленая** (22), **риза** (22:10), **антихрист**, -ов (21:2), **набожно** (20), **святки** (20:4), **странник**, -ца (20:2,5), **паперть** (19:2), **заутреня** (18:6), **клирос** (18:3), **лампада**, -ка (29:3), **образок** (18), **патер** (18:7), **говеть** (17), **киот** (17:3,5), **псалтырь** (17:4,5), **часовня** (17:5), **чернец** (17), **аналой** (16:3), **божий** (16:4), **попик** (16), **усташик**, -ца (22), **всенощная** (15:2,5), **монастырь** (15:3,5), **пономарь** (15:3,5), **просфора** (15:6), **ве**

черня (14:2), просвирня (14), благовест, -ить (13:3,5), причетник (13), ряса (13:3), Господь (12:2), колокол (12:2,5), крест (12:1,5), ладан (12:3,5), инок, -чество (21:2), причт (11:2,5), колокольная (10:2), монах (10:2), пустынный (10:2), **Богородица** (9:5), ксендз (9:1,5), провидение (8:3,5), клобук (8:2), **житие** (7:15), икона (7:2,5), мясоед (5)¹⁰.

Ясно, что технический прогресс кардинально меняет условия существования человека и это не может не сказываться на частотах слов. Появление электричества снижало частоту слов *свеч(к)а* (40:2), *лучина* (16:1,8), но, пожалуй, самым ярким примером группы слов, испытавших влияние технического фактора, могут служить слово *лошадь* и его ассоциаты (более 60 слов). Лишь два слова *конь* (18) и *хлестать* (19) сохраняют частоту XIX в. Остальные – сокращали свою частоту, иногда очень значительно: *лошадь* (96:3,3), ***кучер*** (72:12), ***ямщик***, ***ямской*** (69:12), ***каре́та*** (66:7), ***извозчик***, ***-чий*** (59:6), ***тарантас*** (46:17), ***дрожки*** (44:16), *лошад(е)нка* (39:2), ***верхом*** (36:5), *сани* (34:3), ***воз***, ***-ок*** (34:5), *экипаж* (31:2,7), *коляска* (30:2,4), ***кибитка*** (29:8), ***козлы*** (29:8), *телега* (29:2), *(по)скакать* (34:2), *запрячь*, *-гать*, *-женный* (23:3), *повозка* (22:3), *возжа* (21:2,5), *колокольчик* (21:2,4), *седок* (21:3), *отпрячь* (20), *дилижанс* (19:4,5), *обоз* (19:3), *овес* (19:3), *рысак* (19:3), ***облучок*** (18:8), *рысь*, *рысца* (18:2), *форе́йтор* (18), *четверня* (18), ***дроги*** (17:7), *пристяжная* (17), *проезжий* (17:4), *вороной* (15:2), *кнут* (15:2), *нагайка* (15:2,5), *тройка* (15:2,5), *бричка* (14:2), *верховой* (14:5), *плеть* (14:2), *прискакать* (14:2), *бубенчик* (13:2), *кляча* (12:1,6), *омнибус* (12), ***подорожная*** (12:5), *задок* (11:2,5), *подвода* (11:1,7), *проскакать* (11:2), *ускакать* (11:1,7), *запятки* (11), *вскачь* (10:2), *пошевни* (10), *сивка* (10:4), *тпру* (10), *стегать* (9:2), *пролетка* (9:1,5), *конюшня* (8:1,6), *постромки* (8:1,5), *цуг* (8), *шля* (8), *дровни* (7:1,5), *рыдван* (7), *конюх* (6), *коренник* (6), *грива* (4).

Описание персонажей в прозе обязательно требует упоминания одежды. Некоторые слова этой сферы мало меняли свою частоту на протяжении ста лет: *белье*, *воротник*, *корсет*, *кушак*, *перчатка*, *пальто*, *полушубок*, *пуговица*, *рубаха*, *рубашка*, *рукав*, *сапог*, *тулуп*, *фуражка*, *халат*, *шаровары*, *шинель*. Но в одежде, как в никакой другой сфере, торжествует мода, а значит, мобильность лексики здесь максимальна.

Вот несколько примеров роста частоты слов:

	XIX	НКХЛ		XIX	НКХЛ		XIX	НКХЛ
юбка	2	5	пиджак	1	7	плащ	1	6
штаны	2	6	куртка	1	8	гимнастерка	—	3
туфли	1	4	кепка	—	2	ботинки	1	7
ворот	1	4	трусы	—	3	джинсы	—	3
брюки	1	7						

Само собой разумеется, слов, сокращающих свою частоту, намного больше:

сюртук, -чок (66:11), **одетый** (43:3), **мундир, -ный** (43:2,5), **кафтан** (40:6), **фрак** (40:9), **шляпа** (40:2,2), **панталоны** (34:6), **виц-мундир** (30), **картуз** (29:3,5), **шапка** (29:1,5), **жилет** (24:5), **ливеря, -йный** (23:4), **чуйка** (23), **шитый** (23:6), **армяк** (20:5), **пола** (29:2,5), **сибирка** (20), **одежда** (19:5), **зипун** (18:4,5), **шуба** (18:1,7), **свитка** (17), **поддевка** (16:3,5), **баширек** (15:2), **кивер** (14), **казакин** (13), **перстень** (13:2), **фалда** (13:2,5), **манишка** (12:3), **позумент** (12), **шлагфрок** (12), **камилавка** (11), **онучи** (11), **венгерка** (10:4), **галун** (10:2,5), **длинно-польный** (10:5), **обутый** (10:1,5), **подпоясанный** (10:1,8), **покрой** (10:3), **рубашка** (10:2,5), **бешикет** (9), **ермолка** (9:2), **бекеши** (8:3);

чепец, -чик (43:6), **платье** (39:2), **платок** (35:1,5), **сало́н** (30), **кисей, -йный** (29:9), **мантилья** (26), **бурнус** (20), **кружево** (13:1,7), **чулок** (13:1,5), **шляпка** (13:1,8), **вуаль** (12:1,6), **понева** (12), **шаль** (12:1,8), **кацавейка** (11:5), **сарафан** (11:2), **кринолин** (10:2,5), **креп, -овый** (9:2,5), **жакетка** (8), **капор** (8), **шушун** (5);

сукно, -онный (27:2,5), **шелковый** (23:1,8), **нанковый** (20), **ситцевый** (20:3), **плисовый** (15), **батистовый** (14:3,5), **бархат, -ный** (16:2), **сафьянный** (12), **камлотовый** (10), **атласный** (9:2), **фуляр, -овый** (9), **фризовый** (5);

щеголь, -ской, -ски, -ять (36:2,5), **франт** (23:4,5), **причесанный** (20:10), **щеголевато, -ый** (15:2), **разряженный** (14), **завитой** (10:3), **напомаженный** (10), **нарумяненный** (10), **разодетый** (10:2,5), **наряд** (9:1,5).

Последняя группа являет собой редкий пример постепенно угасания определенного смысла в языке прозы.

Создается впечатление, что разнообразие обозначений одежды в прозе XIX в. объясняется социально-семиотической функцией самой одежды. В XX в. эта функция сведена к минимуму.

Если обозначения одежды в прозе отличаются известной подвижностью, собственно портрет персонажа обходится постоянным репертуаром¹¹. Видны высокие значения S, но различия в частоте невелики: **рука** (64), **глаза** (50), **лицо** (34), **грудь** (20), **брови** (17), **волосы** (15), **седой** (15), **шея** (15), **лоб** (12), **губы** (11), **колени** (11), **щека** (11), **брюнет, -ка** (12), **нога** (9), **рожа** (9), **усы** (9), **брюхо** (8), **ухо** (8), **нос** (7).

У нескольких слов наблюдается значительное сокращение частоты – **наружность** (53:15), **физиономия** (26:2), **борода** (23:1,5), **коса** (23:1,8), **курчавый** (15:2), **сложенный** (14:2,5), **бакенбарды** (10:2), **русый** (9:1,8), **стан** (8:3), **смоль** (8:1,5), **локон** (7:2), **рябой** (7:1,5), **кудри** (6:1,5). (О долгосрочной архаизации **уст** и **очей** см. выше – с. 115.) С портретом связаны также прилагательные **бледный** (42:2), **белокурый** (24:3), **впалый** (10).

Диалоги и действия персонажей чаще всего происходят в замкнутом пространстве дома (комнаты). Небольшой набор обозначений обстановки остается стабильным, как стабильными остаются слова «сидения и стояния»: *дверь* (48), *двор* (38), *терраса* (38), *скамья* (35), *дом* (21), *окно* (20), *стул* (18), *стол* (15), *кресло* (13), *калитка* (12), *хоромы* (11), *печь* (7), *настежь* (5); *стоять* (63), *сесть*, *садиться* (61), *сидеть* (32), *вста(ва)ть* (30), *усесться* (18), *приподняться* (15), *лечь* (12), *привстать* (10); *ковер* (6), *лестница* (6). Частота слова *прихожая* (43) увеличилась в два раза, слова *стекло* (20) – в три раза, а слова *этаж* (20), – даже в 4 раза.

Конечно много слов этой сферы сократили свою частоту:

гостиная (74:3,5), *комната* (64:1,5), *горница* (55:4,5), ***передняя*** (53:7), *сени* (43:3,5), *диван* (35:1,5), *лакейская* (23), *ставня* (21:4), ***горенка*** (18:6), *светлица* (18), *будуар* (16:2,5), *сундук* (16:1,5), *чулан* (16:3), *светелка* (15:3,5), *комнатка* (14:1,6), *опочивальня* (14:3), *диванная* (13), *притолока* (13:2), *каморка* (12:2), *лежанка* (12:1,7), *комод* (11:2), *шкапчик* (10), *спальня* (9:1,5), *погреб* (9:2,5), *камин* (9:1,5), *ложе* (7:1,5);

крыльцо, *-ечко* (46:1,7), ***флигель*** (36:7), *ворота* (32:1,8), *мезонин* (13:2);

сад (17:2), *беседка* (16:2,5), *аллея* (14:1,5);

отворить, -ять (68:5), *отвориться, -яться* (33:4,5), *отпереть, -пирать* (28:2), *затворить, -ять* (19:3,5), *притворить* (13:1,5), *притвориться* (13:2,5), *затвориться* (11:2), *растворенный* (10);

привскочить (10);

выйти, -ходить (53:1,5), *войти, входить* (51:1,8), *вбежать, -гать* (23:2).

Довольно стабильной остается постоянная лексика сферы еды и питья: *угостить, -щать* (15), *пить* (14), *выпить* (12), *напоить* (12), *(съ)есть* (10), *сытый* (9), *голодный* (6); *хлеб* (18), *крекель* (7); *рюмка* (18), *чашка* (15), *графин, -чик* (10), *поднос* (9), *стакан* (7), *чарка* (7), *наливать* (6); *винцо* (27), *вино* (20), *шампанское* (10), *водка* (8); *напиться* (14), *опохмелиться* (11), *попойка* (7), *телятина* (4). Возросла частота слов *картошка* (с 0,3 до 7) и *пиво* (с 3 до 8).

Более 50 слов сократили свою частоту:

обед, -ать (89:3), *(по)потчевать* (30:4), *(по)кушать* (29:2), *закусить* (18:1,7), *ужин, -ать* (25:1,6), *выкушать* (16), *откушать* (13:2,5), *съестной* (12:1,8), *досыта* (11:1,5), *отобедать* (11:1,5), *угощение* (11:2), *пир* (10:3), *пообедать* (10:1,5);

кушанье (31:4,5), *провизия* (22:4), *щи* (21:2), *калач* (16:2), *пирог* (15:2), *закуска* (12:1,5), *сайка* (11), *солонина* (11:4), *селянка* (11), ***говядина*** (10:7), *кулебяка* (10:2), *тюрю* (10), *ботвинья* (9), *булка*

(9:1,5), ветчина (7:2), пряник (7:1,5), сливки (6:2,5), сбитень (5);
самовар, -чик (46:4), полистоф (25), **штоф** (20:5), залпом (18:4,5),
косушка (17), питейный (16:2), испить (11:1,8), **хмель** (11:7), хмель-
ной (10:2);

чай, -ек (40:1,5), квас, -ок (26:4), **мадера** (21:5,5), питье (21:1,5),
наливка (19:3,5), ром (18:3,5), пунш (19:4), херес (14:2), лафит (12),
чихирь (12), брага (11:1,5), водочка (10:2,5), жженка (8), малага (6),
гроз (5);

пьяный, -ица, -ство, -вать (37:1,5), кутить, -еж, -ила (25:2,5).

Постоянно обновляется лексика заведений «общественного пита-
ния»: **трактир** (50:8), **кабак, -чок** (49:6), **постоялый двор** (38:6),
половой (сущ.) (28:6), **шинок** (16), **кельнер** (11:4), **харчевня** (11:1,8),
кондитерская (11:1,5), **кухмистерская** (10), **распивочная** (6). В НКХЛ
этой группе соответствуют *кафе, официант, ресторан, столовая*.

Рассмотренные до сих пор группы слов хорошо соотносены с
внешней действительностью. Намного труднее нащупать есте-
ственные группы слов, соотношенные с психологией. Этот компо-
нент семантики прозы, очень важный в XIX в., несколько теряет
свою значимость в XX в.

Свидетелями такой тенденции выступают следующие группы
слов:

общие обозначения чувств: *сердце* (62:2), *душа* (43:1,6), *чувство*
(34:1,8), *волнение* (31:2), *дух* (18:2);

междометия: *ах* (105:3), *о* (51:2), *господи* (43:2), *ох* (33:1,7);

физическое выражение эмоций: *(по)краснеть* (56:2), *(по)блед-
неть* (44:2,5), *выражение, -жаться, -зиться* (41:2), *(за)дрожать*
(41:1,5), *вспыхнуть* (25:1,7), *вздых* (27:1,5), *выказать* (24:2,5), *всплес-
нуть* (12:1,5);

восторг: *весело, -ый, -ость, -ье* (100:1,8), *рад* (56:2,5), *удоволь-
ствие* (29:1,7), *наслаждение* (22:2), *восторг* (14:1,5), *блаженство*
(11:4,5);

любовь: *любить, -овь* (88:2), *(по)целовать(ся), поцелуй* (75:2),
страсть, -ный, -о (45:2,5), *влюблен* (39:4,5), *ласка, -ть* (37:3), *пре-
лестный, -но, -ть* (36:2,5), *грация, -озный, -о* (24:2), *ревность, -овать,
-ивый* (21:1,7), *красавица* (20:1,5), *привязанность, -аться* (20:2,5),
пригожий (14:2), *изящный, -о* (11:1,8);

ласковое обращение: *милый, -о* (71:2), ***голубчик*** (56:5), ***душень-
ка, -чка, -ка*** (54:6), *голубка, -ушка* (40:3), *ласково, -ый* (38:1,6), *ан-
гел* (17:2);

скука: *скука, -чно, -ый* (55:2,5), *хандра, -ить* (21:2,5);

горе: *слеза* (60:2), *горе* (50:3), *грустно, -ый, -ить, -ь* (41:1,8),

(за)рыдать, -ние (41:2,5), несчастье (33:3), зали(ва)ться (23:2), беда (20:2), **горесть** (17:5), огорчить, -ать, -ение (17:2), кручина, -иться (15), скорбь, -еть (10:2,5);

ярость: злоба, -но, -ый (40:2), озлобленный, -о, -ие (33:3), гнев, -ать-ся (21:1,6), иступление, -ный (26:2), неистово, -ый, -ость (15:1,5), бешенство (8:2);

брань: **брань, -ить(ся)** (46:5), подлец (40:3), **каналья** (33:10), злодей, -ка (33:3,5), дрянь, -нной, -нно (29:2), **окаянный** (23:3), мерзавец (20:2), **бестия** (17:3), обругать (16:2,5), изверг (13:1,5), **ракаля** (6)¹²;

удивление: изумление, -ный, -иться (33:2), **поразить** (28:24), удивление (25:3);

стыд: **срам, -ить(ся), -ота** (46:5), **стыд**, -иться, -но, -ливый, -ость (44:1,6), **совестно** (42:6), **совесть** (16:1,6);

спонтанность: невольно, -ый (54:4), **бессознательно** (22:5), **на-рочно** (52:3), **нечаянно** (18:2).

Из самых общих категорий социальной психологии особого упоминания заслуживает понятие чести: **благородный**, -о, -ейший, -ство (60:2,5), **честный** (28:2), **честь** (21:2), **подлый**, -о, -ость (27:1,5), **бесчестный**, -о, -ие (25:3,5), **великодушный**, -о, -ие (27:2,5), **дуэль** (16:2,5).

Некоторые группы слов играли важную роль в построении сюжета в прозе XIX в.:

приехать, **приезд** (50:2), **уехать** (33:1,5), **разлука** (11:2);

письмо (41:2), **запис(оч)ка** (23:2);

больной (56:1,8), **нездоров**, -иться (33:3), **припадок** (26:3,5), (за)хво-
рять, -ый, -ость (24:2,5), **чахотка**, -очный (24:2,5), **поправиться**,
-ляться (17:2,5), **горячка** (16:2), **падучая** (12), **занемочь** (10:2,5), **лихо-
радка** (9:3,5), **выздороветь** (9:1,5);

женить(ся), -ба (67:2,4), **жених** (52:3), **невеста** (45:3), **приданое**
(38:9), **вдова**, -ушка, -ица, -ый (37:3), **сват**, -ать(ся), -овство (35:2), **за-
муж**, -ем, -ество, -ний (30:2), **свадьба** (21:1,8), **венец**, (об)венчать(ся),
-ание (20:2,7), **холостой**, -як (19:2), **шафер** (15:5);

муж (78:1,6), **брат** (71:2), **отец** (52:1,5), **дочь** (48:2), **сестра** (32:1,6),
племянник (23:2), **дядюшка** (22:3), **свекор** (14:2), **зять**, -ек (14:1,5),
кузен (14:3), **невестка** (13:2), **мачеха** (8:2), **золовка** (8:2), **сноха** (5);
матушка (116:10), **маменька** (94:28), **тетушка** (61:6), **папенька**
(47:10), **тетенька** (46:10), **мамаша** (20:2), **папаша** (18:6), **батюшка**
(12:12).

Конечно, сокращение частот в последней группе слов связано не только с изменением принципов сюжетопостроения, но и с долгосрочными языковыми процессами в этом семантическом поле.

Среди слов, сокративших свою частоту в XX в., любопытна группа обозначения недостатков поведения, не вызывающих, однако, категорического осуждения: **плут, -овство, -ня, -оватый** (43:6), **шалить**, -ун, -ость (41:3), **шельма, -ец** (33:10), **мошенник** (30:9), **баловать**, -ство, -ник, -ца (20:2), **проказа**, -ник, -ца (16:2,5), **озорник**, -чать (15:2,5), **пострел** (14), **повеса** (13:3), **беспутный** (13:3).

Не становится ли сокращение частот каких-то слов сигналом грядущего исчезновения соответствующих смыслов из семантической системы языка? Такие подозрения могут возникнуть при первом же обращении к словам:

досада, -но, -овать (78:3,5),
робко, -ий, -еть, -ость (49:2),
кроткий, -о, -сть (58:4,5),
раскаяние, -(ива)ться (41:3),
кокетка, -ство, -ничать (29:2,5),
умиление, -енный, -о (27:3),
лукавый, -о (19:2,5),
рисоваться (17:5),
мот, **промотать** (26:3,5),
укор, -ять (21:2), **упрек**, -ать (22:2,5), **журить** (7:1,5),
смущенный, -ие, -тить(ся), -щать(ся) (58:2), **(с)конфузиться** (57:12), **потупить(ся)** (41:3). Впрочем, процесс этот может занять столетия.

Выявленные лексические маркеры XIX в. позволили нащупать главные факторы, обусловившие сокращение частот слов в XX в.: собственно лингвистические (долгосрочные) процессы устаревания слов, изменения внешней действительности, внутренние изменения в прозе, как в тематических пристрастиях, так и в структурных изменениях (например, в построении сюжета или в построении диалога).

Обнаружились и преграды на пути сравнения частотных словарей. Важнейшая из них обусловлена традиционным взглядом на грамматически определяемое слово как основную единицу лексики. Существующие частотные словари игнорируют сочетания слов. В словаре О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова мы не найдем, например, **друг друга**, частота этой единицы, по-видимому, вошла либо в **друг**, либо в **другой**. В нашем словаре XIX в. разведены три единицы; сравним их частоты:

	XIX	НКХЛ
друг	53	103
друг друга	19	
другой	229	153

Вот еще шесть подобных случаев.

	XIX	НКХЛ		XIX	НКХЛ
до свидания	3		в особенности	6	
свидание	8	6	особенность	1	3
в качестве	3		таким образом	11	
качество	4	8	образом	17	
в сущности	5		образ	16	21
сущность	2	5			
в течение	5				
течение	2	6			

Последний пример приводит нас к выводу о том, что жесткие правила лемматизации препятствуют выделению некоторых важных семантических единиц, ср.

	XIX	НКХЛ		XIX	НКХЛ
прости(те)	10		толк	5	3
простить	11	17	толки	3	
прощай(те)	17		убежден	4	
прощать	3	5	убежденный	1	2
ступай	13		согласен	9	
ступать	1	4	согласный	1	6

Только имея данные о частоте до свидания, *прощай* и *будь здоров*, можно будет судить о лексике расставания в русском языке.

Идеалом было бы создание частотных словарей, учитывающих как лексическую омонимию, так и полисемию¹³.

Подступом к этой грандиозной задаче было бы широкое включение словосочетаний, либо в виде отдельных лемм или как подстатьи к лемме. Примерами служат [абсолютные частоты!]:

761	водиться	383	походить (соверш.в.)
172	как водится	409	походить (на)
1450	давай	961	слабость
5376	давать	38	слабость к
48	давать знать	1276	слава
25	давать слово	12	худая слава
37	давай бог	93	на славу
14246	дать	1333	слава Богу
159	дать знать	367	сладко
137	дать слово	13	сладко спать
512	дай бог	764	следовать
20	дай боже	3012	следует (-овало)
344	бог // даст	706	как следует
33343	дело	480	не следует
231	дело идет (о)	1774	следующий
102	известное дело	1034	тайный
247	первое дело	36	тайное общество
174	странное дело	26	тайное свидание
247	по делам	122	тайный советник

251	на деле	65491	так
3188	в самом деле	7551	так и
200	на самом деле	3056	так же
288	по делу	4518	так как
1103	здоров	1059	так сказать
61	будь(те) здоров(ы)	4938	так что
844	здоровый		

По крайней мере, в электронной версии частотного словаря такую попытку семантизации можно было бы осуществить.

Примечания

- ¹ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материала национального корпуса русского языка). М., 2009. 1087 с.
- ² Shaikevich A. Contrastive and Comparable Corpora: Quantitative Aspects // International Journal of Corpus Linguistics. 2001. Vol. 6(2), P. 229-255.
- ³ Ранговый принцип этого раздела делает крайне затруднительным поиск нужного слова. Вообще, включение обширных ранговых списков в частотные словари объясняется лишь нелепой традицией, восходящей к эпохе малых словарей педагогической направленности.
- ⁴ Это скорее гипотеза, чем вывод. Следовало бы рассмотреть также НКХЛ на фоне XIX.
- ⁵ Экономия места, при отдельном слове в скобках будем указывать значение S, а затем после двоеточия иногда – соотношение $f_{XIX}/f_{НКХЛ}$. Так, для вышеприведенного *желать*, где $f_{XIX} = 43$, а $f_{НКХЛ} = 14$, наша запись будет выглядеть так: *желать* (67:3).
- ⁶ См.: Шайкевич А.Я. Лексическая динамика русской прозы XIX в. (Поколения прозаиков?) (в печати).
- ⁷ Аналогичная семантика и у слов с другими суффиксами – *чиновница* (19), *откупница* (18), *дьяконица* (16), *полковница* (14), *градоначальница*, *исправница*, *масонка*, *приказчица*, *протопопица*.
- ⁸ Частица -с осталась приметой XIX в., ее частота составляла 1 в 1820-е гг., в 1830-е гг. она возросла до 19, пика (97) достигла в 1860-е гг., к концу века падает до 33.
- ⁹ Перечисленные слова социальной сферы могут, конечно, сохраняться в исторических романах. Некоторый рост их частоты отмечается в конце XX в.

	XIX	1950-1969	1970-1989	1990-2007
господин	77	15	25	25
дама	31	6	11	15
князь	31	2	15	18
граф	38	3	3	6
дуэль	6	...	2	1

- ¹⁰ Слово *церковь* более чем в два раза сократило свою частоту в прозе, но остается частым в других жанрах НКРЯ. Реанимация религиозной жизни в постсоветской России отражается и в динамике частот в прозе:

Лексика русской прозы XIX в. на фоне национального корпуса русского языка

	<i>XIX</i>	<i>1950-1969</i>	<i>1970-1989</i>	<i>1990-2007</i>
Бог	110	30	45	49
Господь	10	2	4	6
церковь	21	5	6	9
грех	17	4	4	8
молитва	10	1	2	3
священник	11	1	1	4
Богородица	2	0,4	0,4	2

¹¹ Далеко не все обозначения частей тела и частей лица связаны с портретом, некоторые соотнесены с какими-то действиями персонажа, ср. *руки, глаза, грудь, колени, ноги, брюхо*.

¹² *Черт* (30), *проклятый* (18) и *негодяй* (18) не меняют свою частоту.

¹³ Напомним, что более полувека назад появился словарь Майкла Веста – первая попытка на материале двух тысяч частых слов учесть семантику в частотном словаре. (*West M. A General Service List of English Words. L., 1953*).

Дискуссии. Отклики

По материалам Круглого стола о проблеме происхождения языка

«Вестник РГГУ» публикует в этом выпуске часть материалов круглого стола «Неязыковые когнитивные способности и эволюция языка», который состоялся в Институте лингвистики РГГУ 4 апреля 2011 г. Происхождение человеческого языка – проблема, которая долгое время ввиду отсутствия каких-либо серьезных данных рассматривалась как вненаучная, сейчас представляет собой интенсивно развивающееся междисциплинарное направление, объединяющее специалистов в области эволюционной антропологии и археологии, коммуникации животных, нейрофизиологии, теории языка и других знаковых систем, в определенной мере – и сравнительно-исторического языкознания. На тему эволюции языка в последнее время опубликовано много монографий и сборников¹; очередная 9-я международная конференция по эволюции языка состоялась в марте 2012 г. в Киото². Из работ российских исследователей надо отметить монографии А.Н. Барулина, Ж.И. Резниковой, Е.Н. Панова и С.А. Бурлак³, из которых последняя наиболее широко охватывает нашу тему, а также серию публикаций, в том числе переводных, «Разумное поведение и язык» издательства «Языки славянских культур», предпринятую по инициативе А.Д. Кошелева⁴.

Как и на предыдущем круглом столе по вопросам происхождения языка, который был проведен в РГГУ в 2007 г., доклады и последующая дискуссия вызвали интерес у исследователей разных специальностей и собрали большую аудиторию. Ниже публикуются две статьи участников круглого стола.

В статье С.А. Бурлак вводится понятие комментирования – вид коммуникативных актов, которые имеют целью отразить непосредственно доступное наблюдению говорящего положение дел в мире, и предложена гипотеза, согласно которой возникновение комментирования могло быть той ступенью эволюции, которая обеспечила возникновение уникальных свойств человеческого языка.

Статья Е.Н. Панова посвящена критическому анализу часто обсуждаемых сходств между коммуникативными системами животных и человеческим языком. Автор на основе многолетнего опыта наблюдений приходит к выводу, что большая часть этих сходств

© Тестелец Я.Г., 2012

являются мнимыми, и это оставляет мало надежды проследить постепенную трансформацию коммуникативных систем животных в язык человека.

Я.Г. Тестелец

Примечания

- ¹ Приведем их неполный перечень: *Bickerton D.* Language and species. Chicago: Chicago University Press, 1990. 297 p.; *Ruhlen M.* On the origin of languages. Stanford: Stanford University Press, 1994. 356 p.; Approaches to the Evolution of Language / Eds. Hurford J., Studdert-Kennedy M., Knight C. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 447 p.; *Kirby S.* Function, selection and innateness: The emergence of language universals. Oxford: Oxford University Press, 1999. 156 p.; *Christiansen M.* Language Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2003. 416 p.; Language Evolution / Eds. Christiansen M., Kirby S. Oxford: Oxford University Press, 2003. 414 p.; *Johansson S.* Origins of Language: Constraints on Hypotheses. Philadelphia: John Benjamins, 2005. 346 p.; Language Origins: Perspectives on Evolution / Ed. Tallerman M. Oxford: Oxford University Press, 2005. 426 p.; *Tomasello M.* Origins of Human Communication. Cambridge: MIT Press, 2008. 394 p. *MacNeilage P.* The Origins of Speech. Oxford: Oxford University Press, 2008. 325 p. The Cradle of Language / Eds. Botha R., Knight C. Oxford: Oxford University Press, 2009. 320 p. *Fitch W.T.* The Evolution of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 611 p. The Oxford Handbook of Language Evolution / Eds. Tallerman M., Gibson K. 2012. 763 p.
- ² The 9th International Conference on the Evolution of Language (Evolang IX). URL: <http://kyoto.evolang.org>.
- ³ *Барулин А.Н.* Основания семиотики: знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. Базовые понятия. Эволюционная теория происхождения языка. М.: Спорт и культура-2000, 2002. 464 с. *Резникова Ж.И.* Интеллект и язык животных и человека: основы когнитивной этологии. М.: ИКЦ Академкнига. 2005. 518 с. *Панов Е.Н.* Знаки, символы, языки. М.: Тов-во науч. изд. КМК. 2005. 495 с. *Бурлак С.* Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 463 с.
- ⁴ *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны? М.: Языки славянских культур. 2006. 424 с. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. Кошелев А.Д., Черниговская Т.В. М.: Языки славянских культур, 2008. 416 с.; *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с. (перевод книги: *Tomasello M.* Op. cit.).

С.А. Бурлак

Человеческий язык как коммуникативная система-комментарий¹

Выдвигается гипотеза, что свойством, которое, появившись в ходе эволюции, определило потенциальную бесконечность языка, является подсознательное восприятие людьми языка как набора ярлыков, средства для комментирования того, что происходит в окружающем мире. То, что язык складывался как коммуникативная система, предназначенная для комментирования, предопределило, на наш взгляд, в том числе и переход от жестов к членораздельной звучащей речи.

Ключевые слова: происхождение языка, коммуникативная система, антропогенез, звучащая речь.

Человеческий язык обладает целым рядом уникальных свойств, отсутствующих в коммуникативных системах других видов и даже в языках-посредниках, которыми овладевали животные – участники языковых проектов. Один из наиболее недавних списков таких черт языка приводится в статье американских лингвистов С. Пинкера и Р. Джакендоффа², в него входят, в частности: очень хорошо отлаженный фонетический анализ – до 20–30 речевых звуков в секунду (неречевые звуки распознаются медленнее); системная организация звуков речи (например, в русском языке признаки «твердость-мягкость» и «звонкость-глухость» проходят практически через всю систему согласных); возможность образовывать слова при помощи аффиксов (суффиксов и т. п.); маркирование синтаксических отношений специальными словами или частями слов (например, в предложении «Кошка видит собаку» окончания *-а* и *-у* показывают, кто кого видит); «встроенная» в значение слов информация о том, с какими словами они могут или должны сочетаться; иерархические связи в синтаксисе; наличие семантических связей между словами. К этому можно добавить наличие в языке регистров и стилей, средств организации текста (как монологического, так и диалогического), возможность использовать не прямые выражения и т. д.

© Бурлак С.А., 2012

Нетрудно заметить, что такие свойства возможны (и необходимы) лишь в коммуникативной системе с огромным – принципиально открытым – количеством сигналов и потенциально бесконечным количеством возможных сообщений. Тем самым, бессмысленно пытаться найти в природе некий «редуцированный» аналог языка – коммуникативную систему, где знаков было бы немного, но при этом существовала бы грамматика, косвенные смыслы, средства связности текста и т. п.: при небольшом количестве знаков такие свойства просто не могут возникнуть (а кроме того, и не нужны). Следовательно, должно существовать свойство, которое, появившись в ходе эволюции, определило потенциальную бесконечность языка.

Таким свойством, с нашей точки зрения, является подсознательное восприятие людьми языка как набора ярлыков: слова – имена вещей, предложения – описания (именования) ситуаций. Если попросить сказать «какие-нибудь слова» на чужом языке, скорее всего будут названы существительные. При языковых контактах люди заимствуют слова из одного языка в другой – опять же, существительных среди заимствований существенно больше, чем глаголов, прилагательных и других частей речи. При зашумлении сигнала существительные распознать оказывается проще, чем глаголы³. «Знания» ассоциируются с существительными, поэтому в энциклопедии включаются существительные – но обычно не включаются глаголы (хотя, скажем, о действии «молотить» можно рассказать не меньше, чем о предмете «цеп»). Эксперименты по проверке того, как люди обращаются со словами, по большей части представляют собой операции с названием предметов.

Как отмечал А.Р. Лурия, дети гораздо раньше начинают осознавать в качестве слов существительные – имена вещей, чем слова, обозначающие действия или качества: «если предъявить ребенку 3–5 лет, уже овладевшему элементарным счетом, два изолированных слова, например *стол* – *стул*, и предложить ему сказать, сколько именно слов было предъявлено, он без труда ответит: “Два”. Однако если от конкретных существительных обратиться к глаголам или прилагательным, предложив ему сочетание слов *собака* – *бежит* или *лимон* – *кислый*, он окажется уже не в состоянии дать правильный ответ: “Конечно, здесь одно слово *собака* и *лимон*”»⁴.

Логик Уиллард Ван Орман Куайн⁵ придумал такую воображаемую ситуацию: лингвист, исследующий недавно открытое племя, видит, как бежит кролик, а один из туземцев, глядя на это, кричит: «Гавагай!». На каком основании лингвист догадывается, что слово *гавагай* означает именно «кролик», спрашивает Куайн. И действительно, как пишет С. Пинкер, «это может относиться к какому-то

определенному кролику (например, по кличке Флопси). Это может обозначать любое покрытое мехом существо, любое млекопитающее или любого представителя биологического вида зайцев (например, *Oryctolagus cuniculus*), или любого представителя данной подразновидности (например, шиншилловый кролик). Это слово может обозначать скачущего кролика, скачущее существо, кролика вместе с землей, по которой он скачет, или процесс скакания вообще. Это может означать “существо, оставляющее следы”, или “место обитания кроличьих блох”. Это может обозначать верхнюю половину кролика, кроличье мясо живьем или обладателя по крайней мере одной кроличьей ноги. Это может обозначать все, что угодно, от кролика до машины марки бьюик. Это может обозначать собрание неразъединенных частей кроличьей тушки или “Ого! Снова кроликообразность!” или “Крольчает” по аналогии со “Светает”»⁶. В этом пассаже насчитывается десятка полтора вариантов для идеи, что первое попавшееся слово *gavagai* так или иначе обозначает предмет, – и лишь два варианта, которые (не без некоторой натяжки) могут рассматриваться как глаголы. Между тем в реальной жизни проводить бегущего кролика репликой «Кролик!» туземец мог бы, пожалуй, лишь в том случае, если он либо был страшно удивлен появлением кролика (в такое время или в таком месте), либо решил обучить куайновского лингвиста своему языку. В другой ситуации ожидалось бы услышать от туземца скорее что-то вроде «Хватай!», или «Черт возьми!» (в смысле, что нет возможности этого кролика поймать), или «Ушел!», или «Глянь-ка!», или «Надо же!», или «Какой жирный!», или «Беги!» (подобно деду Мазаю, кричавшему зайцам «У-ух! Живей, зверишки!»), или что-то вроде «Чур меня!» (если пробежавший мимо кролик считается в этом племени дурной приметой). Но людям кажется, что язык – это, по умолчанию, имена вещей, и поэтому С. Пинкер убежден, что, «логически рассуждая, это должно значить “кролик”»⁷.

У человека отчетливо выражено представление о том, что все предметы имеют названия, а также желание (которое проявляется начиная с очень раннего возраста, нередко до овладения речью) эти названия узнавать – чтобы впоследствии использовать вместо предметов при мышлении. Свойство это, вероятно, присуще всем человеческим детям и является врожденным (или, может быть, легко формируется на базе врожденных предпосылок). Уже в первые месяцы жизни младенец, слыша, как мама (или другой взрослый) называет тот или иной предмет, дольше задерживает на нем свой взгляд.⁸

Для слов – имен вещей во всех человеческих культурах есть указательный жест. Ни для глаголов, ни для прилагательных, ни

для служебных частей речи ничего подобного нет. Тот факт, что у человека есть средство обратить внимание другого на объект, но нет всеобщего конвенционального средства обратить чье-то внимание на то или иное свойство объекта (скажем, на его цвет, запах или звук) или на его действия, свидетельствует, что именно объекты являются для нас самыми важными составляющими окружающей действительности. Соответственно, именно их имена и ощущаются как основная часть нашей коммуникативной системы.

О том, что предложения подсознательно считаются описаниями ситуаций, невольно свидетельствуют синтаксические теории. «Базовый порядок слов» – это такой, который будет использован при описании картинки. Например, в русском языке базовым считается такой порядок слов, когда подлежащее предшествует сказуемому, а прямое дополнение следует за ним: «Мальчик читает книгу». В реальном разговоре такой порядок встречается не слишком часто – но ощущению его «базовости» это обычно не мешает. Термин *эллипсис* означает, что предложение, реально встретившееся в речи, не является «полным» в сравнении с некоторым постулируемым идеалом – в нем «опущены» некоторые элементы. Например: «– Ты будешь кофе с молоком? – Буду.» (Вместо: «– Ты будешь пить кофе с молоком? – Да, я буду пить кофе с молоком.»)

Показательно, что все знаменитые синтаксические примеры – от «Фермер убил утенка» Э. Сэпира до «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» Н. Хомского – представляют собой именно предложения, являющиеся описаниями ситуаций. Синтаксисты не начинают свои теории с предложений типа «Надо же!», «Пошел вон!» или «Чур меня!» – такие высказывания рассматриваются как результаты трансформаций и эллипсиса.

Таким образом язык в восприятии его носителей оказывается в значительной степени средством для комментирования того, что происходит вокруг: в нем есть ярлыки для объектов (слова) и для ситуаций (предложения).

И действительно, людям свойственно комментировать происходящее вокруг – примерно так же, как спортивный комментатор комментирует футбольный матч («Пас Аршавину... Удар... Го-о-ол!»). Например, человек, подойдя к окну и увидев последствия ночной метели, восклицает: «Эк снегу-то навалило!» Пассажир метро, получив чувствительный толчок от пробежавшей мимо дамы, бросает ей вслед: «Какая корова!» Болельщик, смотрящий по телевизору футбол, бормочет себе под нос: «А вот это уже пенальти!» Водитель, выезжая на загроможденную машинами дорогу, произносит: «Ого! Да тут до самой Ленинградки пробка!» Такого рода речевые акты являются подмножеством репрезентативных иллокутивных актов (по

Дж. Серлю): они ориентированы от действительности к высказыванию, имеют целью отразить наличествующее и непосредственно доступное наблюдению говорящего положение дел в мире, предполагают наличие у говорящего соответствующего мнения (и обычно некоторых эмоций по данному поводу) и не имеют видимых ограничений на пропозициональное содержание. Ближе всего они стоят к квалификациям, но могут быть выделены в отдельный подкласс, поскольку часто произвольны (для их описания часто используют выражения «вырвалось у X», «не удержался X» и т.п.) и, вообще говоря, не предполагают обязательного наличия слушающего.

Комментарии появляются в детской речи достаточно рано: когда в конце первого – начале второго года жизни ребенок еще не умеет строить предложения и говорит однословными высказываниями, эти высказывания во многих случаях употребляются сначала как аккомпанемент действия (делаемого или воспринимаемого, как, скажем, звонок телефона), потом для выражения просьбы или желания, и лишь потом для именованного объекта. Например, слово *rockin* (от англ. *rocking chair* «кресло-качалка») ребенок произносит сперва в тех случаях, когда качается в кресле-качалке, потом – в качестве просьбы покачать его в кресле-качалке и лишь затем в качестве наименования соответствующего объекта; слово *play-play* возникает сначала как сопровождение собственной «игры» на пианино и только потом начинает употребляться в качестве названия пианино, и т.д.⁹ Комментарии составляют значительную долю всех высказываний детей и ощущаются ими как предназначенные не только самим себе, но в значительной степени и окружающим: по наблюдениям Л.С. Выготского, среди глухих или иностранцев дети играют почти молча.¹⁰

Впоследствии комментирование практически полностью переходит во внутреннюю речь.

Предпосылки к овладению такой системой коммуникации есть и у обезьян: как комментарии можно рассматривать тревожные крики верветок, пищевые крики шимпанзе и т.п.; спорадически отмечались комментарии у антропоидов – участников «языковых проектов»¹¹ и у попугая Алекса¹². Но у человека склонность к комментированию выражена гораздо сильнее – это значит, что эволюция человека сопровождалась развитием этой поведенческой особенности.

Почему же именно комментирование разумно считать фактором, обусловившим увеличение числа сигналов в репертуаре гоминид и в конечном итоге формирование коммуникативной системы с потенциально бесконечным количеством сигналов? С моей точки зрения, дело здесь в том, что язык представляет собой одну из со-

ставляющих адаптации к «когнитивной нише»¹³. Основная специализация приматов в природе – понимание причинно-следственных связей, умение строить поведенческие программы, исходя не из каких-то предзаданных шаблонов, а из представления о внутреннем устройстве наличной ситуации. Эта способность обеспечивается префронтальными формациями коры больших полушарий головного мозга. Судя по тому, что в гоминидной линии идет постоянное увеличение размеров (как абсолютных, так и относительных) префронтальной коры¹⁴, а также по тому, что у людей способность улавливать внутренние связи между событиями окружающей действительности и действовать на основе этого развита неизмеримо больше, чем у обезьян, можно заключить, что усиление способности понимать причинно-следственные связи и делать выводы занимало важное место в эволюции человека. Для того, чтобы делать выводы, необходима информация, которая могла бы послужить для них основанием. Эту информацию индивиду может поставлять как окружающая среда (например, запах льва информирует о близости этого хищника), так и его сородичи – безразлично, намеренно или невольно. В этих условиях особь, которая делала свои действия и наблюдения заметными для окружающих, становилась дополнительными глазами и ушами всей группы, давая сородичам больше пищи для выводов. Для гоминид такая склонность к групповой кооперации очень существенна, поскольку ни размеры тела, ни скорость передвижения не могли обеспечить им безопасность при одиночном образе жизни, особенно в открытых ландшафтах, и их репродуктивный успех зависел не столько от того, сколько детенышей была способна родить самка, сколько от того, многие ли из них оказывались в состоянии дожить до взрослого возраста, с тем чтобы получить возможность произвести потомство.

Эволюция человека в сильнейшей степени связана с вытеснением лесов саваннами.¹⁵ Судя по соотношению изотопов углерода в зубной эмали, у ардипитеков, живших 4,4 млн. лет назад, доля пищи, происходящей из открытых местностей, была больше, чем у шимпанзе (у которых почти 100% углерода имеет лесное происхождение), но меньше, чем у их потомков – австралопитеков (у которых доля «саванного» углерода составляла от 30 до 80%).¹⁶ Гоминиды, жившие 1200–800 тыс. лет назад, обитали в лесостепных ландшафтах разной степени мозаичности¹⁷, в период же 800–400 тыс. лет назад (в Африке) наши предки населяли «преимущественно травянистые лесостепи с разорванным пологом и обезлесенные степи»¹⁸. Условия поиска пищи в мозаичных ландшафтах совершенно не таковы, как во влажных тропических лесах, где обитали предки гоминид.¹⁹ Источники пищи существенно меняются в разные сезоны,

сами же сезоны имеют в разные годы неодинаковую длину — все это делает жизнь в саванне (и даже на границе с ней) существенно более разнообразной и непредсказуемой, чем жизнь в лесу.²⁰ Жизнь на границе более закрытого и более открытого ландшафта благоприятствует тому, чтобы особи, не забывая старых способов добычи пищи, поиска укрытий и т. п., осваивали новые. В этих условиях способность быстро формировать новые поведенческие программы и передавать их соплеменникам становится жизненно важна, и количество потенциально возможных для вида поведенческих программ растет. Еще более оно возрастает с появлением орудий — помимо навыков, позволяющих добыть пищу при помощи орудий, полезно помнить навыки, позволяющие добыть ее «голыми руками». Кроме того, полезно представлять себе, как эти орудия делаются, где добывается для них материал и т. д. Соответственно, все сложнее становится не только эффективно передавать сородичам эти программы, но даже просто ориентироваться в них, разбираться, когда какую осуществлять. Первую из задач еще можно решить средствами старой, довербальной, коммуникативной системы — действительно, когда один человек обучает другого манипуляциям с некоторым предметом (от вырезания кораблика из коры до завязывания шнурков), он использует минимум слов и минимум грамматики, дело обычно ограничивается репликами типа «Смотри!», «Делай, как я!», «Это — вот сюда», «Здесь чуть-чуть вот так» и т. п. И даже это, как показывают данные наблюдений за обезьянами²¹, в принципе не обязательно — можно обойтись вообще без слов. Но для того, чтобы определить, какую именно из богатого репертуара поведенческих программ следует выбрать в данном конкретном случае (и понять это по возможности быстро — пока ситуация не изменилась), полезно иметь ярлыки для разных ситуаций, соответствующие разным типам поведения. Такие ярлыки позволяют выбрать оптимальную поведенческую стратегию максимально оперативно — иногда даже до того, как релевантные элементы ситуации станут доступны непосредственному наблюдению особи. Так, верветка, слыша крик «орел», безошибочно определяет, что следует делать дальше. Но у наших предков возможных поведенческих программ, которыми необходимо было оперировать, было гораздо больше, чем у верветок, и, главное, их число все возрастало, и возрастало все быстрее. Соответственно, нужна была коммуникативная система, предоставляющая в распоряжение особей принципиально открытое количество возможных обозначений для любых элементов окружающей действительности, которые хотя бы потенциально могут оказаться релевантными. В этой ситуации появляется спрос в первую очередь на сигналы-комментарии: группа выигрывает,

если ее члены предоставляют друг другу больше возможностей для того, чтобы «понять», что происходит вокруг, и иметь возможность скорректировать в связи с этим собственное поведение.

Еще один фактор роста числа поведенческих моделей — переход к более активному употреблению мяса. Мясо стало важным источником энергии, и, следовательно, репертуар пищедобывательных стратегий расширился — независимо от того, какими конкретно способами это мясо добывалось (была ли это охота, поедание падали или же комбинация того и другого). При этом «не исключено, что изменение рациона и укрупнение мозга усиливали друг друга и способствовали развитию более сложного социального поведения, что вызывало дальнейшее совершенствование тактики пищевого поиска и диеты. А это, в свою очередь, благоприятствовало дальнейшей эволюции головного мозга»²². С одной стороны, увеличивающийся мозг дает возможность поддерживать более развитую коммуникативную систему, с другой — появляется способность принимать во внимание все большее и большее количество факторов внешней среды, все тоньше различать детали, позволяющие отличить одну ситуацию от другой, и на развитие коммуникативной системы-комментария возникает спрос. Еще более увеличивают количество существенных для жизни поведенческих моделей овладение огнем, построение жилищ, изготовление одежды (а затем и предметов не-утилитарного назначения — украшений и т. п.). Все это приводит к необходимости не только иметь в репертуаре большое количество сигналов-ярлыков, но и быть в состоянии при необходимости это число быстро увеличить, — тем самым возникает потребность в коммуникативной системе, приспособленной к тому, чтобы производить потенциально бесконечное количество возможных сообщений.

При этом, поскольку организмы с развитыми префронтальными отделами коры головного мозга способны делать выводы из нескольких посылок, комментарии не становились руководством к немедленному действию (как у верветок), а лишь служили подспорьем для собственных умозаключений каждой особи в отдельности. Именно этим объясняется способность людей по-разному реагировать на одно и то же сообщение. Реплики типа «Вы, вероятно, хотели сказать...?», «Вы имели в виду ...?», «Нет, наверно, не ..., а ...» свидетельствуют о том, что мы больше угадываем намерение говорящего, чем выводим его логически из сказанных им слов. Слова — лишь помощь для этого угадывания (а иногда и помеха), и именно поэтому люди склонны считать, что в любом высказывании помимо текста может быть подтекст (а возможно, даже специально зашифрованный дополнительный смысл), что два и более высказывания могут описывать в точности одну и ту же ситуацию (и быть

тем самым синонимическими преобразованиями друг друга). Более того, попытки слушателя не угадать, что имел в виду говорящий, а интерпретировать услышанное максимально буквально, могут расцениваться как невежливые.

Как пишет М. Томаселло²³, выучивание языка ребенком в сильнейшей степени обусловлено его способностью угадать коммуникативное намерение взрослого. Первые слова, появляющиеся в лексиконе малыша – это не только существительные – названия предметов и людей, но и другие слова, обнаруживающие четкую связь с хорошо заметной и легко понятной ситуацией, такие как *нет*, *дай*, *еще*, *мокро*, *холодный*, *хороший*, *там*, *пока* (прощание), англ. *hi* ('привет!'), *bye* ('пока!'), а также нерасчлененные фразы типа *let me see* (< англ. *let me see* 'покажи, дай посмотреть'). Единственное общее свойство всех этих языковых выражений – легкость угадывания соответствующего коммуникативного намерения. Чем проще соотнести тот или иной элемент языка с условиями его появления, тем быстрее этот элемент начинает устойчиво воспроизводиться в речи ребенка.

Взгляд на нашу коммуникацию как на угадывание позволяет объяснить некоторые «несовершенства» языка, например, то, что он не является оптимальным средством для точной передачи сообщений. Как пишет Ноам Хомский, «если вы хотите исключить взаимное непонимание, то конструкция языка для этой цели неудачна, поскольку существуют такие свойства, как неоднозначность. Если вы хотите, чтобы было такое свойство, чтобы то, что нам обычно нужно сказать, выходило коротко и просто, ну, что тут скажешь, наверное, в языке просто нет такого свойства»²⁴. Далее, язык содержит множество на первый взгляд лишней информации – в любом языке имеются, во-первых, элементы (они могут быть фонетическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими), которые в рамках высказывания могут быть заменены друг на друга без существенного изменения передаваемого смысла, а во-вторых, случаи дублирования информации (таковы несмыслоразличительные признаки фонем, согласующиеся окончания и т. п.). Как отмечал Р. Келлер²⁵, «в общении мы работаем с запасом». Кроме того, всякий язык имеет «ядро-периферическую структуру»: какой принцип ни возьми, непременно окажется, что большинство языковых элементов, для которых он релевантен, соответствуют ему, но вокруг них имеется некоторое количество таких единиц, для которых степень соответствия принципу постепенно убывает. Например, большинство звукотипов, которые используют с своей речи носители того или иного языка, являются либо фонемами, либо аллофонами фонем, но для некоторых звукотипов фонемный статус неясен; если

в языке есть спряжение глаголов, в нем найдутся глаголы, которые спрягаются особым образом, и т. п.

Казалось бы, естественный отбор должен был бы отбраковать все это и сформировать более совершенное средство коммуникации. Но если эффективность использования коммуникативной системы зависит от того, насколько слушающий сможет угадать коммуникативное намерение говорящего, то верхний предел количества «недостатков» в такой системе определяется как та грань, за которой слушающий теряет такую возможность. Соответственно, чем более слушающий умен, тем меньше строгости и четкости обязано быть в коммуникативной системе. Избыточность помогает слушающему: когда одна и та же информация выражена несколько раз, достаточно адекватно интерпретировать лишь часть ее, чтобы полностью восстановить тот смысл, который хотел передать говорящий. У тех видов, чьи когнитивные способности меньше, коммуникативная система должна либо быть предельно четкой (как система предупреждений об опасности у верветок), либо полагаться не на информирование, а на заражение эмоциями.

Разумеется, особи, наделенные «компетентным сознанием» («теорией ума»), не могли не использовать возможности новой коммуникативной системы в личных целях: если существует возможность скорректировать имеющийся у собеседника образ окружающей действительности, можно сделать это так, чтобы собеседник изменил свое поведение к выгоде подающего сигнал. Последнее может быть достигнуто различными способами – можно обратить внимание собеседника на что-либо, прямо побудить его к осуществлению тех или иных действий и даже обмануть – с тем, чтобы он, исходя из неверных представлений, совершил те или иные действия, выгодные говорящему. Наконец, можно альтруистически поделиться с сородичем информацией подобно тому, как можно поделиться пищей. Впоследствии именно функции, связанные с намеренной передачей информации, становятся для языка основными, а комментирование в значительной степени переходит, как и в онтогенезе, во внутреннюю речь (составляя основу одного из типов мышления).

Кроме того, такую коммуникативную систему можно использовать для создания хорошего мнения о себе и плохого о потенциальных конкурентах или просто недружественных особях (эта возможность, а также то, что хорошее владение языком обычно достаточно хорошо коррелирует с высоким общим уровнем умственных способностей, дает почву для идеи об особой роли полового отбора в становлении языка). При эффективном владении системой коммуникации можно с ее помощью управлять чувствами и поведением

окружающих и добиваться высокого социального статуса, дружеского расположения, признания и т. д.

Но, разумеется, правдивая информация о сородичах тоже передается с помощью языка. И это позволяет формировать общественное мнение, делать информацию о любом из членов группы (о его «моральном облике», поступках в тех или иных ситуациях, суждениях по тем или иным поводам) общим достоянием, создавая репутацию. Репутация становится инструментом регулирования отношений в социуме, что позволяет усложнять социальную структуру, организовывать взаимодействия между членами больших коллективов – больших, чем группировки обезьян – и надгрупповых объединений. А усложнение социальных отношений еще более увеличивает число поведенческих программ, в которых необходимо ориентироваться, и тем самым способствует дальнейшему развитию системы коммуникации.

Весьма вероятно, что первоначально основными носителями намеренно передаваемой сигнальной информации у гоминид, как и у современных приматов, были жесты – они подчинены волевому контролю и могут использоваться для создания неврожденных сигналов. Но для целей комментирования жесты подходят плохо. Действительно, если цель коммуникативной системы состоит в том, чтобы во время обычной деятельности каждая особь давала другим основания для выводов об окружающей действительности, то отвлечение от собственных действий ради коммуникации (а жестовая коммуникация требует не только освободить руки для жестикуляции, но и изменить свое местоположение так, чтобы оказаться перед глазами партнера) лишило бы такую коммуникацию смысла.

Кроме того, когда объем манипулятивной активности гоминид возрос, в частности, за счет изготовления и применения орудий, сочетание обычной и коммуникативной деятельности стало затруднено²⁶: руки не могли одновременно делать орудия и знаки, мозгу приходилось выбирать, какой сигнал посылать на руки, какую информацию обрабатывать – от практических движений или от сигнальных (подобные затруднения легко смоделировать, попытавшись говорить и одновременно с этим жевать жвачку). Это, по-видимому, привело к эффекту «замещения» – сигнал из мозговых структур, управляющих коммуникацией, стал подаваться не только на руки, но и на органы звукопроизводства. Такое замещение могло быть облегчено тем, что у приматов управление ротовым аппаратом и управление руками связаны между собой, поскольку эти органы вместе задействованы в питании, груминге и т. д.²⁷

Подача коммуникативного сигнала на руки, впрочем, так и не была до конца заблокирована – и поэтому люди жестикулируют при

разговоре (имеется в виду не использование значащих жестов типа «погрозыть пальцем», а то, что называется «размахивать руками»). Подобная жестикуляция не преследует цели коммуникативного воздействия с использованием визуального канала передачи информации: так, люди жестикулируют, говоря по телефону или ведя радиопередачу²⁸, жестикулируют даже слепые²⁹; если лишить человека возможности «махать руками», речь оказывается затруднена. От значащих жестов такое, как иногда говорят, «автодирижирование» отличается не только тем, что оно в значительной степени произвольно, но и тем, что оно не использует пальцы – кисть участвует в нем как единое целое, пальцы обычно слегка согнуты.

В результате все более частого «попадания» коммуникативного сигнала на органы звукопроизводства и все большего сокращения участия в коммуникации рук развивается возможность коркового контроля за движениями органов речевого тракта. С возникновением новой системы управления звуком появляется и новый звуковой анализатор – выделяются нейроны, специально ориентированные на распознавание речи. Но при этом жесты помогают лучшему пониманию речи: если слушающий не видит жестикуляции говорящего (или говорящий вместо того, чтобы жестикулировать, например, почесывается), то для понимания сообщения необходима более активная работа мозга.³⁰

Несмотря на то, что в ходе эволюции сформировался новый мозговой механизм управления звукопроизводством, старый, подкорковый механизм управления вокализациями, имевшийся у предковых видов и связанный с эмоциями, у современного человека тоже сохраняется. Смех, рыдания, вопли ужаса, стоны боли и т. п. – все эти звуки управляются лимбической системой. Они являются врожденными, как и звуковые сигналы обезьян, и так же мало доступны волевому контролю – их можно подавить, но трудно вызвать волевым усилием и практически невозможно модулировать (можно лишь сыграть – при наличии актерского таланта – комплексное ощущение, как бы переживая соответствующую эмоцию целиком, и на этом фоне издать соответствующий звук). Но не только это отличает их от речевых звуков – звуки эмоций не делятся на фонемы, их невозможно вставить в высказывание, они не участвуют в словообразовании. Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что эволюция языка заключалась не в преобразовании звуковой сигнализации из врожденной в управляемую, а в формировании новой системы управления звуком при сохранении старой системы на периферии коммуникативной сферы. Эти две системы могут конкурировать за управление вокализацией³¹ – если, например, человеку смешно, ему трудно начать внятно произносить слова. В процессе

языковой эволюции бо́льшая и меньшая значимость звука и жеста перераспределяются подобно тому, как перераспределяются основные и дополнительные признаки фоном в ходе развития языков современного человека.³²

Таким образом, восприятие коммуникативной системы как средства, предназначенного в первую очередь для комментирования того, что происходит вокруг, сыграло важнейшую роль в становлении человеческого языка, обусловив формирование его уникальных характеристик.

Примечания

- ¹ Исследование поддержано грантом РФФИ ОФИ-М № 11-06-12036.
- ² *Пинкер С., Джакендосфф Р.* Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 261–293.
- ³ *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. С. 140.
- ⁴ *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: МГУ, 1979. С. 88.
- ⁵ *Quine W.V.O.* Word and object. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 294 p.
- ⁶ *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004. С. 144.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Bornstein M.H.* Origins of communication in infancy // Communicating meaning: The evolution and development of language / Ed. by Velichkovsky B.M., Rumbaugh D.M. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. P. 139–172; *Величковский Б.М.* Указ. соч. С. 171.
- ⁹ *Tomasello M.* Constructing a language: A usage-based approach to language acquisition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. P. 36–37.
- ¹⁰ *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: АСТ, 2008. С. 450–452.
- ¹¹ *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. С. 281, 282.
- ¹² Там же. С. 255.
- ¹³ *Пинкер С.* Указ. соч.; *Pinker S.* Language as an adaptation to the cognitive niche // Language evolution / Ed. by Christiansen M.H., Kirby S. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 16–37.
- ¹⁴ *Deacon T.* The symbolic species: The co-evolution of language and the brain. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, Inc., 1997. P. 343.
- ¹⁵ См., например: *deMenocal P.B.* Climate and human evolution // Science. 2011. Vol. 331. № 6017. P. 540–542.
- ¹⁶ *Suwa G., Kono R.T., Simpson S.W., Asfaw B., Lovejoy C.O., White T.D.* Paleobiological implications of the Ardipithecus ramidus dentition // Science. 2009. Vol. 326. №. 5949. P. 69, 94–99.

- ¹⁷ Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Ч. III: Архантропы. Ч. IV: Гоминиды, переходные от архантропов к палеоантропам. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 21.
- ¹⁸ Там же. С. 22.
- ¹⁹ Добровольская М.В. Человек и его пища: Пищевые специализации и проблемы антропогенеза. М.: Научный мир, 2005. 367 с.
- ²⁰ Фоули Р. Еще один неповторимый вид: Экологические аспекты эволюции человека. М.: Мир, 1990. С. 262.
- ²¹ См., например: McGrew W.C. The intelligent use of tools: Twenty propositions // Tools, language and cognition in human evolution / Ed. by Gibson K.R., Ingold T. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 151–170; Boesch C. Teaching in wild chimpanzees // Animal behaviour. 1991. Vol. 41. P. 530–532; Idem. Aspects of transmission of tool-use in wild chimpanzees // Tools, language and cognition in human evolution... 1993. P. 171–183; Boesch C., Boesch-Achermann H. The chimpanzees of Taï forest: Behavioral ecology and evolution. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. VIII, 316 p.
- ²² Леонард У. Пища для размышления // В мире науки. 2003. № 4. С. 60–69.
- ²³ Tomasello M. Op. cit. P. 37, 142.
- ²⁴ Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. С. 157.
- ²⁵ Келлер Р. Языковые изменения: о невидимой руке в языке. Самара, 1997. С. 194.
- ²⁶ Бутовская М.Л. Язык тела: Природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. С. 154.
- ²⁷ См., например: Pollick A.S., de Waal F.B.M. Ape gestures and language evolution // Proceedings of the National Academy of Sciences, USA. 2007. Vol. 104. №. 19. P. 8184–8189.
- ²⁸ Corballis M.C. From hand to mouth: The gestural origins of language // Language evolution... 2003. P. 201–218.
- ²⁹ Arbib M.A. The evolving mirror system: A neural basis for language readiness // Language evolution... 2003. P. 199.
- ³⁰ Skipper J.I., Goldin-Meadow S., Nusbaum H.C., Small S.L. Speech-associated gestures, Broca's area, and the human mirror system // Brain and language. 2007. Vol. 101. Issue 3. P. 260–277.
- ³¹ Deacon T. Op. cit. P. 244.
- ³² См.: Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. С. 28–30.

Что может дать изучение коммуникации животных для проблемы происхождения языка?¹

Обсуждаются и критикуются представления, согласно которым корни языка могут быть обнаружены уже в коммуникации животных. Эта идея сегодня особенно популярна среди некоторых лингвистов, приверженных так называемой парадигме «когнитивной революции». В противоположность этой точке зрения выдвигается другой подход, согласно которому специфика коммуникации животных может быть адекватно понята лишь при переходе от рассмотрения «индивидуализированных сигналов» к исследованию коммуникативного процесса в целом. Обозначены четыре свойства коммуникативных процессов у животных: (1) структурная континуальность сигналов; (2) отсутствие конкретных «значений» у большинства таких «сигналов»; (3) полезная информация может быть передана и принята только в рамках определенных пространственных и временных координат; (4) колоссальная избыточность транслируемых сообщений. Область поисков истинных корней языка должна быть сужена до интенсивных исследований когнитивных способностей наших ближайших родичей из мира животных, именно, шимпанзе.

Ключевые слова: коммуникативные системы животных, антропоморфизм и «честная» коммуникация, парадигма «когнитивной революции», коммуникация как процесс, главные характеристики коммуникативного процесса у животных, функциональные референтные сигналы, когнитивные способности шимпанзе.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует, прежде всего, задать другой. А именно, что имеется в виду, когда в этом контексте используют слово «животные»? Если это понятие трактовать согласно метафоре «От пчелы до гориллы»², то ответ на первый вопрос будет: «Очень мало». Именно эту позицию я попытаюсь аргументировать ниже.

Важно подчеркнуть, однако, что даже при таком подходе, очевидно неадекватном с моей точки зрения, сопоставления между коммуникацией животных и языком человека небесполезны. Дело в том, что осведомленность о том, как устроен язык, позволяет понять принципы того, что называется «сигнальными системами» животных и прийти к заключению, что они имеют очень мало общего

© Панов Е.Н., 2012

с языком людей. Получается нечто подобное идее, высказанной Марксом в следующих словах: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны», а не наоборот.

В рамках поставленной задачи гораздо продуктивнее будет подход, при котором эволюция языка обсуждается в рамках эволюции той группы видов животных, к которой принадлежим и мы сами. Я имею в виду отряд приматов. Но и здесь в контексте обсуждаемой темы следует соблюдать определенное чувство меры, не уходя слишком далеко в сторону от надсемейства человекообразных обезьян (*Hominioidea*).

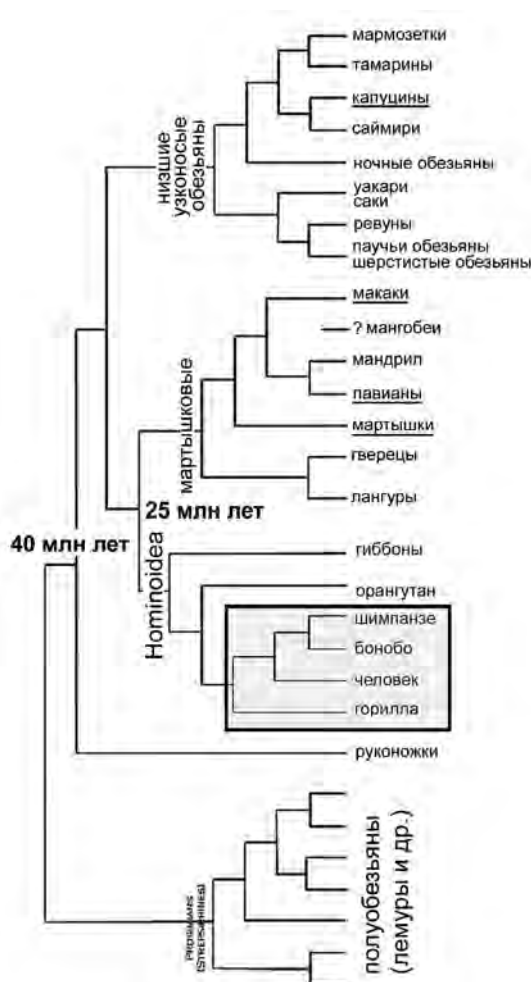

Рис. 1. Филогения отряда приматов.³

На рис. 1 приведено филогенетическое древо отряда приматов, включающего в себя более 200 видов. Из схемы можно видеть, что названное надсемейство представляет собой одну из двух наиболее молодых ветвей отряда приматов. Кроме того, входящие в нее виды также сильно различаются по эволюционному возрасту. Так, гиббоны отделились от основного ствола *Hominoidea* около 15–20 млн. лет назад. Несколько позже произошло отщепление второй ветви, ведущей к человеку, подсемейства orangутанов, из которого до современности дожил только один вид *Pongo pygmaeus* (рис. 2).

Рис. 2. Филогения надсемейства *Hominoidea*.⁴

Понятно, что если мы хотим найти в поведении животных нечто сходное с образом действий нас самих, следует брать для сравнения те виды, у которых эти качества должны присутствовать с возможно большей вероятностью. Поведение, как и все прочие особенности строения и образа жизни, тем более сходны, чем ближе в эволюционном отношении находятся сопоставляемые виды. А нашими ближайшими родичами бесспорно являются два вида человекообразных обезьян – шимпанзе (*Pan troglodytes*) и бонобо, или карликовый шимпанзе (*Pan paniscus*). Несколько дальше от компактной группы видов, куда помимо этих двух входит третий вид – человек разумный, стоит горилла.

Синдром шимпанзе

Именно три названных вида человекообразных обезьян должны находиться в центре внимания в наших попытках реконструировать эволюцию языка. Едва ли стоит искать его истоки не только у макаков и павианов, но даже у обезьян, стоящих гораздо ближе к человеку – таких как гиббоны и орангутан. Все эти виды миллионы лет назад ушли с пути, приведшего в итоге к появлению на эволюционной сцене общего предка шимпанзе и человека, особенности поведения которого сохранились, по-видимому, в наибольшей степени у шимпанзе.

Одна из таких особенностей шимпанзе – его способность к изготовлению и регулярному использованию орудий в повседневной рутине существования в естественных условиях. Такое поведение свойственно только этому виду из более чем 200 представителей отряда приматов. Замечательно то, что два другие вида, в наибольшей степени близкие и к шимпанзе и к человеку (бонобо и горилла) практически лишены такого свойства. Это должно вызывать удивление, поскольку они обитают в той же самой экологической среде, подчас бок о бок с шимпанзе. Все три вида характеризуются также более или менее сходными типами социальной организации.

Но в то время как шимпанзе при добычании термитов могут применять набор из двух инструментов (рис. 3), гориллы, живущие в том же лесу, не пользуются при этом орудиями, а разламывают стенки термитников руками.

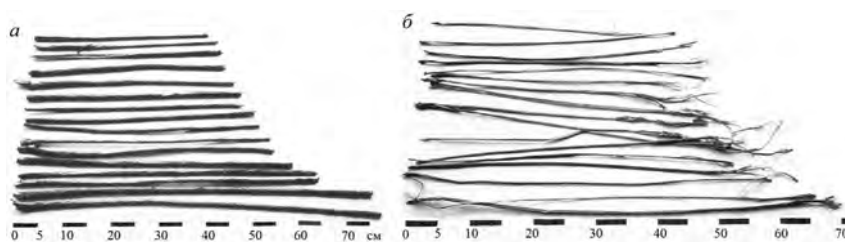

Рис. 3. Два типа орудий, используемых шимпанзе последовательно для добычания термитов (Лес Ндоки, Конго).⁵

Таким образом, перед нами иллюстрация эволюционного прорыва в когнитивной сфере у единственного представителя обширного отряда приматов – нашего ближайшего предка, общего с шимпанзе. Принимая во внимание сходство шимпанзе с двумя другими видами подсемейства *Hominidae* (бонобо и гориллой) по общему морфо-биологическому облику, экологическим потребностям и социальному поведению, этот прорыв можно объяснить только как событие, которое не поддается простому объяснению в терминах традиционного адаптационистского подхода. Если бы переход к использованию орудий диктовался давлением средовых факторов, ту же способность мы, скорее всего, наблюдали бы у бонобо и горилл. Отсутствие его у этих видов наводит на мысль о **спонтанном скачкообразном** изменении в психике общего предка шимпанзе и человека на основе ранее заложенных в ней предрасположенностей. Они, по неясной причине, не были реализованы у бонобо⁶, остановились в своем развитии у шимпанзе, и достигли дальнейшей реализации сначала у ранних гоминид, а затем и у человека разумного.

В синдроме шимпанзе задействованы, помимо использования орудий, такие особенности поведения, как коллективная охота на позвоночных, соответственно, значительная роль мяса в диете и деление добычи при ее коллективном поедании⁷.

При использовании орудий шимпанзе проявляют такие качества, как дифференциация концептов, приобретаемых в онтогенезе за счет индивидуального опыта и касающихся, в частности разнообразных артефактов (типа «молоток», «пробойник», «удочка»), а также долговременное планирование. Все это, несомненно, свидетельствует о существовании здесь потенций, развившихся позже в момент приобретения протоязыка ранними гоминидами. Поэтому, зная эти особенности поведения шимпанзе, можно было бы заранее предсказать результаты, полученные в опытах по обучению шимпанзе использованию примитивной лексики.

Все те черты поведения шимпанзе, о которых только что было сказано, открыли перспективу для следующего эволюционного броска, вероятно, такого же спонтанного характера – именно, приобретения речи. С этой точки зрения многочисленные попытки объяснить появление протоязыка, ставя на первое место некие адаптивные «выгоды» от этой инновации, выглядят для автора этой статьи малоубедительными⁸.

Исследования на других видах приматов

Помимо того кардинального пути, который избрали некоторые исследователи, сосредоточившие внимание на изучение когнитивных способностей шимпанзе и бонобо в контексте изучения эволюции языка⁹, многие занимаются исследованиями по поведению прочих видов приматов, находящихся в большем или меньшем отдалении от человекообразных обезьян на филогенетическом древе (рис. 1). Виды, оказавшиеся объектами изучения этой группой исследователей, миллионы лет назад пошли своими собственными эволюционными путями¹⁰.

Допустим даже, что в момент, когда происходило расщепление ствола приматов на ветви, ведущую к человекообразным обезьянам и уходящую в стороны, между свойствами расходящихся групп видов было немало общего (в том числе нечто, послужившее много времени спустя предпосылкой к становлению языка). Понятно, однако, что на протяжении последующих миллионов лет эти качества в боковых эволюционных ветвях остались в том же зачаточном состоянии либо могли быть полностью утраченными.

Разумеется, в интересах сравнительного изучения поведения получить как можно больше сведений о поведении прочих видов

приматов из семейств, находящихся в разных степенях филогенетического родства с шимпанзе.

Однако если эти исследования оказываются направленными в основном на выявление когнитивных свойств, которые **выглядят** общими с человеческими, от них не следует ждать многого в вопросе об эволюции языка. Ведь само по себе обнаружение таких свойств мало что дает для понимания тех фундаментальных перестроек, которые гоминиды прошли в период, последовавший за моментом их отделения от филогенетического ствола, общего с шимпанзе.

К сожалению, в сфере таких исследований зачастую поспешно полагаются именно на внешнюю видимость сходства, следуя порочному методу ложных аналогий. Разумеется, есть нечто общее в языке человека и вокальной сигнализации приматов. Обе эти системы используют акустический канал связи и обе являются компонентами социального поведения. На этом сходство интересующих нас систем заканчивается.

Здесь уместно вспомнить следующее высказывание отечественного философа Ю.А. Урманцева: «Пределов для сходства любых произвольно взятых систем, как бы далеко они ни отстояли друг от друга, откуда бы они ни были взяты, не существует... нет такого места, времени, границы, после которых начиналось бы уже полное несходство...»¹¹.

Два названных признака (акустический канал связи, включенность в систему социального поведения), по сути дела, исчерпывают поверхностное сходство между сигнализацией обезьян и языком человека. Дальше начинаются принципиальные, кардинальные различия. Сама суть языка человека состоит в его способности создавать произвольные знаки (такие, например, как слова) для объектов внешней реальности. Сам такой объект называется референтом. Отношение референции (конкретного указания, предметной соотнесенности) устанавливается, таким образом, между референтом и указывающим на него (или соотносящимся с ним) именем или знаком. Все это позволяет говорящему использовать такой знак тем или иным способом, с теми или иными оттенками значения в конкретном контексте обмена языковой информацией.

Можно задать вопрос, присутствует ли нечто подобное в вокальной сигнализации обезьян? Здесь мы сталкиваемся с поистине удивительным обстоятельством. В то время как интенсивные исследования на шимпанзе показали, что у этого вида референтность вокальных сигналов определенно отсутствует, вновь и вновь предпринимаются попытки найти ее не только у мартышковых обезьян, но даже у лемурув, которые остались в далеко в стороне от эволю-

ционного развития ветви, ведущей к человекообразным обезьянам, около 40 млн. лет назад (рис. 1)¹².

Наибольшее распространение получила идея, согласно которой референтность сигналов присутствует у мартышек верветок *Cercopithecus aethiops*. Было обнаружено, что особи этого вида подают разные звуковые сигналы в ответ на появление таких опасных для них животных как змея, орел и леопард. Были также приведены доводы в пользу утверждения, согласно которому другие особи в группе адекватно реагируют на эти сигналы, получая информацию, какой именно из этих трех хищников реально угрожает этим обезьянам¹³.

Такого рода звуки были названы, по аналогии с языковыми знаками, «функциональными референтными сигналами»¹⁴. При этом первый эпитет по сути дела делал бессмысленным второй. Слово «функциональный» означал в этой трактовке, что отправителем сигнал подается непреднамеренно, но в соответствии с уровнем его эмоционального восприятия происходящего в данное время (например, с силой испытываемого им страха). Эпитет же «референтный» указывал на возможность особи-реципиента (приемника сигнала) верно оценить обстановку¹⁵.

Таким образом, в самом термине «функциональный референтный сигнал» содержится отрицание того, что здесь есть нечто общее с языковым означиванием, которое есть сознательный, намеренный психолингвистический процесс. Уловка в присвоении имени научному понятию по типу метафоры (а точнее, ложной аналогии) ускользнула от внимания многих¹⁶.

Не обошло все это стороной и рутинные исследования по существенным характеристикам коммуникации у животных. Как это вообще характерно для так называемой «нормальной науки» по Т. Куну¹⁷, здесь сыграло свою роль правило: «Делай, как я», в результате чего пошел поток публикаций, направленных на «подтверждение» идеи референтности звуковых сигналов у животных (см. примечание 16).

Ситуация, которая в результате сложилась вокруг этой темы, хорошо описана в новой книге Фитча «Эволюция языка»¹⁸. «В пору моей юности, — пишет он, — средства массовой информации были переполнены вымыслами о «языке дельфинов» и о том, что у обезьян, выращенных людьми, нет предела в способности развивать навыки в обучении языку. Считалось, что открытие референтной сигнализации у черномордой мартышки верветки означает неожиданную сложность звуковой сигнализации у животных. Казалось, что вот-вот появится новый доктор Айболит, кто научится расшифровывать языки разных животных, и я волей-неволей верил в это.

Еще 15 лет тому назад биолог Джаред Димонд предрекал, что все открытия в области свойства референтности в коммуникации животных, в частности, у шимпанзе, еще только впереди».

«То, что мы видим сегодня, – продолжает Фитч, – рисует довольно-таки любопытную картину. Вопреки интенсивным поискам в пользу такого рода предсказаний, выясняется нечто совсем иное. В частности, шимпанзе способны в естественных условиях транслировать богатую информацию об эмоциональном состоянии особей, что, разумеется, обеспечивает адекватность социальных взаимоотношений внутри их сообщества. Однако референтность в этой коммуникативной системе весьма ограничена, не говоря уже о возможностях создавать новые по содержанию сообщения, что в неограниченной мере свойственно языку человека»¹⁹. В завершение этого отрывка Фитч, в подтверждение своих слов цитирует тех самых двух авторов (R. Seyfarth и D. Cheney), с чьей легкой руки весь сыр-бор загорелся.

Впрочем, упорство в желании оказаться первыми, неважно какой ценой, в горячей сегодня теме происхождения языка легко пересиливает необходимость соблюдать определенную научную осмотрительность. Так, К. Арнольд и К. Зубербюллер, обнаружив, что некоторые самцы мартышек *Cercopithecus nictitans* иногда комбинируют воедино сигнал тревоги на леопарда с таковым на орла, скромно озаглавили свою заметку, поместившуюся на одной странице журнала «Nature», следующим образом: «Эволюция языка: семантическое комбинирование в криках приматов»²⁰.

Все те явления, которые пытаются рассматривать в таком ключе, для профессионала в области изучения поведения животных не выходят за рамки привычных представлений, составляющих основу этологической концепции. Этому вопросу посвящена глава 4 «Эффективные раздражители» в сводке Р. Хайнда «Поведение животных»²¹. К сожалению, все это выглядит полностью забытым в попытках «новейших истолкований» коммуникации мартышек и прочих животных²².

Исследования на животных, не относящихся к отряду приматов

Бытующие взгляды на сущность коммуникации у животных

Ранее высказанной точке зрения, согласно которой в вопросе об эволюции языка следует сосредоточиться только на нескольких видах человекообразных обезьян, противостоит другая, развиваемая

в упомянутой выше книге Т. Фитча. Он пишет: «После длительного периода уверенности в том, что первое место по уровню когнитивных способностей в животном мире занимают приматы, к сегодняшнему дню когнитивная этология накопила множество данных о сопоставимости с ними в этой сфере многих других видов позвоночных». По его мнению, «Многие аспекты когнитивной сферы (такие как научение, память и категоризация) **напрямую связаны с овладением языком**. Все они представляют собой основной “набор инструментов”²³, общих для большинства позвоночных и, по крайней мере, некоторых беспозвоночных»²⁴ (выделено мной – Е. П.).

Обсуждая обширную литературу по коммуникации у животных «от пчелы до гориллы», Фитч пытается акцентировать рациональные аспекты в такого рода процессах. Его внимание направлено на все то, в чем он видит отдаленные предпосылки языковой способности людей. Он называет такие особенности «скрытыми возможностями животных к использованию коммуникативных систем, **подобных языку**».

Однако при внимательном рассмотрении аргументации Фитча напрашивается вывод, что здесь имеет место неявная подмена понятий. Исходной посылкой всей этой аргументации служит тривиальный факт целесообразности поведения животных. Фитч повышает статус этого явления, называя его «бессознательным мышлением»²⁵. Суть его, по Фитчу, в том, что животные многих видов (не только приматов) способны строить новую линию целесообразного поведения на основе объединения разных репрезентаций, полученных ранее на индивидуальном опыте (например, путем сопоставлений на основе принципа транзитивности). Здесь автор, по сути дела, ломится в открытую дверь. Для каждого, кто исследует поведение животных не по литературным источникам, а наблюдая за ними в природе, совершенно очевидно, что «для большинства из них понимание происходящего является... естественным состоянием»²⁶. Без этого ни одно животное попросту не смогло бы выжить и дня.

Под всем этим кроется некая логика, которая, возможно, не осознается явным образом даже самим Фитчем. Суть ее в следующем. Известно, что у человека язык неразрывно связан с мышлением. Но если животным свойственно мышление (пусть даже «бессознательное»), то это, якобы, позволяет искать у них и «скрытые потенциалы к использованию коммуникативных систем, **подобных языку**».

В этом-то и состоит неявная подмена понятий в аргументации Фитча. Она базируется на принципе ложных аналогий. Ведь совершенно очевидно, что понимание это у животных имеет совершенно иные глубокие основы, нежели понимание у людей. Поэтому здесь как нельзя кстати следующая цитата из Дж.С. Милля: «Существует

еще один вид неправильной аргументации по аналогии, в более точном смысле заслуживающий названия «ошибки»: а именно, когда на основании сходства предметов в одной черте заключают о сходстве их в другой, причем не только не доказана причинная связь между этими двумя чертами, но, напротив, положительно известно, что такой связи нет»²⁷.

Проявляя определенный скепсис в отношении энтузиазма некоторых, кто говорит о референтности сигналов животных (см. выше), Фитч, как мне кажется, занимает двойственную позицию, не будучи в состоянии выйти из плена господствующей сегодня парадигмы, именуемой «когнитивной революцией»²⁸.

Явным образом сказанное подтверждает тот необъяснимый факт, что у Фитча не возникло сомнений в возможности существования референтных сигналов у насекомых. Ведь он позиционирует себя в качестве специалиста по поведению животных, стоящего на принципах эволюционизма. Почему же он не усомнился в том, что идея «языка танцев» у пчел противоречит всему строю эволюционных преобразований поведения в мире животных?

Фитч пишет: «У медоносных пчел выработалась сложная система коммуникации, включающая в себя по меньшей мере 17 четко различимых сигналов. Этот сложный репертуар всецело врожденный. Наиболее важный его компонент – виляющий танец – социальное поведение, посредством которого пчела, обнаружившая источник пищи, извещает партнеров по улью, где он находится... Длительность и интенсивность этих телодвижений указывают друг другу на дистанцию от улья до места взятка. **Этот сигнал определенно (clearly) представляет собой “функциональный референт”**»²⁹ (выделено мной – Е. П.).

Помимо всего прочего, автору сводки, претендующей на роль пропагандиста новой дисциплины, именуемую им «биолингвистикой», следовало бы знать, что гипотеза Фриша окончательно опровергнута еще 20 лет назад³⁰. При этом было показано, что танец не используется пчелами в качестве значимого сигнала. Поиски источников корма осуществляются ими по ольфакторным ориентирам, как и у всех прочих летающих насекомых, которые разыскивают пропитание по запаху.

Позиция автора настоящей статьи

Идеи, изложенные в книге Фитча, отражают в целом состояние вопроса в современной западной литературе. Здесь лишь немногие пытаются протестовать против идей, заложенных в парадигму «когнитивной революции» и представляющих собой очередной рецидив антропоморфизма в объяснениях поведения животных³¹.

Так, Риндел с соавторами³² сомневаются в полезности рассмотрения коммуникации животных в терминах лингвистики и теории информации, называя такой подход «метафорическим». Впрочем, взамен они предлагают нечто еще более сомнительное, в духе применения методологии, напоминающей теорию игр.

В противоположность подходу, проводимому в концепции Фитча, я дам сжатый очерк собственного видения коммуникации животных, которое сформировалось за десятилетия полевого изучения многих видов животных (насекомых, рептилий, птиц и некоторых млекопитающих). Суть моей концепции перекликается с представлениями великого интерпретатора поведения насекомых Жана Анри Фабра, который писал о «мудрости и невежестве инстинкта».

«По странному противоречию, – говорит Фабр, – составляющему характерную черту деятельности инстинкта, глубокое знание живёт рядом со столь же глубоким незнанием. **Самые проникательные внушения знания**, с одной стороны, и самые поражающие непоследовательности тупоумия, с другой, в одинаковой степени присущи деятельности инстинкта»³³.

То же самое сочетание очевидного «здравомыслия» и действий, кажущихся нам бессмысленными, нетрудно обнаружить также в поведении птиц и млекопитающих. Вспомните, как домашняя кошка, которую вы считаете существом вполне разумным, из года в год, не понимая тщеты собственных усилий, «закапывает» свои испражнения на паркете или на кафельном полу. Животное не в состоянии отказаться от этой привычки, генетически свойственной всем представителям семейства кошачьих. В естественных условиях она входит в жизненно важный ритуал мечения индивидуального участка (то есть в систему коммуникативного поведения), но в городской квартире оказывается лишённой всякого смысла.

Иными словами, поведение может быть в высшей степени целесообразным (или выглядеть таковым) до тех пор, пока внешние условия остаются в той норме, в соответствии с которой оно формировалось в процессе эволюции. Но при выходе за границы этой нормы образ действий животного оказывается, по крайней мере с точки зрения наблюдателя, лишённым той рациональности, которую Фитч упорно ищет у всех животных – от пчелы до шимпанзе.

Коммуникация как процесс. Первый критически важный недостаток господствующих подходов к анализу коммуникации у животных состоит в понимании ее в качестве неких точечных взаимодействий между особями, происходящих по типу диалога. Это изначально маскирует стохастический, по сути дела, характер того, что может быть названо **коммуникативным процессом**.

Многokrатно показано, что последовательность поведения особи, находящейся вне коммуникативного контекста, представляет собой внутренне детерминированную последовательность действий, которую можно уподобить марковскому процессу³⁴. Отсюда, поведение двух особей-коммуникантов можно трактовать как две параллельные во времени марковские цепи (рис. 4).

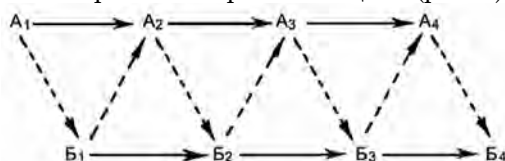

Рис. 4. Соотношения в силе внутренней и внешней детерминации коммуникативных актов.³⁵

Каждый акт особи *A* в той или иной степени детерминирован ее предыдущими действиями и в то же время может модифицироваться за счет стимулов, поступающих от особи *B*. Таким образом, поведение особи *B* есть источник возмущений для цепи поведения особи *A* (и наоборот). Возникает коренной вопрос: каково соотношение в силе внутренних и внешних влияний, и какие из них являются определяющими в ходе парного взаимодействия?

Если придерживаться принципа «стимул – реакция», который в критикуемом мной подходе выглядит «самоочевидным» (по аналогии с диалогом у людей: например: «вопрос – ответ»)³⁶, приоритет следует отдавать воздействиям извне. Но уже около 40 лет назад многие исследователи начали склоняться к представлениям о большей важности внутренних механизмов детерминации. В модели, изображенной на рис. 4, сплошные стрелки определяют более жесткую, а пунктирные – более слабую детерминацию. Эта модель была экспериментально проверена на случае полового взаимодействия самцов и самок у тритонов³⁷. Хотя автор и обнаружил в этом случае ряд точек взаимодействия, в которых поведение партнеров подчиняется принципу «стимул – реакция», существует также много звеньев, в которых «...изменения в поведении самца необъяснимы в терминах стимуляции со стороны самки».

В рамках предлагаемого мной процессуального подхода к анализу коммуникации основное внимание сосредоточено не на характеристиках тех или иных «сигналов», а на общих принципах организации процесса в целом, чего в современных построениях относительно коммуникации животных никто, насколько мне известно, вообще не касается.

Ниже я привожу перечень четырех принципов, основополагающий характер которых делает коммуникацию животных полностью несопоставимой с обменом языковой информацией у людей.

1. Континуальность репертуара сигнальных средств, которая не позволяет выделять внутри него некие дискретные сигналы, индивидуализированные в понятиях структуры.

2. Фрагмент такого континуума, которому **априорно** **придают** статус «сигнала», **предельно вырожден** с функциональной точки зрения. Это не позволяет приписать ему сколько-нибудь определенного «значения».

3. То, что можно условно назвать «значением» сигнала для социального партнера, приобретается лишь в **конкретном пространственно-временном контексте** (например, во взаимодействиях, привязанных к центрам социальной активности коммуникантов).

4. Все это ведет к **колоссальной избыточности** в трансляции сигналов.

Далее я постараюсь по возможности лаконично аргументировать каждый из четырех пунктов.

Континуальность репертуаров сигнальных средств. Как только мы переходим от понимания коммуникации как серии следующих друг за другом диалогов к видению ее в качестве кумулятивного процесса, возникает вопрос, что есть те стимулы, которые обслуживают ход коммуникативного процесса и обеспечивают его поступательное развитие. В диалоговой модели, восходящей к традициям классической этологии роль таких «ведущих стимулов» придают так называемым «демонстрациям».

При таком подходе описания сигнального репертуара конкретного вида можно назвать «отбором самых характерных кинокадров»: внимание фиксируется на тех наиболее «броских» (и кажущихся устойчивыми стереотипами) элементах структуры, которые характеризуются максимальной повторяемостью в протоколах наблюдений. Итогом описания здесь оказывается аннотированный перечень демонстраций, так называемая «этограмма». Ее определяют в качестве «сигнального кода вида» и негласно уподобляют некоему лексикону слов или выражений, приписывая каждому элементу более или менее определенное «значение»: сигнал угрожающий, умиротворяющий, брачный и т.д.

Основным пороком такого способа описания оказывается его вневременной характер, что не дает возможность адекватно передать истинную суть происходящего. В действительности, те поведенческие («сигнальные») конструкции, которые помещаются под разными рубриками, сплошь и рядом воспроизводятся животными в единых последовательностях. Например, процесс формирования брачных пар зачастую насыщен антагонистическими актами, он может быть организован в рамках территориального поведения и у многих видов птиц несет в себе элементы гнездостроительного

поведения. В традиционных описаниях эти органически взаимосвязанные компоненты единого процесса совершенно искусственно отрываются друг от друга.

Мой длительный опыт изучения коммуникативного процесса у большого числа видов птиц в природе показал, что он зиждется на континуально изменяющихся линиях поведения его участников, тогда как бросающиеся в глаза «демонстрации» вкраплены в эти потоки поведения лишь эпизодически. Иными словами, это длительный процесс кумулятивной настройки каждого из коммуникантов на поведение партнера. На некоторых этапах действия обоих в значительной степени автономны и определяются эндогенными факторами. В итоге, обмен информацией невозможно свести к трансляции и приему четко отграниченных друг от друга элементарных «сигналов» уровня телодвижений или отдельных звуков. Значимыми для хода и исхода взаимодействия оказываются протяженные во времени поведенческие цепи, определенно континуальные по своей природе³⁸. Эту точку зрения разделяют и некоторые другие исследователи, занятые изучением коммуникации как у птиц, так и у приматов³⁹.

Существенно то, что при таком подходе понятие «коммуникативный сигнал», как некая структурно и функционально очерченная сущность, автоматически теряет свою онтологическую опору. Это обусловлено и тем важным обстоятельством, что обмен информации у большинства видов позвоночных идет одновременно по нескольким каналам связи: акустическому и визуальному у птиц, и по тем же плюс ольфакторный у млекопитающих. Эти каналы связи в ряде случаев дополняются тактильным⁴⁰.

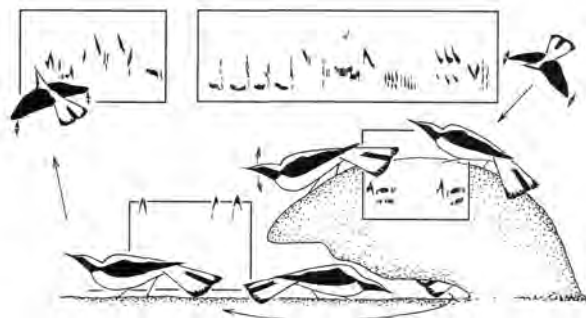

Рис. 5. Неразделимость моторных паттернов и вокализации (в рамках) в поведении самца черношейной каменки *Oenanthe finschii* в ответ на появление самки на его территории.⁴¹

Те «демонстрации», о которых говорят этологи, представляют собой полимодальные конструкции, в которых оптические и аку-

стические компоненты оказываются нерасторжимыми (рис. 5). Поэтому в широко распространенной практике анализа «вокальной коммуникации» (например, у птиц) схематизация происходящего столь сильна, что она, по сути дела, убивает живую ткань исследуемого процесса⁴².

Что касается сигнализации, транслируемой по визуальному каналу связи (моторные координации, часто именуемые «позами»), то у птиц она, на мой взгляд, может быть адекватно представлена лишь в качестве многомерного континуума. Количество мерностей, образующих n -мерное пространство этого континуума, зависит от числа выделенных исследователем элементарных признаков топологии, на которых строится комбинаторика конфигураций более высоких уровней. Каждый такой признак принимает несколько квазидискретных состояний, то есть меняется континуально внутри себя.

Систему моторных (визуальных) сигналов у модельного вида (черношейной каменки *Oenanthe finschii*) теоретически можно представить в виде 13-мерного континуума. Замечу еще раз, что акустические компоненты сигнализации формируют континуум иной модальности, перекрывающийся с моторно-двигательным, который передает «сообщение» по оптическому каналу связи⁴³.

Акции («жесты»), воспринимаемые наблюдателем в качестве «коммуникативных сигналов», вырожденны, семантически пусты. Проницательные наблюдатели, посвятившие себя изучению коммуникации у птиц, приходят к выводу, что те формы их поведения, которые выглядят как коммуникативные сигналы, далеко не всегда привязаны к строго определенным коммуникативным контекстам. Как уже было сказано, в поведении половых партнеров (реальных или потенциальных) нередко, а скорее как правило, наблюдаются те самые акции, которые характерны для ситуаций агрессии. Поэтому стали говорить о «полифункциональности» такого рода сигналов⁴⁴.

Само по себе признание того факта, что некая поведенческая конструкция регулярно используется в разных ситуациях (окрашенных как позитивно в отношении к социальному партнеру, так и резко негативно) заставляет отказаться от попыток приписать этим конструкциям сколько-нибудь определенные «значения».

В действительности приходится пойти еще дальше, показав полную **инвариантность** многих «сигналов» **всему спектру возможных коммуникативных контекстов**. Например, у журавля стерха в любой ситуации, предполагающей эмоциональное напряжение особей, будь то острый конфликт или спаривание, наблю-

дается одна та же весьма своеобразная демонстрация, обведенная эллипсом на рис. 6. И это ни в какой мере нельзя считать каким-либо исключением. Собранные мною данные по многим другим видам птиц из разных таксономических групп дают ту же самую картину.

Универсальность в использовании подобного рода акций в коммуникативном процессе позволяет обозначить их в терминах теории информации в качестве структур вырожденных с точки зрения их содержания, то есть пустых в плане семантики.

Сказанное в большой мере относится к песням птиц. Этот тип вокализации выступает в качестве компонента, неотделимого от прочего поведения особи начиная с момента, наступающего спустя две недели после вылета птенца из гнезда. До начала отлета на зимовки и в период осенних миграций пение выполняет определенные функции в «системе организма». Сначала это работа механизма научения видоспецифической песне по типу созревания инстинкта. Затем, в период миграций и на зимовках — своего рода информационный шум, обусловленный ходом физиологических процессов, происходящих в организме. Коммуникативный эффект в «системе-социум» песни приобретает только на второй год жизни особи. Если это самец, — то лишь после того как он занимает индивидуальную территорию в местах гнездования вида и начинает охранять ее от самцов-соперников и одновременно пытается привлечь сюда самку.

Роль пространственно-временного контекста. Можно допустить, хотя и нельзя утверждать с определенностью, что по крайней мере некоторые из числа предельно вырожденных «сигналов» оказываются «значимыми» (семантически окрашенными) в цепи событий, происходящих в реальном времени и ориентированных на определенным образом упорядоченные (в ходе предыдущих взаимодействий) пространственные координаты.

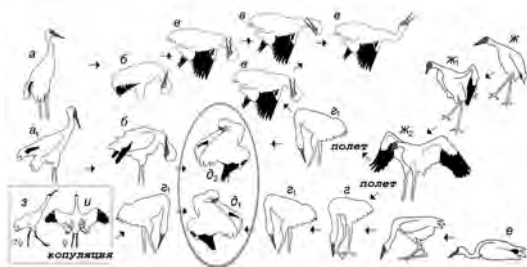

Рис. 6. Инвариантность позы, помещенной в эллипс, всем коммуникативным контекстам у журавля стерха *Sarcogaster leucogaster*.⁴⁵

Последние я называю «центрами социальной активности». К их числу относятся, среди прочего, места саморекламиривания самца в пределах его территории (т. н. песенные посты), окрестности строящегося гнезда, точки на границе территории, где устанавливаются места периодических конфронтаций между самцами, занимающими соседствующие участки, и т. д.

Однако создается ощущение, что даже в этой системе пространственно-временных координат, организующих процесс извне, функционально значимым является не то, что выглядит носителями информации при поверхностном взгляде (например, специфика структуры демонстрации), но длинные поведенческие цепи, полимодальные в плане структуры и не расчлняемые в восприятии особи-получателя сообщения на некие дискретные составляющие.

Понимание коммуникации как длительного стохастического процесса, развертывающегося во времени и **в социально организованном пространстве** — это своего рода «популяционистский» подход в изучении коммуникации животных, отвечающий духу времени и, несомненно, противостоящий типологическому подходу, трактующему коммуникацию как диалоговый обмен стереотипными дискретными сигналами.

Избыточность в трансляции сообщений. Все сказанное выше позволяет легко понять, почему коммуникативный процесс, как он представлен в моей модели, по необходимости должен быть высоко избыточным в плане трансляции сообщений. Коль скоро содержание их лишено какой либо однозначности для особей реципиентов, это должно компенсироваться как можно более многократной, по сути дела монотонной, повторяемостью «сигнала» (в привычном, самом широком смысле этого слова).

Именно такая повторяемость непрерывной монотонной трансляции должна обеспечивать надежность системы, в том смысле, что «сигнал» будет принят в конце концов каким-либо потенциальным адресатом⁴⁶. Рекламные песни самцов у птиц транслируются до того момента, как певец приобретет самку, по принципу широковещания. С момента занятия самцом территории и до появления здесь самки-партнерши проходит нередко несколько дней. Соловей-самец произносит до 500 песен в час, 3500 за ночь и не менее полу-миллиона за весь брачный сезон.

Самец, прилетевший на место гнездование с запозданием, вынужден довольствоваться территорией низкого качества, непривлекательной для самок⁴⁷. Такой самец, не реализовавший свой репродуктивный потенциал, продолжает интенсивно петать до конца гнездового сезона, пока все его соседи заняты постройкой гнезд, насиживанием яиц и выкармливанием птенцов (до месяца и более).

Тот факт, что самцы птиц не всегда перестают петь и после приобретения партнерши, в какой-то степени снижает силу функциональных объяснений пения как механизма, ориентированного в основном или преимущественно на приобретение полового партнера. В данном случае речь идет о вокальных сигналах дальнего действия. Однако ящерицы, лишенные голоса, с такой же регулярностью проделывают серии высоко дифференцированных телодвижений, адресованных в пустоту.

У самцов ушастой круглоголовки это движения хвоста, которые животное проделывает с высокой регулярностью (одна и та же последовательность движений, показанная на рис. 7, периодически повторяется через определенные промежутки времени). Подобные формы поведения с точки зрения наблюдателя обладают всеми атрибутами коммуникативных сигналов (броскость, иерархическая организация движений и пр.). Напрашивается мысль, что эти акции есть своего рода «маяковый сигнал», указывающий другим претендентам на участок, что он уже занят. В этом отношении эти действия кажутся на первый взгляд во многом аналогичными пению птиц как по функции, так и по временной организации⁴⁸.

Но их трудно расценивать в качестве таковых, поскольку они воспроизводятся в подавляющем большинстве случаев в отсутствие очевидной схемы коммуникации, предполагающей наличие не только отправителя сигнала, но и адресата, а также согласованности действий коммуникантов. Последние два условия в изученном нами случае, как правило, не соблюдаются⁴⁹.

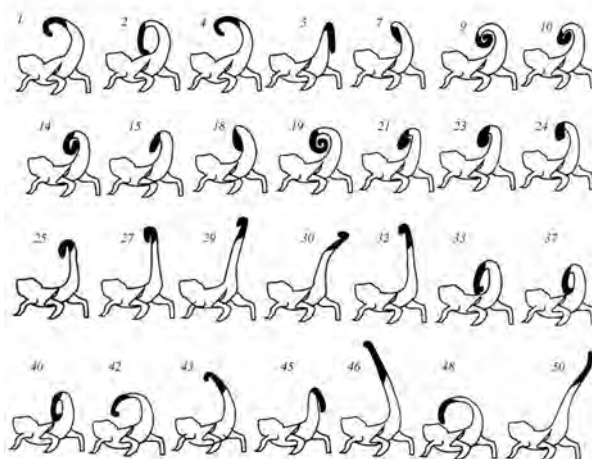

Рис. 7. Моторная координация движений хвоста у ушастой круглоголовки *Phrynocephalus mystaceus*.⁵⁰

Аналогичное явление описано и у других видов ящериц. Например, у самцов кавказской агамы *Laudakia caucasia* полный стереотип видоспецифических поклонов (рис. 8) наблюдается преимущественно в отсутствии социальной стимуляции (когда особь пребывает в постоянно используемом месте баскинга). Но как раз при социальных взаимодействиях этот стереотип выглядит «усеченным», вероятно, в силу того, что приоритетными действиями самца здесь оказываются целенаправленные формы поведения (такие как сближение с партнером), а не «сигнализации о намерениях»⁵¹.

Я придерживаюсь мнения, что регулярное воспроизведение подобных акций ящерицами, пребывающими в одиночестве, скорее всего, указывает на спонтанный характер этих действий, и что они детерминированы эндогенными процессами (в соответствии с предсказаниями т. н. энергетической модели мотивации⁵², а не внешней стимуляцией).

В то же время я не утверждаю, что акции, о которых идет речь, не могут обладать, в принципе, побочным сигнальным эффектом. Последний, в отдельных случаях, способен, вероятно, оказывать некоторое воздействие на поведение конспецифических особей, находящихся на небольшом расстоянии от конспецифика, который прodelьывает стереотипные движения хвоста. Каково это воздействие, сказать трудно, поскольку сама эта акция содержит информацию лишь о половой принадлежности «отправителя сигнала», но никак не о его намерениях. Важно заметить, что сам по себе стереотип **практически одинаков в репертуарах агрессивного и полового поведения.**

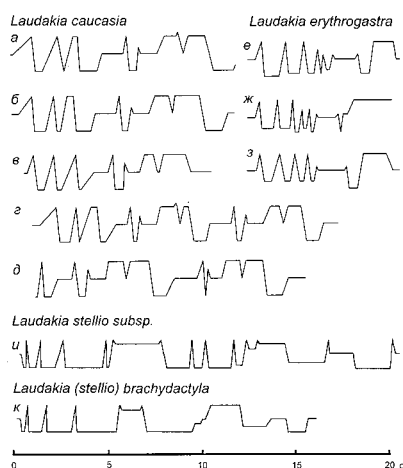

Рис. 8. Видоспецифические стереотипы поклонов у разных видов агам.⁵³

Еще немного о ложных аналогиях

Очень часто проводят параллели между языком и вокализацией птиц. Как пишет Фитч, несомненная регулярность в структуре песен птиц легко выявляется с использованием правил простой конечной грамматики (simple finite state grammar) или даже более сложных грамматик. Все это, по его мнению, указывают на существование иерархических фонологических структур.

Во всем этом нет ничего нового, если не считать намерений найти некую значимую общность в песнях птиц и языке человека. Способы организации песен птиц интенсивно исследуются орнитологами для выявления и анализа того, что здесь принято называть «синтаксисом»⁵⁴. Но все дело в том, что упорядоченные структуры в песнях птиц, с одной стороны, и в языке, с другой, не имеют между собой равным счетом ничего общего⁵⁵. Их сходство невозможно рассматривать даже в качестве конвергенции, поскольку это явления принципиально различного характера – как, например, небоскребы и гигантские жилища термитов. Птицы и млекопитающиеся впервые разошлись в эволюции 300 млн. лет назад, после чего в каждом классе было несколько ветвлений до появления приматов среди млекопитающих и певчих птиц – самого молодого отряда пернатых.

К истории появления словосочетания «язык животных»

В 1952 г. классик этологии Нико Тинберген выдвинул так называемую гипотезу ритуализации. Суть ее состояла в следующем. Некоторые фрагменты так называемого «повседневного» поведения, которые первоначально не несли коммуникативной функции, под действием естественного отбора постепенно приобретают некие броские, экстравагантные формы и становятся тем самым социально значимыми стимулами (социальными релизерами, **демонстрациями**).

Процесс был интерпретирован Н. Тинбергеном как «выделение» (эмансипация) коммуникативных сигналов из «аморфной» цепи повседневного поведения. На мой взгляд, формулирование эволюционного сценария, положенного в основу гипотезы Тинбергена, есть следствие неадекватных представлений ранних этологов о том, какой должна быть **«эффективная»** коммуникация. Полагали, что она может осуществляться лишь в случае «разборчивости» сигнала, транслируемого особью-отправителем особи-адресату.

По мнению Мойнайна «...ясность, точность и интенсивность трансляции должны быть полезным качеством или характеристикой

любого сигнала. Все это должно обеспечивать условие, что сигнал не может остаться незамеченным или нераспознанным. Это условие может быть наиболее легко выполнено путем формирования демонстраций выразительными (экстравагантными), стереотипными и четко отличимыми от всех других форм поведения»⁵⁶. Как полагал другой сторонник гипотезы ритуализации⁵⁷, «Движение можно считать ритуализованным только в том случае если ... оно претерпело преобразования под давлением отбора, улучшившего его коммуникативную эффективность». Процесс ритуализации ведет к усилению эффективности коммуникации за счет селекции «менее двусмысленных» сигналов в ущерб «более двусмысленным» (выделено мной – Е. П.).

Именно отсюда пошло представление о коммуникации животных как о диалоге, основанном на обмене семантически индивидуализированными, дискретными сигналами типа броских, «экстравагантных» демонстраций. Как раз на волне этих воззрений и могла появиться позже опровергнутая идея «языка танцев» у пчел.

Несомненная слабость гипотезы Тинбергена состоит еще и в том, что она не выдерживает критики с эволюционно-генетической точки зрения. Представления тех лет о механизмах действия естественного отбора лежали еще в русле так называемой «генетики мешка с бобами». Полагали, что из всего необозримого числа свойств вида естественный отбор в состоянии «распознать», вычленишь, подхватить и закрепить те из них, даже самые эфемерные, усиление которых будет способствовать оптимизации связанной с ним функции. Иными словами, господствовало убеждение, что всякий эволюционный процесс, вызванный отбором, всегда идет до конца, до полной замены менее приспособленной формы более приспособленной.

В наши дни картина выглядит принципиально иной. Из общей теории систем мы знаем, что система не может быть оптимизирована одновременно более чем по одному параметру. Поэтому оптимизация реальных биологических систем возможна лишь путем нахождения компромисса между противоречивыми требованиями оптимизации различных параметров. При том, что организацию живых существ пронизывают разнообразные корреляции и взаимозависимости, компромисс между различными адаптивными функциями должен быть особенно напряженным. Поэтому следует ожидать, что основа видоспецифической системы межперсональных отношений (социальное поведение и коммуникация) должна характеризоваться высочайшей степенью консерватизма. Причина этого в том, что сама эта система складывалась на почве тысячелетий выработки компромисса между противоречащими друг другу

потребностями максимальной оптимизации всех без исключения функций⁵⁸.

Сюда входят не только функции, непосредственно связанные с коммуникацией, но и те, что определяют структуру всех прочих категорий поведения (стоит напомнить, что само их разграничение есть процедура в целом условная). А ведь поведение организма есть не что иное, как внешняя проекция его морфологического устройства (способа организации психических процессов, физиологии органов чувств, конструкции тела и конечностей, и т.д.). Поэтому непонятно, каковы могут быть механизмы процесса, при котором естественный отбор способен вычленил и лелеять какой-либо один элемент так называемого «сигнального поведения»? Несколько перефразируя слова Мейена⁵⁹, можно сказать, что отбору не под силу заниматься мелочной опекой каждого отдельного сигнала.

На первый взгляд, гипотеза ритуализации кажется вполне правдоподобной, ибо опирается она на обыденную логику здравого смысла. А та, в свою очередь, оправдана лишь постольку, поскольку построена по аналогии с тем, что вполне применимо к эволюции коммуникативных систем человека. Поэтому анализируемая гипотеза, хотя широко используется поныне в специальной литературе как объяснительный принцип, с нашей точки зрения имеет сегодня лишь чисто исторический интерес⁶⁰.

С сожалением приходится признать, что взгляды, подобные высказанным К. Фришем и Н. Тинбергеном более полувека назад, на заре становления этологии, продолжают цепко удерживаться в сознании многих, интересующихся проблемами коммуникации. Более того, сегодня они «обогащаются» новыми воззрениями, еще более далекими от понимания того, как идут информационные процессы в популяциях животных. Одно из таких новшеств – так называемая «**честная коммуникация**» (honest communication). Идея родилась в начале 1990-х в умах таких кабинетных теоретиков как Дж. Мейнард-Смит и была подхвачена исследователями, сидящими одновременно на двух стульях: лингвистики и изучения приматов в условиях неволи (М. Хаузер и др.).

Не удивительно, что идея активнейшим образом эксплуатируется в книге У. Фитча, который, в частности, пишет: «Эволюция надежных (reliable) сигналов (часто именуемых «честными», вне их понимания как осознанно или намеренно правдивые) является сегодня центральным теоретическим ядром в изучении коммуникации животных»⁶¹.

Перед нами снова некая метафора, основанная на ложных аналогиях между поведением людей и животных. И снова весьма мало правдоподобный сценарий «эволюции таких сигналов». Это так на-

Е.Н. Панов

зываемый «отбор родичей» (kin selection), который Фитч считает равно ответственным и за становления мифического «языка танцев» у пчел, и в качестве движущей силы в процессе становления языка у людей⁶².

Похоже, он снова не в курсе событий, происходящих в сфере серьезного анализа эволюции поведения. Вот что сказано недавно коллективом авторов с участием одного из некогда активных сторонников идеи отбора родичей: «Из-за их оригинальности и **кажущейся объяснительной силы** представления об отборе родичей получили широкое распространение в качестве краеугольного камня социобиологии. Но при том, что эти воззрения играли роль парадигмы, доминировавшей в теоретическом изучении феномена социальности животных на протяжении 40 лет, их **продуктивность должна быть признана весьма скудной**» (выделено мной – Е. П.)⁶³.

Но это уже другая история...

Заключение

Основной вывод, который можно сделать из сказанного выше, состоит в следующем. Кардинальные сущностные различия в коммуникации у животных и у людей не дают ни малейшей надежды проследить постепенность трансформации систем коммуникации у животных в язык человека. Такого рода ожидания основаны на плоском эволюционизме, не принимающим во внимание реальность скачкообразных трансформаций биологических структур – того их типа, которые в эволюционной теории известны под названием ароморфозов⁵⁶.

Именно таким ароморфозом можно считать приобретение речи человеком и становления на этой почве сознания в строгом смысле этого слова.

Примечания

- ¹ Доклад на Круглом столе Института лингвистики РГГУ «Неязыковые когнитивные способности и эволюция языка» (4 апреля 2011 г.).
- ² По названию известной книги Р. Шовена о поведении животных: *Шовен Р. От пчелы до гориллы*. М.: Мир, 1965. 327 с.
- ³ Подчеркнуты названия групп, исследуемых приматологами в контексте проблемы когнитивных способностей приматов и эволюции языка. Рис. (с из-

менениями) с сайта «Primates at the Fort Worth Zoo», URL: <http://whozoo.org/mammals/Primates/primatetree.jpg>.

- ⁴ Рис. из: Goodman M., Tagle D.A., Fitch D.H., Bailey W., Czelusniak J., Koop B.F., Benson P., Slightom J.L. Primate evolution at the DNA level and a classification of hominoids // *Journal of Molecular Evolution* 1990. Vol. 30. P. 260–266.
- ⁵ Рис. из: Suzuki S., Kuroda S., Nishihara T. Tool-set for termite fishing by chimpanzees in the Ndoki Forest, Congo // *Behaviour*. 1995. Vol. 132 (3–4). P. 219–235.
- ⁶ Наблюдения за бонобо в неволе показали, что этот вид не менее искусен в использовании орудий, чем шимпанзе. В отличие от последнего, бонобо (преимущественно самки) проявляют орудийную деятельность в основном в игровых ситуациях. Авторы считают, что отсутствие сведений о таком поведении в бонобо в природе может быть связано с меньшей степени изученности этого вида по сравнению с шимпанзе (Gruber T., Clay Z., Zuberbühler K. A comparison of bonobo and chimpanzee tool use: evidence for a female bias in the *Pan* lineage // *Animal Behaviour*. 2010. Vol. 80. № 6. P. 1023–1033).
- ⁷ Панов Е.Н. Орудийная деятельность и коммуникация шимпанзе в природе // *Разумное поведение и язык (Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка)*. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 232–260.
- ⁸ Это стандартный камень преткновения теории естественного отбора. Речь идет о трудностях в объяснении прогрессивного развития сложных биологических систем, в том числе и высоко дифференцированных программ поведения. Сам Дарвин прекрасно понимал, что такого рода структуры способствуют выживанию только после того, как они достаточно полно «укомплектованы». Только после этого возможно их «улучшение» путем постепенного накопления частных изменений.
- ⁹ См., например: Savage-Rumbaugh S., Sevcik R.A., Brakke K.E., Rumbaugh D. M., Greenfield P.M. Symbols: their communicative use, comprehension, and combination by bonobos // *Advances in infancy research*. 6 / Eds. C. Rovee-Collier, L.P. Lipsitt. Norwood: Ablex Publishing Co, 1990. P. 221–278.
- ¹⁰ Как видно из рис. 1, мартышковые обезьяны (мартышки, макаки, павианы) разошлись с ветвью, ведущей к человеку, около 25 млн. лет назад.
- ¹¹ Урманцев Ю.А. Изомерия в живой природе. IV. Исследование свойств биологических изомеров (на примере венчиков льна) // *Ботанический журнал*. 1973. Т. 58. С. 769–783.
- ¹² Перечисление этих работ см. в статье: Arnold K., Zuberbühler K. The alarm-calling system of adult male putty-nosed monkeys *Cercopithecus nictitans martini* // *Animal Behaviour*. 2006. Vol. 72. P. 643–653, а историю такого рода заблуждений в публикации: Rendall D., Owren M.J., Ryan M.J. What do animal signals mean? // *Ibid*. 2009. Vol. 78. P. 233–240.
- ¹³ Seyfarth R.M., Cheney D.L., Marler P. Vervet monkey alarm calls: semantic communication in a free-ranging primate // *Animal Behaviour*. 1980. Vol. 28. P. 1070–1094.
- ¹⁴ Marler P., Evans C.S., Hauser M.D. Animal signals: reference, motivation or both? // *Nonverbal vocal communication: comparative and developmental approaches* / Eds. H. Papoušek, U. Jürgens, M. Papoušek. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. P. 66–86.

- ¹⁵ Подробнее об этом см.: *Fitch W.T.* The evolution of language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 189–194.
- ¹⁶ См., например: *Резникова Ж.И.* Современные подходы к изучению языкового поведения животных // Разумное поведение и язык (Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка). М.: Языки славянских культур, 2008. С. 293–336; *Фридман В.С., Бурлак С.А.* Обезьяны «говорящие» или только «думающие»? // Этология.Ру. URL: <http://ethology.ru/library/?id=263>. Вот выдержка из последней статьи: «Такие сигналы-символы или «имена» (выделено мной – Е. П.) определенных категорий существенных событий во внешнем мире особи были действительно описаны у целого ряда видов позвоночных. Это крики предупреждения об опасности у зеленых мартышек *Cercopithecus aethiops*, мартышек Диана *C. diana*, больших белоносых мартышек *C. nictitans* и других видов этого рода <...>, у луговых собак *Synotrys gunnisoni* <...>, у кольцехвостых лемуров *Lemur catta* <...> и цыплят домашних кур <...>».
- ¹⁷ *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 146 с.
- ¹⁸ *Fitch W.T.*, Op. cit. P. 147.
- ¹⁹ Ibid. P. 147–148.
- ²⁰ *Arnold K., Zuberbühler K.* Language evolution: Semantic combinations in primate calls // *Nature*. 2006. Vol. 441. P. 303.
- ²¹ *Хайнд Р.* Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М.: Мир, 1975. 855 с.
- ²² Приведу следующий пример. У одного из видов каменок, плясуньи *Oenanthe isabellina*, вокальным ответом на появление около гнезда лисицы или человека служат серии двух типов звуков, которые могут быть переданы звукоподражательно как «чек» и «тик». По ходу гнездового сезона уровень тревоги птиц при появлении у гнезда потенциального хищника определенно повышается, достигая максимума к моменту вылета птенцов. Соответственно меняется и характер использования названных звуков. В начале сезона в позывках тревоги абсолютно преобладает звук «чек», тогда как в дальнейшем в секвенциях все большее место занимает звук «тик». Если обозначить эти два звука литерами А и Б, характер смены секвенций по ходу сезона гнездования можно схематически обозначить так: ААААААА...; АААААБАААААБ...; АБББАББАББББ.
- Совершенно иной сигнал тревоги у того же вида имеет место в реакции на появление змеи (и не обязательно около гнезда). Он звучит как глухое шипение. Не ограничиваясь воспроизведением серий таких звуков, каменка упорно зависает над местом пребывания змеи до тех пор, пока та не ретируется. Совершенно очевидно, что в данном случае перед нами максимальный уровень общего возбуждения и страха у птицы.
- Оба варианта сигналов тревоги вызывают соответствующую реакцию и у полового партнера особи, обнаружившей опасность. В первом случае эта вторая птица начинает издавать серии звуков «чек» и/или «тик», во втором она может присоединиться к окрикиванию (моббингу) змеи.
- Подобное «выборочное» использование звуков из репертуара сигналов тревоги описано у многих видов птиц и представляет собой самое заурядное явление. Однако утверждение, будто бы все это свидетельствует о референтности таких сигналов, прозвучало бы полнейшим абсурдом для каждого профессионального этолога.

- ²³ По Фитчу, к их числу относятся: категоризация и научение, восприятие времени и планирование, умозаключения, способность к элементарному счету, соблюдение упорядоченности (serial order) в поведенческих последовательностях.
- ²⁴ *Fitch W.T.* Op. cit. P. 150.
- ²⁵ Отдавая себе отчет в неуклюжести этого словосочетания, Фитч предлагает для него эрзац: «когнитивная обработка информации (cognitive processing)». Но дело сделано, и вот уже на семинаре «Неязыковые когнитивные способности и эволюция языка» А.А. Кибрик заявляет, что Фитч уверен в существовании **мышления** у животных.
- ²⁶ *Bluff L.A., Weir A.S., Rutz C., Wimpenny J.H., Kacelnik A.* Tool-related cognition in New Caledonian crows // *Comparative Cognition and Behavior Reviews*. 2007. P. 20.
- ²⁷ *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914. С. 723.
- ²⁸ См. об этом: *Панов Е.Н.* «Когнитивная революция» в изучении поведения животных: отказ от правила Ллойда – Моргана // *Этология и зоопсихология*. 2011. № 2. 18 с.
- ²⁹ *Fitch W.T.* Op. cit. P. 200.
- ³⁰ История этого опровержения изложена в книге: *Веннер А., Уэллс П.* Анатомия научного противостояния. Есть ли «язык» у пчел? / Под ред. Е.Н. Панова. М.: Языки славянских культур, 2011. 487 с.
- ³¹ О цикличности смены в науке двух составляющих оппозиции «натурализм – антропоморфизм» см.: *Кременцов Н.Л.* Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений // *Этология и зоопсихология*. 2010. № 2. 20 с.
- ³² *Rendall D., Owren M.J., Ryan M.J.* Op. cit. P. 233–240.
- ³³ *Фабр Ж.А.* Жизнь насекомых. Рассказы энтомолога. М.: Гос. учебно-педагогическое изд., 1966. С. 66.
- ³⁴ См. например, в применении к песенному поведению птиц: *Панов Е.Н., Костина Г.Н., Галиченко М.В.* Организация песни у южного соловья *Luscinia megarhynchos* // *Зоологический журнал*. 1978. Т. 57. № 4. С. 569–581; в отношении комфортного поведения грызунов: *Berridge K.C.* Comparative fine structure of action: rules of form and sequence in the grooming patterns of six rodent species // *Behaviour*. 1990. Vol. 113. № 1–2. P. 21–56.
- ³⁵ A1, A2, A3 – последовательные действия коммуниканта А; B1, B2, B3 – то же, коммуниканта Б. Цит по: *Slater P.J.B.* Describing sequences of behavior // *Perspectives in ethology*. 1 / Eds. P.P.G. Bateson, P.H. Klopfer. N.Y.: Plenum Press, 1973.
- ³⁶ В действительности, диалог у людей не отвечает этим представлениям на уровне «здравого смысла», но организован несравненно сложнее.
- ³⁷ *Halliday T.R.* An observational and experimental study of sexual behaviour of the smooth newt *Triturus vulgaris* (*Amphibia, Salamandridae*) // *Animal Behaviour*. 1975. Vol. 23. № 2. P. 291–322.
- ³⁸ *Панов Е.Н.* Механизмы коммуникации у птиц. М.: URSS, 2009. 304 с.; *Он же.* Методологические проблемы в изучении коммуникации и социального поведения // *Итоги науки и техники. Зоология позвоночных*. Т. 12. М.: ВИНТИ, 1983. С. 1–70.
- ³⁹ См., например: *Schleidt W.M.* Tonic communication: continual effects of discrete

- signals. *Journal of Theoretical Biology*. 1973. Vol. 42. P. 359–386; *Van Den Berken J.H.L., Cools A.R.* Information-statistical analysis of factors determining ongoing behaviour and social interactions in Java monkeys (*Macaca fuscicularis*) // *Animal Behaviour*. 1980. Vol. 28. P. 189–200.
- ⁴⁰ У большинства рептилий вокализация отсутствует, а в половых взаимодействиях ряда видов задействованы оптический и тактильный и ольфакторный каналы связи.
- ⁴¹ Последовательность действий самца у камня, заранее избранного им как места, благоприятного для привлечения самок на его участок (центр социальной активности): характерный по моторике («трепещущий») полет в сопровождении песни – многократное залезание в нишу под камнем со звуками иного характера – отлет с песней на постоянный песенный пост. Вся цепочка акций представляет собой единый «сигнал», воспроизводимый многократно по ходу формирования пары. Цит. по: *Panov E.N.* Wheatears of Palearctic. Ecology, behaviour and evolution of the genus *Oenanthe*. Sofia: Pensoft, 2005. 439 p.
- ⁴² Неправомерному отрыву анализа акустической коммуникации от прочих составляющих коммуникативного процесса способствовало широкое использование в исследованиях звукозаписывающих устройств. В книге Фитча речь идет в основном о «вокальных сигналах», без упоминания о том, что они представляют собой не более чем фрагменты полимодальных конструкций, искусственно вырванные из целостных структур.
- ⁴³ Об аналитической процедуре описания такого рода сигнализации см.: *Панов Е.Н.* Механизмы коммуникации...; об адекватности подхода см.: *Miller E.H.* Description of bird behavior for comparative purposes // *Current Ornithology*. 1988. Vol. 5. P. 347–394.
- ⁴⁴ *Beer D.J.* Multiple functions and gull displays // *Function and evolution in behaviour*. Oxford, 1975. P. 16–54.
- ⁴⁵ Стрелками показаны переходы в стереотипных последовательностях поз и акций, в равной степени присущие ситуациям агрессивного и полового поведения. Цит. по: *Панов Е.Н., Павлова Е.Ю., Непомнящих В.А.* Сигнальное поведение журавлей (стерх *Sarcogeranus leucogeranus*, даурский *Grus vipio*, японский *Grus japonensis*) в свете гипотезы ритуализации // *Зоологический журнал*, 2010. Т. 89. № 8.
- ⁴⁶ *Slater P.J.B.* Op. cit. P. 131–153.
- ⁴⁷ См., например: *Панов Е.Н., Корзухин М.Д.* Качество индивидуальных территорий и успех самцов при образовании пар у черной каменки (*Oenanthe picata*) // *Зоологический журнал*. 1974. Т. 53. № 5. С. 737–745.
- ⁴⁸ И то и другое есть типичные формы так называемого «сериального поведения».
- ⁴⁹ *Панов Е.Н., Целлариус А.Ю., Непомнящих В.А.* Моторные координации в поведении ушастой круглоголовки (*Phrynocephalus mystaceus*: *Reptilia, Agamidae*): сигнальные функции и эндогенные ритмы // *Зоологический журнал*, 2004. Т. 83. № 8. С. 971–982.
- ⁵⁰ Цифры – номера видеокадров. Цит. по: *Панов Е.Н., Целлариус А.Ю., Непомнящих В.А.* Указ. соч.
- ⁵¹ *Панов Е.Н., Зыкова Л. Ю.* Горные агамы Евразии. М.: Лазурь, 2003. 304 с.
- ⁵² См.: *Хайнд Р.* Энергетические модели мотивации // *Моделирование в биологии*. М.: ИЛ, 1963. С. 273–298.

- ⁵³ Вверху – траектории положения головы у четырех самцов кавказской ага-мы (*Laudakia caucasia*, слева) и трех – хорасанской (*L. erytrogastrea*, справа). Внизу – у самцов двух форм, которые рассматриваются в качестве подвидов обыкновенного стеллиона *L. stellio*. По видеозаписям. Цит. по: *Панов Е.Н., Зыкова Л.Ю.* Указ. соч.
- ⁵⁴ См., например, в: *Панов Е.Н., Костина Г.Н., Галиченко М.В.* Указ. соч.
- ⁵⁵ Подобного рода упорядоченность структур (включая рекурсию) обнаруживается и в комфортной активности грызунов, где ее также условно именуют «синтаксисом». См., например, *Berridge K.C.* Op. cit.
- ⁵⁶ *Moynihan M.* Control, suppression, decay, disappearance and replacement of display // *Journal of Theoretical Biology.* 1970. Vol. 29. P. 85–112.
- ⁵⁷ *Hazlett B.A.* Ritualization in marine crustacea // *Behavior of marine animals.* Vol. 1. N.Y.: Plenum Press, 1972. P. 97–125.
- ⁵⁸ *Расницын А.П.* Темпы эволюции и эволюционная теория (гипотеза адаптивного компромисса) // *Эволюция и биоценотические кризисы.* М.: Наука, 1987. С. 46–64.
- ⁵⁹ *Мейен С.В.* Проблема направленности эволюции // *Итоги науки и техники. Зоология позвоночных.* Т. 7. М.: ВИНТИ, 1975. С. 79.
- ⁶⁰ Подробнее о попытке фальсификации этой гипотезы на обширном эмпирическом материале см.: *Панов Е.Н., Павлова Е.Ю., Непомнящих В.А.* Указ. соч. С. 1–29.
- ⁶¹ *Fitch W.T.* Op. cit. P. 195.
- ⁶² Ibid. P. 424–429.
- ⁶³ *Nowak M.A., Tarnita C.E., Wilson E.O.* The evolution of eusociality // *Nature.* 2010. Vol. 466. № 26. P. 1057–1062.
- ⁶⁴ *Северцов А.Н.* Морфологические закономерности эволюции. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 610 с.

Генерирование метафор как показатель инородности «декамероновской» истории в «Жизнеописании Эзопа»¹

Эзоп и его госпожа совершают прелюбодеяние. Госпожа отказывает Эзопу в обещанном вознаграждении. Он выносит конфликт на суд хозяина, используя метафору для изложения сути конфликта. Само прелюбодеяние в изложении Эзопа оказывается вынесенным за скобки. В статье доказываем, что на фоне соседних эпизодов «Жизнеописания Эзопа» данный эпизод смотрится «инородным телом». Для этой части романа наиболее характерен следующий тип эпизода: работник выполняет данный ему приказ формально правильно, но фактически искажает волю хозяина. Рассматриваются аналогичные эпизоды в фольклорных текстах («Тиль Уленшпигель», народные сказки).

Ключевые слова: «Жизнеописание Эзопа», «Тиль Уленшпигель», метафора, тропы, семантическая подмена, хозяин и работник, народная сказка.

1. Декамероновский эпизод «Жизнеописания Эзопа»

1.1. Предисловие

«Жизнеописание Эзопа» трудно охарактеризовать в нескольких словах. Речь в нем идет о жизни и приключениях греческого баснописца, прошедшего путь от немого раба-землекопа до советника народных собраний и царей. Неслыханный взлет оканчивается крахом – Эзопа обвиняют в святотатстве и сбрасывают со скалы.

«Жизнеописание» – произведение небольшое, но насыщенное событиями. Перед взором читателя сменяются лица, обстоятельства, страны. Существует, вдобавок, по меньшей мере две законченных версии «Жизнеописания» – Вестерманниана и Перриана (W и G)². Состав эпизодов в них несколько разнится. Следуя М.Л. Гаспарову, соединившему в переводе обе версии в одну, мы будем рассматривать никогда не существовавший гибрид обеих редакций.

Нас интересует не весь роман, а лишь один его отрезок. Эзоп служит рабом у философа Ксанфа. Житие Эзопа у Ксанфа – цепочка эпизодов. Есть среди них и похожие друг на друга, есть и стоящие

особняком. Можно ли говорить о нескольких типах эпизодов, и если да, о каких? Подчиняется ли линия эпизодов определенной логике? На этот вопрос критики давали разные ответы³ – и вряд ли последнее слово когда-нибудь будет сказано.

Одна история, на мой взгляд, разительно выделяется на общем фоне. «Фон» мы будем рассматривать подробнее, нежели эту историю – но начнем именно с нее. Итак, в один прекрасный день в доме Ксанфа происходит следующее событие.

1.2. Анализируемый эпизод

Вот как выглядит этот эпизод в переводе М.Л. Гаспарова. На некоторые особенности оригинала я обращаю внимание в примечаниях:

Однажды Эзоп, оставшись один, поднял себе подол и взял в руку одну свою штучку⁴. Тут вдруг входит жена Ксанфа и спрашивает:

– Эзоп, что это у тебя?

– Дело делаю, – говорит Эзоп, – полезное для здоровья и для желудка.

А она увидела, какая у него эта штука добротная да крепкая, и взыграла в ней кровь; даже про уродство его забыла думать.

– Слушай, Эзоп, – говорит, – сделай то, о чем я тебя попрошу, и увидишь, тебе будет послаще, чем хозяину.

– Ты же знаешь, – отвечает Эзоп, – как проведает про это хозяин, достанется тогда мне, и поделом.

А она смеется и говорит:

– Удовольствуй меня десять раз⁵ – получишь плащ.

– Побожись, – требует Эзоп.

А она до того вся распалилась, что взяла и побожилась, и Эзоп поверил; да и хотелось ему отомстить хозяину.

Вот удовольствовал он ее⁶ девять раз и говорит:

– Хозяйка, больше не могу!

А она, испытав его силу:

– Десять раз, – говорит, – а не то ничего не получишь!

Поднатужился он в десятый раз и попал, да не туда⁷. Но говорит:

– Давай теперь плащ, не то пожалуюсь хозяину!

А она ему:

– Я тебя позвала свое поле вспахать, а ты за межу⁸ заехал и на соседнее попал! Давай еще раз, и получай плащ!

Тут пришел домой Ксанф, Эзоп ему и говорит:

– Рассуди меня, хозяин, с твоей хозяйкой!

– В чем дело? – спрашивает Ксанф.

– Слушай, хозяин, – говорит Эзоп. – Пошли мы с твоей хозяйкой в сад, и увидела она яблоню, всю в яблоках⁹. Посмотрела она на ветку, захотелось ей яблочка, и говорит она мне: «Если сможешь запустить камнем¹⁰ и стряхнуть мне десяток яблок, я тебе плащ подарю». Запустил я камнем и стряхнул ей ровно десять, да одно из них в навоз упало. А теперь она не хочет мне плащ давать.

Хозяйка это слышит и говорит мужу:

– Конечно: я-то получила только девять, а то, которое в навозе, не в счет. Пусть он еще раз бросит камень и еще одно мне стряхнет, тогда дам ему плащ.

– Да яблоко-то еще не вызрело, – отвечает Эзоп.

Ксанф выслушал обоих, приказал дать Эзопу плащ и говорит:

– Ступай, Эзоп, сейчас на рынок, а то мне немогут; потом стряхнешь то яблоко и отдашь хозяйке¹¹.

– Непременно, муженек, – говорит хозяйка, – только ты сам не тряси, пускай Эзоп стряхнет, а я тогда и отдам ему плащ.

1.3. Метафоры эпизода

А. Вся соль истории – не в том, что случилось между хозяйкой и Эзопом с глазу на глаз, а в умении Эзопа достичь своей цели. Разбирательство перед лицом Ксанфа – важнейшая часть эпизода, само прелюбодеяние выглядит предлогом и поводом к нему.

Б. Перед нами несколько метафор – отталкивающихся друг от друга, передающих друг другу эстафету. Сколько их здесь? Бесспорных метафор – две.

1. Первая – в словах госпожи («ты за межу заехал и на соседнее (поле) попал»). Госпожа, видимо, и представить себе не может, что Эзоп вынесет спор на суд хозяина. Но Эзоп совершает ловкий маневр и предъявляет Ксанфу другую сельскохозяйственную метафору – не столь очевидную и откровенную. (В самом деле, мужчина – пахарь, женщина – земля – это уж слишком традиционно и «архетипично»¹²). Итак, Эзоп выдвигает свою метафору:

2. Хозяйка обещала мне плащ, если я одним ударом собью десять яблок; я сбил девять, одно упало в навоз – рассуди нас. Здесь метафоризируется не столько соитие, сколь недоведенная до конца работа, причем – не по вине исполнителя. Далее, эта же метафора всплывает вновь в последней реплике госпожи (слова, выделенные курсивом). Насколько я могу судить, здесь мы имеем дело не столько с переводом, сколь с реконструкцией¹³. Текст в этом месте очень сильно испорчен.

3. Есть, возможно, еще одна метафора. Речь идет о третьей от конца реплике – «Да яблоко-то еще не вызрело.» Здесь довольно существенное отличие перевода от оригинала. Эзоп говорит: «οὐκέτι μου ὁ καρπὸς εὐρονέει», т.е. «мой плод уже не плодоносен»¹⁴. Идет ли речь о все о том же выдуманном дереве, с которого Эзоп якобы сбивал плоды? Отчасти – да. Ксанф, во всяком случае, должен продолжать считать именно так. Но я думаю, что речь здесь не только о нем. На это подозрение наводит ряд вопросов:

а) имеет ли право Эзоп называть плод дерева *своим* («моим», μου) на том основании, что он должен его сшибить?

б) каким образом может быть плодоносен именно плод, а не его, так сказать, источник? Глагол εὐρονέει встречается край-

не редко. Чуть ли не единственное употребление мы находим у Феофраста (*De causis plantarum*, 1,14,1, 1-3). Об овцах – здесь они названы *εὐτοκήσαντα*, «плодовитыми» либо «легко рождающими», и *εὐγονοῦντα* (видимо, «дающими обильное потомство») – сказано, что они «вновь устремляются к беременности», *πάλιν ὀρμῇ πρὸς κήσιν*. Глагол *εὐγονέω* здесь относится к тому, что рождает, но не к тому, что рождается. Беда в том, что *εὐγονέω* употребляется крайне редко. Отглагольное существительное *εὐγονία* («плодовитость») имеет несколько большее распространение. В примечании я привожу несколько примеров, где оно также относится к тому, что рождает¹⁵. Во всяком случае, «*καρπὸς εὐγονεῖ*» в устах Эзопа оставляет ощущение некоторой странности.

в) если речь идет о дереве (а она, конечно, идет *в том числе* и о нем – Ксанф не должен догадаться) – так вот, если это так, не совсем понятно, как это согласуется с тем, что выше оно было названо *κατάκαρπος* (т. е. «обильное плодами»).

Словом, я предполагаю, что под плодом Эзоп, говоря словами М.Л. Гаспарова, подразумевает свою «штуку»¹⁶. Это я утверждаю, впрочем, сугубо предположительно. Реплика Эзопа слишком мимолетна. Прояснить дело могло бы сравнение с другими метафорическими описаниями любовных дел в греческой литературе – но эта масштабная задача не входит сейчас в мои цели. Речь пойдет о том, какое место занимает этот эпизод в «Жизнеописании».

В. Но даже если метафор в эпизоде только две, это не меняет дела принципиально. Одно и то же событие описывается сначала открытым текстом, а затем посредством метафор – ситуация для «Жизнеописания» уникальная. Посмотрим теперь: на фоне каких событий разворачивается прелюбодейный эпизод?

2. Роспись эпизодов

2.1. Несколько слов о Ксанфовой части «Жизнеописания Эзопа»

Эту историю необходимо рассмотреть в одном ряду с другими эпизодами Ксанфовой части. Я ставлю своей задачей показать его инородность по отношению к ткани романа. Насколько мне известно, впервые такое мнение было высказано Н.В. Брагинской¹⁷. Рассматривать текст при этом мы будем и формально и, так сказать, содержательно – с точки зрения характеров героев и преследуемых ими целей.

Поначалу отношения Эзопа и Ксанфа складываются неплохо. Ксанф (он, заметим, по роду деятельности философ) покупает уродливого Эзопа, восхитившись его дерзкими и остроумными от-

ветами. Первое время хозяина и раба связывают чуть ли не приятельские, во всяком случае – доверительные, «партнерские» отношения. Вскоре, однако, все меняется. Эзоп начинает саботировать распоряжения Ксанфа.

Далее мы предложим роспись Ксанфовой части – краткий пересказ эпизодов. Роспись охватывает только один отрезок Ксанфовой части, включающий события от зарождения конфликта и вплоть до эпизода, служащего его разрешением.

Этот отрезок повествования выбран для рассмотрения по следующим причинам: (а) Он является контекстом декамероновского эпизода. (б) Примерно половина его историй основывается на тех или иных *семантических подменах* (см. ниже, разделы 3.1 и 3.4), с которыми могут быть сопоставлены метафоры декамероновского эпизода. Ни до, ни после семантические подмены (во всяком случае, в таком количестве) в романе не встречаются.

«Жизнеописание Эзопа» поделено на главы (правильнее было бы сказать – главки, объем каждой приблизительно равен абзацу). В одной главе может содержаться более одного эпизода, некоторые эпизоды могут охватывать несколько глав.

В *росписи* каждому эпизоду мною даны номер и условное название. Затем указывается номер глав(ы) текста. Например: 5. *Свинные ноги*, 42–43¹⁸.

Не все эпизоды идут непосредственно друг за другом – более крупные перебиваются более мелкими. В нашем случае это несущественно, в росписи они идут последовательно.

2.2. Роспись эпизодов

1. *Сосуд без масла*, 38. Ксанф велит Эзопу сопровождать его в баню и захватить с собой все необходимые принадлежности – «бери сосуд (*лекиф*) и полотенца, и пошли в баню» (G 38, 2). По прибытии выясняется, что сосуд, в котором должно было быть масло, пуст. В свое оправдание Эзоп ссылается на недавний приказ Ксанфа – *делать только то, что приказано, не больше и не меньше* (G 38, 1-2). А позаботиться о том, чтобы в сосуде было масло – такого приказа не было. Под знаком этого приказа проходят первые одиннадцать эпизодов конфликта. Ксанф упорно не желает отменять неудобное для него распоряжение, Эзоп неизменно использует его Ксанфу во зло.

Этот эп. имеется только в версии G, «Перриане».

2. *Чечевица*, 39, 41. Ксанф велит Эзопу сварить гостям чечевицу. Наученный опытом, он подробно расписывает все действия, которые должен совершить слуга – «свари нам чечевицу: положи ее в котел, и воды добавь, и поставь на кухонный очаг, и подложи дрова и зажги, а если погаснет – раздуй.» Эзоп, тем не менее, находит способ сорвать планы хозяина – он варит одно зернышко чечевицы, сославшись на то, что Ксанф употребил слово в единственном числе.

3. *Питье после бани*, 40 (начало). Ксанф велит Эзопу дать испить после бани – Эзоп приносит грязной воды из бани. Здесь труднопереводимая игра слов в выражении. Выражение оригинала – ἀπὸ τοῦ βαλανείου – может означать как «от (из)» так и «после бани».

М.Л. Гаспаров передает эту двусмысленность так: «Эзоп, дай попить людям прямо из бани.»

4. *Омовение ног*, 40 (конец). Ксанф велит Эзопу помыть ему ноги. Делает это он в следующих словах: «поставь сюда лохань». Эзоп ставит пустую лохань и больше ничего не делает. Не будешь мыть? – удивляется Ксанф. А ты не сказал: наполни водой, помой мне ноги, надень сандалии и т. д. – парирует слуга.

5. *Свинные ноги*, 42–43. Ксанф велит Эзопу сварить свиные ноги, числом четыре. Затем он тайком похищает из котла одну ногу (чтобы наказать своего слугу, когда недостача выявится). Эзоп обнаруживает пропажу, отрезает ногу у живого поросенка и бросает в котел. Тем временем Ксанф возвращает похищенную им ногу. В результате сваренными оказываются пять ног. Эзоп оправдывается тем, что общее число ног как раз таково, каким должно быть у двух животных: посмотри, здесь пять ног, а во дворе пасется трехногий поросенок.

6. *Благоволящая*, 44–46, 49–50. Ксанф пирует у одного из учеников. Он велит Эзопу отнести домой корзинку с едой и передать ее «благоволящей». Ксанф имеет в виду свою жену, но Эзоп скормливает яства собаке – именно она по-настоящему «благоволит» своему господину.

Нет оснований считать, что причастие (благоволящая) имеет значение «супруга», и Эзоп не обязан понимать его в этом смысле. В этом можно убедиться, просмотрев все случаи употребления этого причастия в TLG¹ (их число, за вычетом версий «Жизнеописания Эзопа», равняется 18). См тж. словарь Лидделла-Скотта vs. εὐνοέω – ‘благоволи́ть, хорошо относиться’ (to be well-inclined or favourable).

У М.Л. Гаспарова εὐνοοῦσα переводится как «благоверная». Такое решение вполне подходит для художественного перевода, но все же представляется мне неточным – ведь слово «благоверная» в современном русском языке имеет значение ‘супруга’; более того, если оно употребляется как существительное, то других значений не имеет.

7. *Великое смятение*, 47. На пиру Эзоп дает осторумный ответ на вопрос, когда наступит на земле великое смятение? – «Когда мертвые восстанут из могил и потребуют свое добро назад.»

8. *Почему овца молчит*, 48. На пиру Эзоп дает остроумный ответ на вопрос, почему перед жертвоприношением овца ведет себя спокойно, а поросенок верещит? – «Овца не боится железа, потому что ее регулярно стригут, а поросенок знает, что он годен только на мясо.»

9. *Возвращение убежавшей жены*, 50а. Жена Ксанфа обиделась на то, что ей предпочли собаку (6 эп.). Она возвращается в родительский дом. Ксанф бессилён поправить дело. Возвращает беглянку Эзоп. Он отправляется на рынок, покупает припасов, а затем как бы невзначай оказывается возле дома родителей своей хозяйки. «Братишка, — спрашивает он у тамошнего раба, — а у вас гусей нельзя купить? И прочего, что нужно для свадьбы?» Слово за слово, Эзоп рассказывает, что Ксанф завтра собирается жениться на другой. Раб тут же сообщает все Ксанфовой жене. Она поспешно возвращается домой.

Этот эп. имеется только в версии W, «Вестерманниане».

10. *Свиные языки*, 51–55. Ксанф велит Эзопу приготовить на обед «нечто прекрасное». Эзоп готовит свиные языки — под всевозможными видами. Он подает гостям языки варенные в остром соусе, печено-перченые, приготовленные с пряностями и т. д. Гости, поначалу довольные, начинают чувствовать изнеможение. Ксанф в гневе требует объяснений. «А разве ты не приказал приготовить прекрасное и полезное? — отвечает раб. — Что же на свете лучше языка? Вся человеческая культура держится на нем.» Ответ принимается с общего согласия.

На следующий день Ксанф велит Эзопу приготовить «нечто плохое и отвратительное». Эзоп готовит то же самое и объясняет на этот раз, что с помощью языка разжигается вражда, распространяется клевета и т. д. Хуже языка ничего нет (54–55).

11. *Аперьергос*, 56–64. Ксанф велит Эзопу найти Человека-который-не-делает-лишнего (гр. *ἀπερίεργος*). По мнению Ксанфа, такого человека на свете нет. Эзоп быстро находит претендента на звание *аперьергоса* и приводит его домой. Ксанф и его жена всячески пытаются спровоцировать гостя — но он остается невозмутим, какие бы странные дела ни творились перед его глазами. Ксанф признает свое поражение и отменяет данный ранее приказ — делать только то, что велено, не больше и не меньше.

В версии W Эзоп делает две попытки найти *аперьергоса* — первая (57–58) заканчивается неудачей и поркой. В версии G эта часть рассказа отсутствует.

М.Л. Гаспаров переводит слово *περίεργος* (тот-кто-делает-лишнее) как «пролаза и любознателька». Соответственно, *ἀπερίεργος* передается как «нелюбопытный».

12. *Сколько людей в бане?* 65 (начало), 66. Эзоп должен узнать, много ли людей в бане. Он сообщает Ксанфу, что там всего один человек. На самом деле их много. Эзоп счел человеком только одного — убравшего с дороги мешавший всем камень.

13. *Эзоп и стратег*, 65. Эзопа останавливает некий начальник (в романе он назван «стратегом») и спрашивает: «Куда идешь?» «Не знаю», — отвечает Эзоп. Обиженный начальник велит посадить его под стражу. «Видишь, правильно я тебе ответил — встретил тебя и в кутузку попал», — замечает Эзоп. Стратег освобождает его.

14. *Почему люди оборачиваются?* 67. Эзоп сопровождает Ксанфа в уборную. Ксанф спрашивает, почему после дефекации люди оборачиваются и старательно изучают получившийся результат. Эзоп рассказывает о человеке¹⁹, который опорожнял свой желудок столь усердно и продолжительно, что даже лишился мозга. «Впрочем, — добавляет Эзоп, — тебе это не грозит — у тебя их нет.»

Функциями «мозгов» греки наделяли *φρένες*, грудобрюшную перегородку — объект пространственно близкий к желудку и кишечнику.

15. *Три чаши*, 68. Эзоп рассказывает Ксанфу притчу: Дионис повелел людям ограничиваться тремя чашами вина. Первая чаша дарует наслаждение, вторая — веселье, третья приносит ощущение, что тебе море по колено²⁰. От последней надо отказаться.

16. *Пари Ксанфа*, 69–74. Несмотря на предостережение Эзопа, Ксанф спяну заключает пари со своим учеником. Он обязуется выпить море. Спасает своего господина Эзоп — он научает его выступить со встречным требованием. Контрагент должен прекратить поступление в море речной воды. Ксанф спасен. В награду Эзоп требует свободы. Ксанф грубо отвергает это требование. Эзоп решает отомстить.

17. *Прелюбодеяние*, 75–76. Тот самый эпизод, которому посвящена эта статья.

В Перрианне (версии G) сохранился только его конец²¹.

18. *Две вороны*, 77. Ксанф велит Эзопу выйти за ворота и рассмотреть удачное знамение («я ведь птицегадатель»). Таковым является *пара ворон*. Когда они усядутся перед домом, Эзоп должен позвать своего хозяина — «ведь этот знак означает удачу для видящего». (Ксанф хочет умышленно осчастливить себя счастливой приметой). Выходит незадача: пока Эзоп ходит звать своего хозяина, одна из ворон улетает. Ксанф велит выпороть раба. Приходит кто-то и зовет Ксанфа на обед. «Хозяин, нет толку в приметах, — говорит Эзоп. — Я увидел пару и выпорот, ты — одну, и идешь на пир.» Ксанф велит прекратить порку.

19. *У меня и сзади глаза*, 77a. По поручению Ксанфа Эзоп готовит обед. Эзоп просит госпожу проследить, чтобы собака не съела ничего из яств. «Не волнуйся, — отвечает она, — у меня глаза и пониже спины есть» (*ἐμὸν γὰρ καὶ ὁ καὶ ὁ ὀφθαλμοῦς ἔχει*)²². Спустя

какое-то время Эзоп обнаруживает, что госпожа уснула. Он задирет ей хитон, чтобы задние глаза могли следить за сохранностью трапезы. Появляется Ксанф с гостями. Выслушивав объяснения Эзопа, он грозит рано или поздно запороть его до смерти.

Этот эп. имеется только в версии W, «Вестерманниане».

20. *Чем вертит собака?* 77b. Ксанф велит Эзопу встать перед воротами и пускать в дом «одних только мудрецов». Эзоп тестирует гостей с помощью одного-единственного вопроса: «τί σέλει ὁ κῶλυ;» (чем виляет собака?). В результате Ксанфу приходится пировать в обществе одного-единственного гостя, давшего правильный ответ: «хвостом». В чем же дело? Гости Ксанфа слышат в вопросе нечто иное и, оскорбленные, уходят (τίς ἐγὼ, ὦ κῶλυ – «кто ты, собака?»). Назавтра, при разбирательстве, гости снова признают правоту Эзопа.

Этот эп. имеется только в версии W, «Вестерманниане».

21. *Аббревиатура* 78–80. Ксанф с Эзопом отправляются погулять за город. На кладбище они встречают странное надгробие с надписью «Α Β Δ Ο Ε Θ Χ» (У М.Л. Гаспарова – О П Д Н З). Ксанф не может расшифровать надпись.

Тут музы в своей божественной милости осенили Эзопа разумением и он сказал:

– Хозяин, если я по этой надписи найду для тебя клад, что ты мне дашь за это?

– Половину клада и свободу! – ответил Ксанф.

(перев. М.Л. Гаспарова)

Эзоп находит клад. Ксанф требует объяснений («Мне догадка интересней, чем находка!»). Эзоп растолковывает ему аббревиатуру: О – отойди; П – правей; Д – деревья; Н – найдешь; З – золото. «Раз ты так умен и догадлив, на свободу я тебя не отпущу!» – заявляет Ксанф. Тогда Эзоп предлагает новую интерпретацию надписи: сокровище надо вернуть владельцу («О – отдай; П – правителю; Д – Дионисию; Н – найденное; З – золото»). «Ладно, бери, Эзоп, половину золота, только помалкивай», – говорит слегка напуганный Ксанф. Но тут выясняется, что половина золота полагается Эзопу не по милости хозяина, «а по воле закопавшего»: О – откопав; П – поделите; Д – добром; Н – найденное; З – золото.

Хозяин с рабом направляются домой, и там Ксанф отказывается от всех своих обещаний. Эзопа запирают под замок – вдруг он расскажет о находке правителю Дионисию? Ксанф не соглашается даже и на такое предложение: в обмен на свободу забрать себе все золото. Кончается история так: «Если не отпустишь меня по доброй воле, – говорит Эзоп, – силой будешь принужден к этому.» Ксанф огрызается в ответ.

Таково окружение прелюбодейного эпизода. Далее следует длинная, состоящая из ряда эпизодов, история – Эзоп истолковы-

вает загадочное знамение и освобождается от Ксанфа. Нас она уже не интересует.

3. Окружение декамероновского эпизода. Семантические подмены и приказные эпизоды

3.1. Эпизоды с семантическими подменами

В прелюбодейном эпизоде мы имеем дело с несколькими сплетенными метафорами. Других метафор в рассматриваемом отрезке Ксанфовой части, судя по всему, нет. С чем же можно сопоставить прелюбодейный эпизод?

Казалось бы, естественный путь исследования – выявить и проанализировать остальные тропы. Они и в самом деле имеются в нашем отрезке текста (встречается и метонимия, и синекдоха – по одному разу). Можно добавить гиперболу (обычно ее считают не тропом, а фигурой речи). Но и в этом случае слишком много ситуаций выпадет из нашего поля зрения. Понятийного аппарата риторики явно недостаточно для словесных игр «Жизнеописания Эзопа».

Для нашего анализа будут полезны идеи С.О. Карцевского, участника Пражского лингвистического кружка. Вот вывод, венчающий статью, посвященной природе лингвистического знака: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак.»²³

В некоторых случаях тактика Эзопа в противостоянии Ксанфу заключается в непризнании «семантического сдвига», совершенного его хозяином. Так, Эзоп отказывается признать, что 'благоволящая' – вовсе не та, кто в действительности благоволит его хозяину. Иногда он сам совершает семантический сдвиг – приписывая понятию 'человек' новое, более узкое значение, нежели то, которое вправе ожидать окружающие.

Несомненно, понятие «семантического сдвига» (либо «смещения») выдвинутое С.О. Карцевским, охватывает большее число случаев, нежели классические «тропы и фигуры». Справедливости ради скажем, что в Ксанфовой части встречаются такие случаи, где это понятие едва ли нам поможет – означающее может быть вовсе пропущено говорящим (хотя и подразумеваться им).

Я предлагаю рассмотреть все случаи, где одному означающему соответствует более одного означаемого (так, словосочета-

ние ἀπὸ τοῦ βαλανείου может означать как «из бани», так и «после бани»).

Возможен и обратный вариант: одно означаемое – много означающих. Это относится к прелюбодейному эпизоду, положенному в центр настоящей работы.

За неимением лучшего я буду пользоваться изобретенным ad hoc термином – *семантическая подмена*.

3.2. Приказные эпизоды, их разновидности

Семантические подмены содержатся, как правило, в приказных эпизодах.

3.2.1 Основная разновидность

Как уже говорилось выше, первому эпизоду из нашего перечня предшествует распоряжение Ксанфа – делать только то, что велено, не больше, не меньше. После этого Эзоп начинает саботировать распоряжения господина.

В историях такого рода (я буду называть их приказными эпизодами) имеются следующие элементы:

- задание формулируется;
- задание выполняется (формально правильно, но по сути воля приказавшего вопиюще искажается);
- приказавший недоумевает (или негодует) по поводу того, как выполнено задание;
- исполнитель приводит казуистические доводы в пользу того, что задание следовало выполнить именно так, как оно выполнено.
- приказавший не может опровергнуть доводов исполнителя.

Было бы неверно считать, что коллизии такого рода встречаются только в «Жизнеописании Эзопа». В указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона²⁴ имеется группа сюжетов, касающаяся взаимоотношений хозяина (людоеда, великана, черта) и работника. Она носит название «Договор о службе» (№№ 1000–1029)²⁵. Работник обязуется служить хозяину за вознаграждение. Они заключают договор, что ни один из них не будет сердиться – что бы с ним ни случилось. По замыслу хозяина это условие направлено против работника. Работник обращает его в свою пользу, делая жизнь хозяина невыносимой.

В свете «Жизнеописания Эзопа» для нас представляют интерес следующие коллизии, возникающие между сказочными антагонистами:

- Хозяин дает работнику невыполнимое поручение, работник исполняет его, сохраняя верность букве приказа. Скажем, Ахмет-Ахай, герой крымско-татарского фольклора, получает такое указание:

«... чтобы голод тебя не свалил, вот кувшин каймака. Бери его и иди работать. Но вечером чтоб принес кувшин полный.» Ахмет-Ахай поступает так: «Работать не работает, каймак съедает, кувшин землей наполняет, вечером возвращает его хозяину полным.»

— Хозяин может дать поручение и вполне выполнимое. Работник его исполняет «по-эзоповски»:

«Пойди ... в куриный сарай. Какая курица посмотрит на тебя, ту зарежь.» Заходит Ахмет-Ахай в курятник, все куры смотрят на него. Он всех режет. Потом говорит: «Что велели, хозяин, сделал. Все куры посмотрели на меня, всем отрезал по голове. А если вам нужна была только одна, может, у остальных по запасной голове найдется?»²⁶

Приказные эпизоды²⁷ встречаются не только в сказках²⁸ — из них, например, в значительной степени состоит позднесредневековая народная немецкая книга «Тиль Уленшпигель»²⁹ (оттуда, кстати, многие из них перебрались в большую литературу — роман Ш. де Костера).

Было бы любопытно проанализировать все приказные эпизоды и все семантические подмены «Тили Уленшпигеля»³⁰. По моим наблюдениям, их в несколько раз больше по сравнению с «Жизнеописанием Эзопа». Но это тема отдельной большой работы. Я буду обращать внимание только на отдельные эпизоды «Тили Уленшпигеля», структурно близкие тем или иным историям Ксанфовой части «Жизнеописания Эзопа».

3.2.2. Другие разновидности приказных эпизодов

А. «Псевдоприказные» эпизоды. Исполняя приказ (и нанося при этом ущерб хозяину) исполнитель отталкивается не от приказа как такового, а от каких-то построений (не являющихся формулировкой приказа) слов хозяина. В «Жизнеописании Эзопа» это 19 эпизод (*У меня и сзади глаза*). Никто не приказывает Эзопу обеспечить возможность «задним глазам» госпожи следить за сохранностью трапезы. Он делает это по собственной инициативе.

В 20-ой главе³¹ «Тили Уленшпигеля» мастер грозит своему слуге: «Я на тебя бургомистру пожалуюсь, вот увидишь». Когда мастер исполняет эту угрозу, Уленшпигель встает к нему вплотную, вытаращив глаза. «Что тебе надо?» «Ничего не надо. Только вы обещали, что я увижу, как вы на меня бургомистру пожалуетесь. Раз мне надо видеть, так надо глаза пошире раскрыть, чтоб увидеть.»

Иногда некоторые действия исполнителя вообще не основываются на словах приказавшего. Исполнитель вносит нечто от себя:

В 63-ей главе «Тили Уленшпигеля» герой (изрядно уже досадивший очередному господину, кушцу) получает приказ: «Запрягай опять, ты, мошеник, и езжай отсюда не оглядываясь». «Тогда Уленшпигель взял и вытащил из повозки болт, и ... повозка развалилась на две части. Задняя часть с крытым верхом встала на месте, а Уленшпигель на

передке все ехал и ехал себе. Поп с купцом кричали и бежали за ним вслед, так что языки на плечо высунули, пока его не догнали.»

В «Жизнеописании Эзопа» мы находим некоторое соответствие этому подтипу в 20 эпизоде (*Чем вертит собака?*). Ксанф не говорит Эзопу, как именно следует отличить мудрецов от людей несведущих, – гостей он «тестирует» по своему усмотрению.

Б. Встречается еще одна разновидность приказного эпизода. Ее можно назвать «чисто речевой». От исполнителя ждут не совершения каких-то действий, а ответа на вопрос. Соответственно, и участники диалога не обязательно должны быть хозяином и работником.

Гамлет	Каким же именно?
Первый могильщик	А таким, что взял и потерял рассудок.
Гамлет	Да, но на какой почве?
Первый могильщик	Да все на той же, на нашей датской.

(перев. Б.Л. Пастернака)

«Ответчик» отвечает, но делает это так, что спросивший не получает должного ответа на интересующий его вопрос. Это тоже своего рода саботаж со стороны подчиненного. В нашем случае – это 12 и 13 эпизоды.

Итак, приказной эпизод – это рамка семантической подмены, так сказать, обычная ее упаковка. Различия разновидностей приказных эпизодов относятся скорее к антуражу семантической подмены, нежели к семантике как таковой³².

Подведем предварительные итоги. Большинство эпизодов с семантической подменой относятся именно к этому, «приказному» типу. Большинство приказных эпизодов содержат семантическую подмену.

К приказным эпизодам бесспорно должны быть отнесены эпизоды: 1, 2, 3, 4, 6, 12, 13, 19, 20 – и с некоторыми сомнениями: 5, 10, 18. Как мы сейчас увидим, некоторые из них будут исключены из нашего рассмотрения.

3.3. Что исключается

Из нашего рассмотрения должны быть исключены эпизоды, не содержащие семантической подмены.

В первую очередь сюда относятся: эпизоды 7 и 8, а также 14 и 15. Здесь Эзоп предлагает решения (часто – шуточные) тех или иных «теоретических» проблем, занимающих философов (или одного Ксанфа). В 15-ом он рассказывает притчу-предостережение – никакой игры словами и смыслами здесь нет.

5 эп., *Свиньи ноги* – здесь Эзоп прибегает к своеобразному софизму. Вместо того, чтобы постараться оправдаться в избыточном числе ног сваренного поросенка, он пытается переключить внима-

ние на то, что общее число ног у двух поросят соответствует «норме». Это, если угодно, прыжок в сторону. Кроме того, задание оказывается выполненным неверно по вине хозяина, а не слуги.

Равным образом, необходимо исключить 9 эп., *Возвращение убежавшей жены*. Эзоп создает здесь ложный знак – Ксанф-де готовится к новой свадьбе – но это знак не словесный. Правда, потом он сообщает об этом открытым текстом – но двусмысленности здесь нет, а есть *прямой обман*. Примерно то же можно сказать об 18 эп. Здесь имеется знак – та самая *пара ворон* – но, опять-таки, не словесный. Кроме того, не Эзоп этот знак создает – не в его власти прилет и улет ворон. Равным образом, должен быть исключен 16 эп., *Пари Ксанфа*. Требование *выпить море* никак в нем не переосмысляется, речь идет об условиях, при которых оно возможно.

11 эп. тоже должен быть исключен. Эзоп *выполняет* (а не *искажает*, как он это у него в обычае) приказ своего господина: находит *апериергос'а*⁸³.

Итак, мы исключили из дальнейшего рассмотрения следующие эпизоды: 5, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 16 и 18.

3.4. Что остается. Разновидности семантических подмен

У нас осталось одиннадцать эпизодов, содержащих семантические подмены, т. е. более или менее родственных эпизоду прелюбодейному. Некоторые из них могут быть объединены в группы.

3.4.1. Основанные на пропуске подразумеваемого

1 эп., *Сосуд без масла*, 4 эп., *Омовение ног*.

Приказ включает в себя несколько элементов. Значение приказа изменяется – посредством пропуска того, что было пропущено самим хозяином, хотя и подразумевалось им. Ксанф хочет, чтобы были выполнены действия а, b, c, d, но «с» при этом только подразумевается, поэтому

Ксанф приказывает:	Эзоп выполняет:
а, b, <с>, d	а, b, d (Сосуд без масла)
а, b, <с, d>	а, b (Омовение ног)

3.4.2. «Уровневые», построенные на гиперонимии/гипонимии, эпизоды с философским звучанием

10 эп., *Свинные языки*. Ксанф велит приготовить нечто прекрасное. Он указывает не на определенный предмет, а на некоторый класс предметов, не имеющий четких границ. («Свари что-нибудь прекрасное, что-нибудь хорошее *“по жизни”*» – *ἔψησον εἴ τι καλόν, εἴ τι χρηστόν ἐν τῇ βίῳ*, G 51, 2–3). Можно предположить, что Ксанф имеет в виду такое прекрасное и хорошее, которое прекрасно именно в сваренном виде. Эзоп выполняет задание, но по собственной инициативе *урезает* заданное Ксанфом множество. Он prepares

то, что является не просто кулинарно прекрасным, но и прекрасным с т. зр. философии и культуры. Графически «множество Ксанфа» можно представить как большой круг, а «множество Эзопа» – как вписанный в него меньший круг. (Вскоре выяснится, вдобавок, что множество самых хороших и самых плохих вещей совпадает.)

Похожая история имеется в «Гиле Уленшпигеле» (23 гл.). «Король попросил, чтобы Уленшпигель сделал что-нибудь необыкновенное, а за это король велит подковать его лошадь наилучшими подковами <...> Уленшпигель поехал верхом к золотых дел мастеру и велел подковать ему лошадь золотыми подковами и серебрянными гвоздями.» Платить за это должен король – но он не хочет идти на такие траты. «Милостивый король, вы сказали, что это должны быть наилучшие подковы, и я сделал, как вы сказали.» «И король рассмеялся и заплатил сто марок.»

По замыслу короля, Уленшпигель должен получить «А» – наилучшие подковы, если совершит «Б» – нечто из множества «необыкновенных дел». Уленшпигель соединяет «А» и «Б» воедино. «Лучшие подковы из золота» и становятся «необыкновенным делом». Кроме того, он перетолковывает понятие *лучшие подковы* – они оказываются таковыми *по цене*, а не по практической пригодности. Эзоп в 10 эп. поступает несколько иначе – он не исключает из пиши кулинарную ценность, но добавляет к ней культурную. Если бы он подал на обед нечто несъедобное, но прекрасное в культурном смысле – это в точности бы соответствовало бы 23-й истории «Уленшпигеля».

12 эп., *Сколько людей в бане?* Здесь, на мой взгляд, также имеются большой и малый круги – только в несколько ином качестве. Мы имеем дело с различием концепта «человек», с конфликтом концептов. Ксанф подразумевает под человеком нечто вроде: «двуногое, без перьев и с плоскими ногтями»³⁴. Разумеется, ему не приходит в голову проговорить это определение – всем и так известно, что такое человек. Для Эзопа этого обыденного определения недостаточно, и он (тоже по умолчанию) добавляет к «двуногому без перьев» нечто вроде следующего: «существо, способное заботиться о себе подобным». Круг объектов, удовлетворяющих эзопову определению, меньше, чем ксанфов круг.

Поэтому Ксанф вправе считать, что Эзоп ввел его в заблуждение – в то время как в 10 эп. *такой* претензии к Эзопу нет. Свиные языки и в самом деле являются чем-то гастрономически прекрасным.

3.4.3. Основанные на различном истолковании импликации

13 эп., *Эзоп и стратег*. «Куда идешь? – спрашивает начальник Эзопа. – Не знаю, отвечает тот начальнику.» Начальник, видимо, воспринимает слова Эзопа как уход от ответа. Между тем, для Эзопа за нежеланием ответить на простой вопрос скрывается нечто боль-

шее. Чем-то 13 эп. похож на 12-й. Разница в том, что в 12-м мы имеем дело с конфликтом концептов, «обыденного» и «философского», применительно к объекту «человеку», а в 13-м – с конфликтом двух точек зрения на философский вопрос, – а вернее, с тем, что философская проблема может обнаруживаться и там, где обыденное сознание ее не видит. Можно ли знать, куда ты идешь? Дано ли человеку знать, к каким последствиям приводят его действия? Эдиповский вопрос, пусть и в юмористическом обрамлении. Отвечая «не знаю» на вопрос начальника, Эзоп отрицает возможность прогнозировать последствия своих действий. Начальник, видимо, воспринимает такой ответ как дерзость.

3.4.4. Каламбурные (паронимические, омонимические)

20 эп., *Чем вертит собака?*. Одна и та же цепочка звуков воспринимается либо как «чем виляет собака?», либо – если слушатель не расслышал два-три звука – как «кто ты, собака?». Между двумя вариантами «услышек» существует только фонетическое сходство.

21 эп., *Аббревиатура*. При все отличиях от 20 эп. – между 20 и 21 эпизодами имеется сходство в главном. Все предложенные Эзопом варианты расшифровки аббревиатуры имеют общую фонетику. Разумеется, в нашем случае от нее осталось совсем немного – по одному звуку каждого слова.

Отойдя	Правей	Дерева	Найдешь	Золото.
Отдай	Правителю	Дионисию	Найденное	Золото.
Откопав	Поделите	Добром	Найденное	Золото.

Похожие истории истории имеются в «Уленшпигеле». 10-я глава повествует о том, как «Уленшпигель сделался пажем и хозяин его учил, если встретится ему трава коноплица, называемая в Саксонии “хенеп”, он должен на нее нагадить, а Уленшпигель наложил в горчицу, потому что думал, что “хенеп” и “зенеп” – одно и то же.» Эта семантическая подмена основана на паронимии. Есть и строго омонимическая разновидность. В истории 46-й пивовар велит Уленшпигелю сварить хмель, – тот варит в котле пса по кличке Хмель.

3.4.5. Гиперболы

6 эп., *Благоволящая*. Ксанф велит отнести пиршественных яств *благоволящей*. Так он именует свою жену – хоть порой та и обращается с ним не лучшим образом. Эзоп отказывается признать *благоволящей* свою хозяйку и отдает угощение собаке – она-де в самом деле благоволит Ксанфу.

19 эп., *У меня и сзади глаза*. Эзоп проявляет инициативу. Заботясь о том, как бы собака не утащила что-нибудь со стола, он обнажает уснувшую госпожу. Ведь она же сама сказала: «У меня и сзади есть глаза».

По сравнению, скажем, с метафорой, гипербола пользуется куда меньшим вниманием исследователей. Едва ли можно дать ей четкое определение и указать ее строгие границы.

Постараемся указать специфику каждой из гипербол. Случай 6-го эпизода я назвал бы *гиперболой-авансом*. Да, жена не особо благоволит Ксанфу, но скажем, если захочет, она может стать таковой. Так и священников именуют «ваше преподобие» – у некоторых из них есть шанс со временем стать «преподобными».

Гипербола 19 эп. куда более фантастична. Фантастика и небывальщина в ней почти достойна метафоры. «Почти» – но все же иного рода. В метафоре объект заменяется другим похожим объектом (глаза – звезды), действие – похожим действием (грести – пахать). В 19 эп. физическое наличие органа зрения (там, где его на самом деле нет) обозначает бдительность хозяйки, так сказать, мобильность и всеохватность ее зрения. (Не встроена ли здесь метонимия? Орган зрения – зрение?). Чем-то этот случай напоминает выражение «у нас пограничник под каждым кустом». Оно означает, видимо, что в случае необходимости пограничник мгновенно окажется в любой точке пограничья. Мнимое присутствие – вместо подвижности.

Во всяком случае, гиперболы Ксанфовой части имеют разную семантическую структуру.

3.4.6. Синекдоха

2 эп. *Чечевица*. Как мы помним, Ксанф приказывает Эзопу сварить «чечевицу», тот варит одно зернышко чечевицы. Он отказывается воспринимать единственное число в качестве обозначения множества «чечевиц». Подобный троп есть и в русском языке – «яйцо», «рыба» и пр.

С некоторыми оговорками эту семантическую подмену можно считать разновидностью *синекдохи*.

3.4.7. Смешанный случай. «Неправильное» значение предлога + метонимия

3 эп., *Питье после бани*. Как мы помним, Ксанф требует от Эзопа «испить после бани». Эзоп делает вид, что понимает предлог *ἀπό* в смысле пространственном – «от, из» и приносит своему хозяину грязной воды из бани. В реплике Ксанфа воедино связаны употребление *ἀπό* в смысле временном («от» как «после») и *метонимия* – объект под названием «баня» означает нечто вроде «процесс принятия бани».

Приказные эпизоды «Тили Уленшпигеля» содержат обильный и разнообразный материал семантических подмен с использованием предлогов. Очередной хозяин, пекарь, приказывает Уленшпигелю просеивать муку *в свете месяца*: «Уленшпигель взял сито, выставил его за

окно, где светил месяц, и давай сеять муку во двор.» Хозяин вынужден поправляться: «Я приказывал, чтобы ты сеял при свете месяца...» (20 гл.). Пообедав в харчевне, Уленшпигель хочет получить плату за обед. «Ведь вами говорено, что за *этим* столом едят за двадцать четыре пфеннига. Я это так и понял и ел, чтобы деньги заработать» (33 гл.).

Интереснейшая семантическая подмена встречается в сказке – метафорическое употребление предлога³⁵, сцепленное с метонимическим употреблением зависящего от него существительного. Сказочные дураки не признают этого употребления. «Идет, там здымают карову на церковь. – Для чего вы эту карову здымаете на церковь? – А вот баба умерла, так карову приказала “на церковь”»³⁶ и т. д.

Так или иначе, в разобранный отрезке «Жизнеописания Эзопа» мы встречаем только один случай семантической подмены с участием предлога. Временное и пространственное значения предлога *ápo* представляются тесно сплетенными и в известном смысле равноправными.

Итак, мы рассмотрели семантические подмены Ксанфовой части «Жизнеописания Эзопа». Обращает на себя внимание разнообразие методов главного героя – двух подмен, построенных по одинаковому шаблону, нет. Различия имеются и внутри типов: не похожи друг на друга «уровневые» подмены, гипербола не похожа на гиперболу и т. д. Ксанфова часть напоминает мне ожерелье, на которое нанизано украшение деревянное, стеклянное, оловянное, костяное, медное, аметистовое, янтарное – все они суть украшения и в то же время различны³⁷.

4. Три аргумента в пользу чужеродности эпизода

4.1. Аргумент 1 – Формальный

4.1.1. Отсутствие метафор само по себе – не аргумент

Казалось бы – ответ на вопрос, чем именно выделяется наш декамероновский эпизод на общем фоне семантических подмен – напрашивается сам собой. Только он основан на *полноценной* метафоре, и даже на нескольких метафорах. Эзопу по душе разнообразие – он водит хозяина за нос каждый раз новым или хотя бы слегка отличающимся способом. Увы, это предположение придется отвергнуть.

На примере «Тиля Уленшпигеля» мы видим, что метафора вполне может использоваться в аналогичных «Жизнеописанию Эзопа» приказных эпизодах:

Портной, один из многочисленных хозяев Уленшпигеля, бросает ему «серый крестьянский кафтан, наполовину недопитый» со слова-

ми: «Гляди сюда: доделай мне серого волка как следует, а потом тоже ложись в постель.» «Серым волком» портной называет серый крестьянский кафтан. «Уленшпигель взял серый кафтан, разрезал его, сделал из кусков голову, как у волка, потом туловище и лапы и соединил все вместе стежками, так что вышло похоже на волка...» (47 гл.)³⁸.

4.1.2. Обратная направленность. Генерирование метафор

По сравнению с прелюбодейным эпизодом структура большинства эпизодов кажется одномерной. Задание дается – и в какой-то точке тем или иным способом нарушается. В нашем эпизоде все обстоит иначе.

Эзоп не получает задания, с ним заключается сделка. После того, как он не справляется с условиями, он требует расплаты, угрожая пожаловаться хозяину (как, интересно, он собирается это сделать?). Заказчица отказывается выполнять свою часть обязательств, описывая ситуацию метафорически: *прейдя между*, ты вскопал соседское поле.

Появляется Ксанф и Эзоп исполняет свою угрозу – он рассказывает о сливовом дереве, с которого надо было сбить плоды одним ударом. Хозяйка Эзопа подхватывает эту метафору – уже *вторую*. Иносказание (чем не *эзопов язык* ?) – оказывается очень удобным для выяснения отношений перед лицом авторитета Ксанфа. Наконец, мимоходом Эзоп отпускает еще одну метафору, уже третью – о которой мы говорили в начале работы.

Метафоры Эзопа можно назвать эвфемистическими. Комизм ситуации – более или менее правильно изложить суть спора перед арбитром, так сказать, *правовую суть* конфликта – и вынести при этом за скобки прелюбодейство как таковое.

Первая метафора, возможно, имеет под собой сексуальный подтекст (пахота как метафора акта); вторая – отходит, третья – возвращается к сексуальной образности.

Как куст над травой, возвышается прелюбодейный эпизод над остальными историями Ксанфовой части. Его структура, как я старался показать, куда сложнее.

* * *

Прелюбодейный эпизод к числу приказных не относится. Уленшпигель в упомянутой истории с волком делает нечто *существенно иное*, нежели Эзоп и госпожа в прелюбодейном эпизоде. Уленшпигель делает вид, будто понимает метафору буквально – т. е. отказывается признавать в метафоре метафору (скажем, кафтан – в «сером волке»). В «декамероновском» эпизоде происходит вещь противоположная – герои порождают метафору сами.

По словам С.О. Карцевского, «... всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно... Омонимия и синонимия ... служат двумя соотносительными координатами, самыми существенными, поскольку они являются самыми подвижными и гибкими; они более всего способны затронуть конкретную действительность.»³⁹

Герои «Жизнеописания Эзопа» постоянно осуществляют подвижки по этим координатным осям. Можно сказать, что приказные эпизоды построены на омонимии (одно означающее – приказ господина, и два означаемых – то, что имеет в виду господин, и то, что выполняет слуга). Прелюбодейный эпизод основывается на чем-то вроде синонимии. Означаемому, – т. е. самому прелюбодейанию (со всеми подробностями, с нарушенной договоренностью любовников) – соответствует несколько означающих.

а) Рассказчик, автор романа, излагает события более или менее открытым текстом: «вот удовольствовал он ее девять раз... поднатужился он в десятый раз и попал, да не туда» и т. д.

б) хозяйка описывает дело метафорически: «Я тебя позвала свое поле вспахать, а ты за межу заехал и на соседнее попал!»;

в) Эзоп перед лицом Ксанфа опять-таки прибегает к новой метафоре: он-де договорился с госпожой сбить десять плодов одним ударом, получить за это плащ и т. д.

Можно сказать и так: в первом случае отправным пунктом семантической подмены служит *слово*, во втором – *дело*. Таков первый аргумент в пользу «инородности» прелюбодейного эпизода.

4.2. Аргумент 2 – Логика сюжета

Каковы жизненные устремления Эзопа и в какой связи с ними находится прелюбодейный эпизод?

В течение первой половины рассмотренного нами отрезка Ксанфовой части (эпизоды 1–11) Эзоп борется против установленного господином «закона» – «делать только то, что велено» – и выходит победителем в этой борьбе. Основной метод Эзопа в этой борьбе – саботаж распоряжений господина по принципу «формально правильно, а по существу издевательство». Об Эзопе можно сказать словами «Тилиа Уленшпигеля»: «слуга будет выполнять, как ему на словах сказано, только не так, как ему хозяином велено...» (42 гл.).

Что касается второй половины рассмотренного нами отрезка (эпизоды 12–21), то здесь найти доминанту поступков Эзопа труднее. Он одновременно и опекает своего хозяина, выручая его из беды, и обходится с ним презрительно («у тебя нет мозгов»). Временами он снова прибегает к семантическим подменам – причем инициатива теперь в гораздо большей степени исходит от самого Эзопа (в разделе 3.2.2 мы говорили о «псевдоприказных» эпизодах). Эзоп постоян-

но ставит Ксанфа в неудобное положение, хотя в делах существенных он крайне выгоден и спасителен для него. Наконец, в награду за заслуги Эзоп настойчиво добивается от господина «вольной» (16 и 21 эпизоды). Словом, ведет он себя самостоятельно и вызывающе дерзко – и все сильнее стремится развестись с Ксанфом.

На фоне этих устремлений декамероновская история представляется мне чем-то чуждым и инородным. Не слишком убедительно выглядит мотивировка – «хотелось ему отомстить хозяину» (W 75, 11). Не раз и не два Эзоп ставит своего хозяина в крайне неприятное положение, но проделывает он это либо при всем честном народе, либо, по крайней мере, наедине со своей жертвой. А ведь соль «декамероновской» истории в том, что обманутый муж, рассудивший повздоривших любовников, продолжает оставаться в неведении о произошедшем. Больше таких историй в «Жизнеописании Эзопа» нет. Да и к желанной свободе Эзоп не приблизился ни на шаг.

Еще одна странность этой истории – материальная заинтересованность героя. Эзоп-де желает получить плат. Эта деталь также крайне нехарактерна. И Эзоп, и Уленшпигель за свои проделки не получают, как правило, ничего. Уленшпигеля взапей выпихивают на улицу. С Эзопом этого не происходит, – он слышит в свой адрес проклятия и угрозы (а порой удостоивается порки⁴⁰). Только сама проделка служит наградой герою, самое большее, что она может дать – славу необыкновенного человека.

4.3. Аргумент 3 – Любовные подвиги бесполого героя

У исследователей «Жизнеописания Эзопа», рассуждающих о композиции романа и его общем смысле («мессидже»), практически никогда не возникает сомнений касательно «прав гражданства» прелюбодейного эпизода в романе. Почти во всех известных мне работах он считается вполне естественным и чуть ли не необходимым.

Его иногда ставят в ряд с историей, приключившейся в тот самый день, когда Эзоп переступил порог Ксанфова дома (G W 31–32). Жена философа возмущена, что прислуживать ей будет немислимо безобразный раб. Она мечтала совсем о другом. Муж не может унять ее гнева, и тогда в бой вступает Эзоп. Во всеуслышание он объявляет, для каких нужд понадобился госпоже молодой и красивый слуга:

«А затем, – говорит Эзоп, – чтобы красавчик этот и в баню за тобой ходил, чтобы красавчик этот и одежду от тебя принимал, чтобы красавчик этот после бани и одевал тебя, и сандалии тебе на корточках шнуровал.... а ты бы ему улыбалась, а ты бы на него стала зариться а там и поцеловала бы, а там и до всего бы дошла в своем бесстыдстве мерзостном; а философ пусть себе остается опозоренный и осмеянный» (Перев. М.Л. Гаспарова).

Известному исследователю Никласу Хольцбергу прелюбодейный эпизод представляется вполне естественным:

...в экспозиционном блоке (так Хольцберг называет начало Ксанфовой части, главы 20–33 – А. В.) подготавливается пресловутая 75 глава, в которой супруга Ксанфа «спит» с Эзопом, после того как застала его за онанизмом. Как уже сказано, сама она характеризуется как женщина, жаждущая для себя от нового раба эротических приключений. Эта мечта в конце концов все же сбывается (несмотря на чувство отвращения, которое она испытывает, увидев Эзопа в первый раз); обшечное замечание, которое Эзоп отпускает в 30 гл. в адрес служанки... является причиной того, что не вызывает удивления ни поведение Эзопа в 75 гл., обычно выступающего в качестве мудреца, ни то, что в пятом отрезке романа, перед лицом смерти, он рассказывает три эротические истории (129, 131, 141)⁴¹.

Здесь надо сказать о том, что происходит в 30-ой главе. Ксанф только что купил Эзопа и пришел с ним домой. Он благоразумно велит ему подождать у дверей. Дома возникает ажиотаж – всем хочется увидеть новенького, служанки уже дерутся из-за него. Одна из них выбегает позвать Эзопа.

... выходит и говорит: «где новенький?». Эзоп говорит: «здесь, де-вушка.» «Ты новенький?» «Я самый.» Служанка сказала: «Где твой хвост?» А Эзоп, посмотрев на служанку и смекнув, что она пошутила над ним, словно он человек с песьей головой (*νοήσας ὅτι εἰς κυνοκέφαλον αὐτὸν ἔσκηψεν*), отвечает: «Не так, как предполагаешь – у меня не сзади хвост, а спереди» (G 29, 19–23, перевод мой – А. В.⁴²)

Итак, мимолетная скабрёзная реплика, сделанная к тому же в порядке самообороны, предвещает, по Хольцбергу, и моралистическую проповедь Эзопа, и прелюбодеяние! И совершенно неважно, что один раз Эзоп выступает как моралист, а другой – как развратник. На таких, приблизительно, аргументах и строятся работы Н. Хольцберга, посвященные доказательству того, что эпизоды «Жизнеописания» располагаются в последовательности не хаотичной, а в строго-продуманной. (В известной мере это положение стало догмой современного «эзоповедения».)

С точки зрения другого исследователя, Р.И. Перво, прелюбодейный эпизод тоже является чем-то естественным и закономерным. В Эзопе заметны не то кинические, не то просто собачьи черты (слово «киний» происходит от гр. *κύων* – собака).

Публичная мастурбация – поведение поистине «собачье» («doggy»). Нет таких нелестных (unflattering) животных метафор или эпитетов, которые не подошли бы будущему рассказчику басен о животных. Когда Эзоп впервые приходит к порогу Ксанфа, служанка, посланная, чтобы открыть дверь, спрашивает у него: «Где твой хвост?» Эзоп отвечает, что он у него не сзади, а спереди. Участвуя в прелюбодеянии, он демонстрирует «собачью выносливость» (dogged endurance)... и т. д.⁴³

Своеобразную интерпретацию романа предложил Кейт Хопкинс. Ее можно назвать социо-фрейдистской. Хопкинс реконструирует коллективное бессознательное, с одной стороны, рабов, с другой – рабовладельцев. По мнению Хопкинса, в «Жизнеописании Эзопа» вытесненное из сознания снова выходит, или лучше сказать, вырывается на поверхность. Эзоп, самоуправно перевернувший дом Ксанфа верх дном – это «проекция подавленных эмоций; он могуществен, хитер и мстителен. Он представляет собой то, чего мы желаем, чему завидуем и чего боимся»⁴⁴. Понятно, что эпизод, в котором раб нарушает супружеские права своего господина, и вдобавок оставляет его в дураках, в рамках такой интерпретации становится прямо необходимым.

Точку зрения, несогласную общему хору, высказала Н.В. Брагинская: «Перриана не являет собою последовательного и непротиворечивого «гомогенного» мировоззрения... Чувство «неконгруэнтности» частей, какого-то дребезжания в литературной бричке имеет под собой известную почву... Пусть в Перриане составные части и не вываливаются из склеивающего их вещества, но они видны под оболочкой. Один из чужеродных фрагментов – адюльтер с женой Ксанфа... Непристойный эпизод противоречит моралистической речи Эзопа в начале романа (G и W 32) и весь выглядит попавшим в роман в чистом, не преображенном общим замыслом виде прямым из, так сказать, «фаблио». Тем более, что обманутого мужа водит за нос не один Эзоп, но и жена хозяина, выступая умелым напарником в его двусмысленностях. А ведь Эзоп всегда действует один»⁴⁵.

К этому нужно добавить следующее. За исключением декамероновского эпизода Эзоп нигде на протяжении «Жизнеописания» не занимается «чем-то подобным». В романе нет упоминания, что обремененное в метафору предложение продолжить утехы нашло отклик у Эзопа.

Правда, наш герой бывает весьма неводержан на язык. Кроме ответа служанке касательно хвоста, в Дельфах, где ему суждено погибнуть, он рассказывает несколько крайне непристойных историй – W и G 131, W 141. Но ведь все это одни слова, а не дела. Делом против морали Эзоп погрешает один-единственный раз.

Не замечен Эзоп и в нормальных супружеских отношениях. Получив свободу, он отправится в Вавилон и сделается ближайшим советником царя. В Вавилоне он не женится, но заведет себе приемного сына. Можно возразить, что вся вавилонско-египетская часть «Жизнеописания» представляет собой переделанную ближневосточную «Повесть об Ахикаре премудром»⁴⁶. Думается, что древний редактор подключил ахикаровы приключения к биографии Эзопа только потому, что счел их достаточно эзоповскими по духу.

Эзоп, на мой взгляд, по самой сути своей является чьим-то наставником, советником и направителем. Этот «кто-то» может быть и частным лицом, и собранием граждан, и царем, — поэтому ахикаровское повествование вполне органично сочетается с предшествующими ему главами «Жизнеописания».

Возможно, бесполость Эзопа объясняется его литературной «генетикой». Она может быть чертой, унаследованной им от сказочного героя. Герой этот — бесправный работник, обязанный выполнять практически невыполнимые приказы своего хозяина, но умеющий выйти победителем из безнадежного поединка. (Хозяин велит накормить собаку хлебом — но так, чтобы хлеб остался целым. Работник вынимает мякиш и оставляет нетронутой корку хлеба — приказ выполнен). По всей видимости, прелюбодеяние начисто «заказано» герою этого типа⁴⁷. Это не более чем предположение, мне не хотелось бы сейчас касаться мира сказки. Скажем лучше о другом выходящем из фольклора, о непохожем собрате Эзопа — об Уленшпигеле.

Во всем разнообразии своих приключений (а они в несколько раз превосходят приключения Эзопа) любовными делами он не занимается решительно нигде. По сравнению с Эзопом — Уленшпигель куда больший босак и бунтарь, самое настоящее «перекати-поле». Ему ли уважать традиционную мораль? И тем не менее — нигде и никогда. Дело, видимо, в типологии героя, уходящей корнями в глубокие архаические пласты.

5. Заключение.

О единстве и мозаичности «Жизнеописания Эзопа»

Одной из преобладающих тенденций в изучении «Жизнеописания Эзопа» в последние два десятилетия можно было бы назвать поиск его структуры. Мне представляется, что результаты этих изысканий нуждаются по меньшей мере в уточнении (а возможно — и в полном пересмотре). Обнаружение «инородных тел», более точное определение их «инородности» может быть одним из направлений поиска.

Другим направлением могло бы стать сравнение «Жизнеописания Эзопа» с фольклорными и «полуфольклорными» текстами. К числу последних относится, в частности, «Тиль Уленшпигель». Как обстоит дело в этом произведении с «семантическими подменами» и «приказными эпизодами»? Как соотносятся они с аналогичными ситуациями в народной сказке? Уяснение этих вопросов позволило бы разъяснить немало недоумений, которые «Жизнеописание Эзопа» ставит перед своими читателями.

- ¹ Я пользовался двумя основными редакциями «Жизнеописания Эзопа» по изданию Б.Э. Перри: *Aesopica: a Series of Texts Relating to Aesop or Ascribed to Him or Closely Connected with the Literary Tradition that Bears His Name* / Ed. B.E. Perry. Urbana (Ill.), 1952. Vol. 1: Greek and Latin Texts, представленными в электронном корпусе древнегреческих текстов *Thesaurus linguae Graecae* (TLG). Работа с текстами, поиск словоформ и словосочетаний проводилась с помощью программ *Musaios* и *TLG Workplace*.
- ² Редакция W была опубликована А. Вестерманном (Westermann) в 1845 г. Редакция G (*Grottaferata* – по месту пребывания до конца XVIII в.) была опубликована Б.Э. Перри в составе свода источников под названием «*Aesopica*» в 1952 г. В честь издателя ее иногда называют «Перрианом». Время создания произведения вызывает споры – большинство ученых датируют его I–II в. н.э.
- ³ Структуре «Жизнеописания Эзопа» в целом посвящена большая работа Н. Хольцберга (см. ниже). Попытка описать структуру Ксанфовой части предпринята в работе Ст. Меркле (*Merkle S. Fable, Anecdote and Novella in the Vita Aesopi. The Ingredients of a «Popular Novel» // La letteratura di consumo nel mondo greco-latino. Cassino, 1996. P. 211–234*). К сожалению, высоко оценить работу Ст. Меркле я не могу – хотя и должен признать, что для моих собственных рассуждений она во многом послужила отправной точкой. Схема, предложенная Меркле, имеет серьезные изъяны. У Меркле рассматривается Ксанфова часть в целом, у меня – вторая и третья трети Ксанфовой части. В этом отрезке романа я насчитал 21 эпизод, Меркле – только 14 (*Merkle St., Op. cit. P. 218–219*). Некоторые истории Меркле объединил в один эпизод, некоторые вообще пропустил. Автор настойчиво стремится доказать, что эпизоды типа «Эзоп понимает слишком буквально» чередуются в определенной последовательности с эпизодами типа «Ксанф (или Эзоп) наносит удар» и «Эзоп помогает Ксанфу». К сожалению, Меркле стремится подогнать материал к изначально заданному результату. Впрочем, хотя композиционную схему Меркле не назовешь удачной, в его статье высказываются некоторые интересные идеи.
- ⁴ В оригинале приблизительно так: «потрясая и хлопая руками, начал творить пастушеское беспутное дело».
- ⁵ «если сойдешься со мной десять раз».
- ⁶ В оригинале *ἐπετέλει τὸ πάθος* – «исполнял» то ли «дело», то ли «страсть», т. е. «доводил до переживания».
- ⁷ «изрядно потрудившись, кончил на бедро».
- ⁸ У греков поля разделялись не межами, а сложенными из камней невысокими стенами. Так и здесь: *τὸ μεσότηχον*.
- ⁹ В оригинале речь идет о сливовом дереве, *κοκκίμηλέα* и, соответственно, его плодах – *κοκκίμηλα*.
- ¹⁰ Дословно: одним камнем, *ἐνὶ λίθῳ*.
- ¹¹ «а там и отрясешь мне сливы, чтобы мы их доставили хозяйке».
- ¹² Скажем, ответ Креонта в софокловой «Антигоне» – «есть и у других поля, пригодные для пахоты» (*Ἀρώσιμα γὰρ χᾶτερων εἰσὶν γῆαι*, Soph. Ant., 569). Приведу небольшой фрагмент перевода С. Шервинского и Н. Познякова:
Исмена: Уже ли ты казнишь невесту сына?
Креонт: Для сева земли всякие пригодны.

- ¹⁸ Эти слова восстанавливаются по античному переводу ЖЭ на латынь. *Perry B.E. Studies in the Text History of the Life and Fables of Aesop. Haverford, 1936. P. 10–11.*
- ¹⁴ Словарь Лиддела-Скотта (A Greek–English Lexicon / Compiled by H.G. Liddel and R. Scott, revised and augmented throughout by sir H.S. Jones with the assistance of R. McKenzie. Oxford: Clarendon, 1996) дает единственное значение глагола *ἐργονέω* – *be fruitful (of flocks)*.
- ¹⁵ Philo, in Flaccum, 63, 2–3: равнина, из-за плодovitости изобильно дающая хлебный плод (*τῆς δὲ πεδιάδος, ὅση πυροφόρος, ἀφθονώτατον ἐπ' ἐργονίας τὸν τοῦ σίτου καρπὸν ἀναγοῦσας*). Idem, de virtutibus 2,3.: *ἐργονία* фактически выступает как синоним *καρποφορία* («плодоносность»).
- ¹⁶ Реплику Эзопа можно было бы передать так: «моя пипка увяла».
- ¹⁷ См. раздел 4.3.
- ¹⁸ Встречаются также ссылки, указывающие на определенное место текста. Например, запись «G 29, 19» указывает на 19 строку 29 главы рукописи G (Перрианы).
- ¹⁹ В W это «некий мудрец», в G – царский сын.
- ²⁰ В W это «чаша дерзости (или высокомерия)» (*ὕβρις*), в G – «беззаботности» (*ἀκηδίας*).
- ²¹ Как предположил Б.Э. Перри, в архетипе рукописи G лист с 17 эп. был утрачен. «Если он не был потерян случайно, естественно предположить, что из кодекса он был вырван намеренно – в целях изъятия (expurgation) либо для частного обращения». (*Perry B.E. Op.cit. P.7–8*). Та же судьба постигла 17 эп. в большинстве манускриптов с рукописью W.
- ²² гр. *ὀπίσ* происходит от лат. *culcus* – «зад».
- ²³ Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 90.
- ²⁴ The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther. Part 1–3. Helsinki, 2004. (Пользуясь случаем, выражаю благодарность А.В. Козьмину за электронную версию).
- ²⁵ Замечу, что семантические подмены, обрамленные в приказные эпизоды, встречаются не только в этой группе сказочных сюжетов. Основательное рассмотрение параллелей между «Жизнеописанием Эзопа» и миром сказки выходит за рамки настоящей работы.
- ²⁶ *Мирер. Ахмет Ахай Озенбашский. Первая книга сказок. М., Сов. писатель, 1940. С. 19–20.*
- ²⁷ Кроме этих двух вариантов развития событий, в сказке нередко встречается еще один: хозяин морит работника голодом, работник меняет порученную ему скотину на еду. См., например, сказку «Как батрак с барином расквитался», перевод Н. Паньшиной (Королева Лебедь. Литовские народные сказки. Вильнюс: Витурис, 1987. С. 333–336). Ответное действие не мотивировано приказом. Нас, разумеется, этот сценарий интересует в наименьшей степени.
- ²⁸ Выше я изложил только завязку и центральную часть сюжета сказок, напоминающих «Жизнеописание Эзопа». Часто у них есть продолжение. В соглашениях может оговариваться, что работник должен служить хозяину до тех пор, пока не начнет куковать кукушка. Измученный службой работника, хозяин велит своей жене (или матери) залезть на дерево и куковать.

Работник сбрасывает ее оттуда. Очень часто сказки этого типа завершаются так: хозяева репают бежать от работника из дому, тот прячется в поклажу, его уносят с собой. На привале его присутствие обнаруживается. Ложатся спать, хозяин собирается ночью сбросить работника с высоты. Тот незаметно меняется местами с хозяйкой – ее-то хозяин и сбрасывает в пропасть (в море, в реку и т. п.).

В разных вариантах этого бытующего у многих народов сюжета те или иные составляющие могут отсутствовать. Скажем, в памирской сказке «Хитрый племянник» (перевод Т.Н. Пахалиной) нет запрета сердиться, нет формального-правильного (но вредоносного для хозяина) исполнения приказов, но есть бегство хозяина и хозяйки, заканчивающееся ее гибелью (Сказки народов Памира / Сост. и коммент. А.Л. Грюнберга и И.М. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1976. С. 461–462). В бирманской сказке под названием «Не сердись – только хвосты у буйволов короткими стали» (перевод Р. Янсона) нет договора о службе как такового. Дед выдает внуку замуж за человека, который, как ему показалось, неспособен сердиться. После заключения брака он решает проверить своего зятя и оставляет его без обеда. Молодой муж готовит себе на обед хвосты буйволов и отвечает деду словами, ставшими названием сказки (Сказки народов Бирмы / Сост. В.Б. Касевича и Ю.М. Осипова. М.: Наука, 1976. С. 287).

Соответственно, «Жизнеописанию Эзопа» также присуща известная «некомплектность»: нет условия не сердиться, нет «кукушки», нет бегства хозяина и хозяйки – есть только множество приказных эпизодов. То же самое относится и к «Тили Уленшпигелю», о котором речь пойдет ниже.

²⁹ Тиль Уленшпигель / Пер. Р.В. Френкель // Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М.: Наука, 1986. С. 159–258.

Насколько мне известно, на сходство «Жизнеописания Эзопа» и народной книги об Уленшпигеле обращали внимание по меньшей мере с XVIII в. (Holzberg N. A Lesser Known «Picaresque» Novel of Greek Origin: The Aesop Romance and Its Influence // Groningen Colloquia on the Novel. Groningen, 1993. Vol. V. P. 4).

Приведем одно показательное замечание комментаторов «Тили Уленшпигеля»: «Уленшпигель буквально выполняет то, что ему приказывают, как это встречаем в сказках о дурачке, но делает это не по глупости, а злонамеренно, так что оставаясь формально послушным слугой, наносит вред своему хозяину. Известная схема сказочных сюжетов о договоре работника с хозяином <...> наполняется совершенно новым бытовым содержанием.» Цит. по: Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М.: Наука, 1986, С. 304 (Примечания / Сост. Б.Л. Кандель и Р.В. Френкель).

Имеется несколько работ Т. Синко (T. Sinko) на польском языке, посвященных сравнению «Жизнеописания Эзопа» с Уленшпигелем, Швейком, а также героями сказок. К сожалению, я не познакомился с этими работами.

³⁰ Такая работа, возможно, уже написана. Я недостаточно знаком с научной литературой, посвященной народной книге об Уленшпигеле.

³¹ В «Тиле Уленшпигеле» первые десять глав («историй») пронумерованы прописью («первая история», «вторая история» и т. д.), главы 11–39 – римскими цифрами, и наконец, остальные, начиная с 40-й главы – арабскими. В настоящей статье порядковый номер глав «Тили Уленшпигеля» я буду обозначать только арабскими цифрами.

- ³² Возможно, что разным типам приказных эпизодов соответствуют разные типы семантических подмен. Я не исследовал этот вопрос.
- ³³ Замечу, что при этом 11 эп. весьма напоминает сказочный сюжет – хозяин дает невыполнимое поручение (не желая, чтобы оно было выполнено) – исполнитель его исполняет. (Ср. пример в разделе 3.2.1, – как обошелся Ахмет-Ахай с кувшином каймака).
- ³⁴ Diog. Laert. 6, 40, 5–9. «Когда Платон дал определение, имевшее большой успех: “Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев”, Диоген ошпарил петуха и принес к нему в школу, объявив: “Вот платоновский человек!” После этого к определению было добавлено: “И с широкими ногтями”». Перев. М.Л. Гаспарова.
- ³⁵ По умолчанию, видимо, считается, что метафорически употребляться могут только знаменательные части речи. По словам В.И. Королькова, подводить под метафору «процессы семасиологических изменений, свойственные служебным частям речи» было характерно для «старой семасиологии» (*Корольков В.И. О внеязыковом и внутриязыковом аспектах исследования метафоры // Уч. зап. МГПИ Иностранных языков. 1971. Т. 58. С. 80, прим. 89.*)
- ³⁶ *Никифоров А.И. Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. С. 95.* Фрагмент сказки записан автором с сохранением особенностей речи сказочника.
- ³⁷ Ст. Меркле отнес самые разные проделки Эзопа к типу «Эзоп понимает (или же «исполняет») слишком буквально» («Aesop takes too literally»). Мне представляется, что понятием «буквальности» Меркле злоупотребил. Невозможно согласиться с тем, что Эзоп буквально понимает приказ в следующих эпизодах: *Свинные языки* (10), *Сколько людей в бане?* (12), *Чем вертит собака?* (20) – как это утверждает Меркле. (*Merkle St. Op. cit. P. 218–219.*)
- ³⁸ В «Тиле Уленшигеле» имеются и другие метафоры в составе приказных эпизодов, – но их подробный разбор выходит за рамки настоящей работы.
- ³⁹ *Карцевский С.О. Указ. соч. С. 87.*
- ⁴⁰ Ксанф прибегает к порке Эзопа дважды – в 11 и 18 эпизодах (в 11-ом – только в версии W).
- ⁴¹ *Holzberg N. Der Äsop-Roman: Eine strukturanalytische Interpretation // Der Äsop-Roman: Motivesgeschichte und Erzählstruktur / Ed. Holzberg N. Tübingen, 1992. (Classica Monacensia. 6.) S. 53.*
- ⁴² В рукописи W Эзоп вообще ничего не отвечает на вопрос про хвост (W 30, 8-11).
- ⁴³ *Pervo R.I. A Nihilistic Fabula: Introduction The Life of Aesop // Hock R.F. et al. Ancient Fiction and Early Christian Narrative. Atlanta, Sholars Press, 1998. P. 90.*
- ⁴⁴ *Hopkins K. Novel evidence for Roman Slavery // Past and Present. 1993. No 138. P. 3–27.*
- ⁴⁵ *Брагинская Н.В. Эзоп – служитель Муз, или Ошибка бога // Восток и Запад в балканской картине мира / Памяти В.Н. Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 149–150.*
- ⁴⁶ *Повесть об Ахикаре Премудром // От берегов Босфора до берегов Евфрата: Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / Перев., предисл., и коммент. С.С. Аверинцева. М.: МИРОС, 1994. С. 51–75.*
- ⁴⁷ Предвижу обоснованное возражение: а как же попов работник в русской сказке? (хозяин в русской сказке очень часто – поп). Работник, соблазняющий «попову дочь безвинную», а то и «мать-попадью степенную»? Мне представляется, что работник-любовник и работник, лишенный права сердиться – суть два разных фольклорных героя.

Московские лингвисты

И. Мельчук

Виктор Юльевич Розенцвейг (1911–1998)

Статья посвящена жизни и научной деятельности Виктора Юльевича Розенцвейга, организатора и мецената молодой советской лингвистики в 1950-е – 1970-е годы в Москве. Она основана на личных воспоминаниях автора, младшего друга ВэЮ в течение сорока лет.

Ключевые слова: история советской лингвистики, Лаборатория машинного перевода, Московская семантическая школа.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.

В.А. Жуковский

Я хорошо понимаю, что моих способностей недостаточно, чтобы создать удовлетворительный портрет Виктора Юльевича Розенцвейга, попросту ВэЮ, человека, который во многом заменил мне отца, а для целого поколения российских лингвистов был покровителем и заботливым руководителем. Тем не менее, я берусь за это безнадежное дело, ибо страдаю от мысли, что не только иностранцы, но и россияне младших поколений не знают о роли ВэЮ в судьбе многих молодых лингвистов его времени и не понимают, почему мы, старики, так восхищаемся им. А когда мы уйдем (уже совсем скоро!), некому будет хотя бы вкратце набросать эту главу из жизни российской науки – да и из самой российской жизни.

Что касается фактов, составляющих, так сказать, твердый скелет истории лингвистической деятельности ВэЮ, то они изложены и документированы достаточно полно в двух статьях В.А. Успенского¹. Это позволяет мне не сосредоточиваться на объективной стороне дела, а оставаться на все 137% субъективным. Я хотел бы предложить картину «ВэЮ глазами Мельчука» в виде триптиха: тезис – антитезис – синтезис. А именно, начав с описания того аспекта личности ВэЮ, который был перед моими глазами (и остается перед глазами моей памяти), коснуться того аспекта его жизни, который был скрыт от всех нас (и приоткрывается только сейчас, да и то по чайной ложке в год), и попытаться подвести хоть какой-то философско-моральный итог.

© Мельчук И., 2012

I

Лично для меня ВэЮ появился на сцене в 1956 году, как только я закончил Московский университет, летом 1956 года. К тому времени я уже более двух лет занимался машинным переводом – с февраля или марта 1954, вместе с математиком-программистом Ольгой Кулагиной, под руководством профессора Алексея Андреевича Ляпунова. Довольный нашим сотрудничеством, Ляпунов хотел взять меня на работу к себе – в Отделение Прикладной математики знаменитой «Стекловки»², но это у него не получилось: первый отдел его института наотрез отказался рассматривать мою кандидатуру – из-за моего еврейства. (Может быть, были и другие соображения – мой слишком длинный язык и несдержанный характер; к тому же институт Ляпунова был секретным: там первые советские компьютеры работали над расчетами траекторий баллистических ракет.) И вот тут, насколько мне известно, ВэЮ, который бог ведает каким образом узнал о проблеме, написал письмо об этом Акселю Ивановичу Бергу, замечательному человеку и ученому, адмиралу-академику (и недавнему заключенному советских концлагерей), который связался с Ляпуновым и добился – через президиум Академии Наук СССР – выделения ставки для меня в Институте языкознания АН СССР, куда я и поступил в 1956 году (тоже не без проблем, но об этом в другой раз). Таким образом началом своей лингвистической карьеры я, хоть и косвенно, обязан Розенцвейгу.

1956 год – очень важный момент в жизни России. Только что Хрущев объявил о конце сталинизма; официально закончился кровавый кошмар, длившийся тридцать лет. Государство перестало убивать. Только люди, сами жившие под коммунистическими режимами (Россия, Китай, Камбоджа, Северная Корея), могут представить себе, что означает конец такого существования. Началась эпоха «Бури и натиска», с последующей розово-голубой романтикой. Казалось, перед нами открылись бескрайние горизонты нормального существования. «Оттепель», как назвал это время Эренбург. А я бы сказал – неожиданный конец полярной ночи и сумасшедшая, неудержимая Весна. Все превратились немножко в мартовских котиков... Больше я никогда не переживал такого всеобщего ликования. Все вокруг представлялись умниками и друзьями. Именно в это время расцвела культура туристских походов, увлечения альпинизмом, пения у костров и посиделок на кухнях.

Начались грандиозные преобразования в науке. Из лагерей стали возвращаться исхудавшие выжившие ученые – такие, как Николай Тимофеев-Ресовский (вернулся и еще не реабилитированный Солженицын). Из могильной тьмы хлынули потоком до тех пор

не известные моему поколению имена: писатели и поэты, ученые и архитекторы, инженеры и художники. Кибернетика в одночасье перестала быть лженаукой буржуазных мракобесов и американской военщины³; как-то сами собой усохли и отпали сталинское языкознание и сталинская биология (увы, не сразу и не совсем). Стало можно открыто говорить – и даже писать в печати – о теории относительности. Раздались первые песни Визбора, Высоцкого, Окуджавы. Эпоха Раннего Реабилитанса!

На этом фоне и надо рассматривать явление ВэЮ народу. В.Ю. Розенцвейг, беспартийный, сравнительно недавний иммигрант, скромно заведовал кафедрой французского перевода в МГПИИЯ – Московском Государственном педагогическом институте иностранных языков (что на Остоженке, в те времена – еще Метростроевской; ходовое название – Ин-Яз). ВэЮ не был вхож в тайные коридоры и не казался своим человеком у советской власти, однако же сумел создать в 1956–1957 годах центр, объединявший все лучшее, что было тогда в советской лингвистике (в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Киеве, Тбилиси, Ереване). А именно, ВэЮ придумал Объединение по проблемам машинного перевода – вполне мистическую организацию, не имевшую ни помещения, ни бюджета, ни членства, но, тем не менее, дававшую рекомендации для защиты диссертаций, проводившую конференции, организовывавшую летние/зимние школы, семинары и коллоквиумы, оформлявшую командировки, а главное – издававшую БОПМП, знаменитый «Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода», единственный (я подчеркиваю: единственный!) орган, где могли публиковаться мы все. В 1969 году ВэЮ создал не менее мистическую Проблемную Группу по Экспериментальной и Прикладной Лингвистике, под эгидой которой чуть ли не 20 лет печатались лингвистические брошюры-препринты – своеобразный самиздат. Разумеется, редактором и издателем был лично В.Ю. Розенцвейг. Это было странное сообщество, такая пифагорейская школа посреди большого советского концлагеря (правда, не такого страшного, как еще совсем недавно)...

Ко всему этому ВэЮ устроил при МГПИИЯ Лабораторию машинного перевода, имеющую несколько штатных мест и финансово опирающуюся на договорные работы. В разные моменты в ней трудились Жолковский и Щеглов, Леонтьева и Мартемьянов, Ельницкий и Урысон, Королев и Эрастов, Перцов и Шаляпина, Чехов и Гиндин. А вокруг роились друзья и союзники: Ив́анов, Успенский и Падучева, Кулагина, Арсентьева и Шиханович, Мельчук и Иорданская, Апресян, Гладкий и Дрейзин...

В этой лаборатории ВэЮ проводил первые на советской земле встречи нормальных лингвистов с живыми иностранцами: прохо-

Виктор Юльевич Розенцвейг (1911–1998)

дит потрясающий вечер с Романом Якобсоном; является изрекать окончательные истины Дэвид Хейс (карикатурный американец – огромного роста и с сигарой во рту); выступает один из первых хомскианцев Роберт Лиз; появляются англичанин Тони Хоар (который, как он говорил, по утрам «отрывал и бросал» – вместо «рвал и метал»), француз Дени Пайяр, немец Манфред Бирвиш, венгры Сепе и Папп, поляка Анна Вежбицка, австриец Тильман Ройтер; и другие, которых я уже не помню. Таким образом, существенно раздвинулись наши горизонты и стала меняться наша ментальность узников. Замечу еще, что ВэЮ организовал на переводческом факультете Ин-Яза отделение машинного перевода, умножив тем самым контакты студентов с порядочными людьми и настоящей наукой.

И, наконец, ВэЮ, как блестящий дипломат, непрерывно улаживал конфликты, возникающие между его подопечными и властями предрежащими. Этот аспект его деятельности отражен в оде В.А. Успенского, которую я не могу не привести полностью (см. Приложение).

А теперь, я думаю, можно перейти к моим личным воспоминаниям о ВэЮ. Начну с двух его фотографий, которые сохранились у меня и которые хорошо передают его внешний облик:

Внешне ВэЮ представлялся человеком зарубежного разлива: так, он ходил в берете, что вовсе не было принято в СССР. Говорил по-русски прекрасно, но с сильным еврейско-французским акцентом. Был изысканно вежлив и всегда – даже в больничной пижаме – элегантен. И самое главное: ВэЮ был Великим Менеджером Всех Времен и Народов, хотя само слово «менеджер» в те дни нам известно не было. Именно благодаря ему в России выросло и вышло в большую лингвистику целое поколение ученых. Не было бы ВэЮ – не было бы и нас...

«В общем редкий пример отцовской фигуры, которую нет ни малейшей охоты деконструировать. Он сделал для нас и из нас, наверное, лучшее, что можно было сделать», – написал о ВэЮ Всеобщий Издатель А. Жолковский⁴. Я присоединяюсь.

Мои истории идут в произвольном порядке – как вспомнилось. Впрочем, может быть, последовательность их выныривания из памяти тоже что-то отражает?

«Такому начальнику пол-литра не поставить?!» Отлеживаясь в больнице после операции на колене (результат взрыва примуса в горном походе летом 1968-го года), я познакомился и подружился со сравнительно молодым рабочим-водопроводчиком Мишей, фамилию которого если я и знал, то напрочь забыл. Он лежал в той же больнице рядом со мной на полу в коридоре травматологического отделения, с такой же травмой.

Один из многочисленных детей школьной уборщицы-мордовки, в раннем детстве в Поволжье Миша нищенствовал, собирая кусочки хлеба и вареные картошки по деревням. Подростком пришел в Москву, где сменил много работ и получил много самых разнообразных травм, производственных и бытовых. (Как-то в подпитии Миша затеял игру со свояком: кто ближе подпустит к своему лицу работающую электропилу; результат был очевиден: пила разрежала Мише лицо и лоб, он чудом выжил, сохранив чудовищный шрам через всю физиономию.) Чтобы получить прописку и жилье в Москве, он пошел на наружные водопроводные работы: прокладка и ремонт водопроводной сети под открытым небом (а в Москве температура зимой часто бывала под -30°). Студеным январским днем Миша поскользнулся в глубокой траншее – разрыв мениска и связок в оперированном много лет назад колене. Так он оказался моим соседом на полу в коридоре 1-ой Градской. И тут я узнал, какой это славный человек, несмотря на его дремучую бескультурность. С первой же минуты Миша бросался помогать оперированным больным: подносил им воду или судно, утирал пот, помогал поменять позу, просто поглаживал лицо или руки, когда боль была невыносимой... (Наша единственная санитарка, немолодая женщина, страдающая к тому же слоновой болезнью, никак не могла управиться с сотней неходячих больных, заполнявших не то что палаты, но и все полы коридоров Отделения травматологической хирургии.) А потом, когда благополучно починенный в (n+1)-ый раз Миша сам стал неходячим после операции, он щедро делился с пестрым населением нашего Отделения вкусной едой, которую ему приносила жена.

Мы подружились – при всей невероятности этой дружбы. Меня привлекала необыкновенная человечность этого изуродованного, избитого жизнью работяги. Ему же, как мне кажется, нравилась

жизнь интеллигентов: любовь к истине, теплая дружба, известная утонченность, какая-то отрешенность от повседневных забот. Он восторгался моими друзьями, навещавшими меня в больнице, и Лидой. И после того, как мы оба, Миша и я, вышли из больницы, Миша стал регулярно приезжать к нам в гости на Байкальскую улицу. Телефона у нас не было, так что он рисковал часовой поездкой, ибо иногда не заставал нас дома. Да и если заставал: он ведь ехал к нам после восьми часов тяжелейшей работы...

В один из зимних вечеров Миша явился к нам с пакетом апельсинов (которые он безо всякого зазрения совести воровал на базах для закрытых партийных распределителей, чтобы потом раздавать детишкам во дворе общежития); у нас же был ВэЮ. Мы пили чай с чем-то очень скромным. Миша подсел к столу; я представил Мишу и ВэЮ друг другу, и разговор продолжался: как всегда, о событиях в научном (= лингвистическом) мире, о знакомых семьях, о книгах и фильмах. Миша, разумеется, помалкивал. Но вдруг он встал из-за стола и, стоя в дверях, за спиной Лиды и ВэЮ, знаком поманил меня к себе. «А этот Виктор как там – он тебе кто?» Объяснить было непросто; я упростил: «Вроде бы начальник». – «Начальник, трах-тибидох?!? Такой мировой? Что ж ты поллитра не поставил?? Слушай, вот у меня трешка, я сбегаю к метру, там мага́зин, возьму хоть портвейна. Разве можно такому начальнику не поставить, мать-перемать, размать и вы́мать!!!» Мне стоило большого труда убедить его, что ВэЮ **настолько** хороший начальник, что и поллитра ему не надо. И до сих пор я не могу ответить на вопрос, каким образом неграмотный Миша смог оценить по достоинству личность ВэЮ. Но сам факт поразил меня настолько, что и сейчас, больше полувека спустя, я вижу сияющие Мишины глаза, ловящие каждое движение ВэЮ. Миша, ау? Где ты? (От Нины Леонтьевой я узнал, что ВэЮ со смехом пересказывал ей Мишины слова: «Вот человек с большОЙ буквОЙ!»).

«**Отойди от окна!**» С момента рождения нашей дочки Светы (1963 год) я говорил с ней по-французски, что она ненавидела, но была вынуждена все-таки что-то усваивать. Как-то, когда ВэЮ был у нас, шестилетняя Света стояла у приоткрытого окна (ранней весной? поздней осенью?), жадно рассматривая нечто происходящее на улице; а из окна несло холодом. – *Va t'en de la fenêtre!* – крикнул я ей, калькируя русское «отойди от окна». И вдруг ВэЮ прерывает разговор, который мы вели, задумывается и говорит мне: «Игорь, так по-французски сказать нельзя! Не знаю, почему, но нельзя». – «А как же надо?» – «Ммм, ну, например, *Ne reste pas près de la fenêtre*». С тех пор прошло более сорока лет, уже не было с нами и самого ВэЮ, а я все думал и думал об этом замечании. Как формально

описать невозможность фраз типа **Va t'en de la fenêtre?* Лишь в последние годы постепенно сформировался (на самом деле – простой и очевидный) ответ: необходимы ограничения не на фразы как таковые, а на комбинации смыслов, т.е. необходимы смысловые фильтры. Так, для французского языка надо иметь фильтры, запрещающие выражать в одном слове определенные комбинации семантем, вроде *['направление перемещения' + 'способ передвижения']. ('Направление перемещения' выражается по-русски глагольными префиксами типа *от-* vs. *под-*: *отойти* vs. *подойти*, и т.д., а по-французски – такими глаголами, как *aller* vs. *venir* или *sortir* vs. *entrer*. Компонент 'способ передвижения' содержится в смысле глаголов 'идти', 'ехать', 'ползти', 'плыть', 'лететь'.) В то же время необходимы фильтры, требующие – в данном языке – определенных комбинаций семантем в смысле слов. Иначе говоря, по-французски надо сказать либо 'приближаться'/'удаляться', либо 'ползти'/'бежать', а по-русски – 'подползать'/'отползать' или 'подбегать'/'отбегать'. Что в смысле французских глаголов не комбинируются смыслы направления перемещения и способа передвижения, было известно давно – со времен Ш. Балли⁵. Необходимо было сделать небольшой следующий шаг. Так родилась концепция сложных смыслов, правильных в одном языке и неправильных в другом; и вот первый результат: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»: слова ВэЮ отзывались во мне много лет спустя – но отзывались.⁶

«Доктор Реформатский». Один из лучших лингвистов России, Александр Александрович Реформатский не был профессором, поскольку не был доктором наук. Наше начальство, т.е. дирекция Института Языкознания АН СССР, относилась к нему с удивительным неуважением; в какой-то момент его даже вывели из состава Ученого Совета института, не предупредив его об этом... А писать и защищать докторскую диссертацию он наотрез отказывался, говоря что-то вроде того, что «дожил я так до 70-ти лет, и до Ваганькова так же доживу». Тем бы дело и кончилось, если бы не ВэЮ. Узнав про все это, он энергично взялся за дело: убедил ректора Ин-Яза провести защиту в Ин-Язе, т.е. в недоступном для академических злопыхателей месте, нашел и пригласил оппонентов, и Реформатский стал доктором наук по совокупности опубликованных трудов.

«Кто-то же должен быть в лавочке!» ВэЮ принимал на работу секретаршу – Риту Бурьянову. Как она вспоминает, он чрезвычайно радушно и любезно объяснил ей ее будущие обязанности и сказал, как бы извиняясь за то, что ей придется бывать в лаборатории: «Мы здесь мало бываем, работаем дома, но кто-то же должен сидеть в лавочке!» Этой фразой с соответствующим акцентом и интонацией он ее совершенно купил.

«Девочки простаивают!» В 1970 году ВэЮ организовал для сотрудников Лаборатории и примкнувших к ним лингвистов замечательную летнюю школу (в конце мая) в Доме композиторов рядом с армянским городком Дилижан. К нашим услугам были чудесные коттеджики, где многие из нас жили со своими семьями, вполне хорошая столовая и удобные помещения для работы. И работали мы, как заведенные, – с удовольствием и в полную силу, регулярно собираясь в зале для коллективных обсуждений и докладов. Туда время от времени нервно заглядывал директор Дома – очень типичное, прямо-таки карикатурное лицо «кавказской национальности»: уса-тый армянин, с огромным носом, глазами-сливами и знаменитым кавказским акцентом. И видя его в десятый раз, я спросил ВэЮ, чего он так беспокоится. «А вот, видите ли, Игорь, – ответил мне ВэЮ, – у него тут три библиотекариши, спецзатейница, две официантки и т. п. – вполне роскошные дамы. Но он со мной говорил и жаловался на вас...» – «На меня?!?» – «На всех вас, или точнее, на всех нас. Что, говорит, ви за мужыкы такыя паанаехалы? Такыя дэвочки – палчыкы облыжыш! – и простаивают!!»

«Чем пахнет?» А сейчас о совсем других девочках – моих дочках. Когда ВэЮ приезжал к нам и звонил, мы приоткрывали дверь. В щель просовывался его огромный волосатый кулак и раздавался приглушенный голос: «Ну, чем пахнет?» Света и Катя с визгом неслись к дверям, ибо под кулаком, на веревочке, зажатой в другой руке, болтался пакетик с чем-нибудь ооочень вкусным...

«ВэЮ и помидоры». Однажды я навестил ВэЮ на даче. Когда я приехал, он занимался удобрением помидоров, которые он там у себя выращивал. К длинной палке он приладил кружку, которая могла управляться бечевкой; с помощью этого нехитрого снаряда он черпал откуда надо человеческие фекалии, переносил их как надо и аккуратно выливал куда надо. При этом он был в строгом черном костюме, в белой рубашке и при галстукe – он ждал гостей. Невозможно вообразить себе более элегантного разбрызгивателя говна.

«Мои фурункулы». Жена ВэЮ, Анна Марковна Маршак, была знаменитым врачом, специалистом по гнойной хирургии (работала в институте им. Вишневского). Ее нередко приглашали оперировать важных партийных боссов – они доверяли этой еврейке больше, чем своим расово чистым кремлевским врачам. После операции ей вручался конверт с приличным вознаграждением, но на постоянную работу в Кремлевскую больницу ее не приглашали. И, конечно, она спасала всяческих шишек в национальных республиках. Я помню, как однажды вечером в квартиру Розенцвейгов буквально вломились два роскошных грузина: «Гыдэ доктор Маршак? Вот былет Тыбылиси – сычас прамо лытет!» (там погибал от гнояного заражения

кто-то очень важный). Трудно себе представить благодарность всех этих людей – для Анны Марковны они были готовы на все. Даже я попользовался этим ее благодатью. Как-то, после похода по Кавказу, мы должны были вылетать в Москву из Сухуми. Билетов, конечно, не было на две недели вперед. Но я чудом вспомнил фамилию первого секретаря сухумского горкома партии NN – его сын был починен Анной Марковной в ситуации полной безнадежности. И я обратился к начальнику касс аэропорта. Как только меня связали с NN по телефону и я произнес имя Анны Марковны, он сказал: «Для нее – все. Сколько вам нужно билетов?» И мы улетели на следующий день.

Однажды приболел сам ВэЮ; это случилось в последний день летней школы в Армении. В самолете он чувствовал себя все хуже и хуже. Дома Анна Марковна поняла, что у него аппендицит, и отвезла его в больницу. Там дежурный хирург, осмотрев ВэЮ, нашел, что ничего особо острого нет и надо ждать до утра. Анна Марковна же считала, что оперировать надо немедленно. Хирург отказался. И тогда доктор Маршак сама велела класть ВэЮ на операционный стол и сама взялась за скальпель. Аппендикс был такой набухший, что еще немного – и он бы лопнул: гарантированный перитонит. А так ВэЮ уже через день поднимался с койки и встречал навещающих его друзей.

В моей собственной жизни Анна Марковна также занимает особое место. В молодые годы я страдал от разных бактерий, прямо-таки кишевших во мне: то какая-то флора в крови, то стафилококк, то герпес. В академической поликлинике (куда я должен был обращаться, так как работал в системе Академии) ничего с этим поделать не могли: то просто резали замучившие меня фурункулы, то принимали их за венерическое заболевание (*sic!*), но лучше мне не делалось. И вот однажды я физически не смог куда-то пойти из-за фурункула на колене, о чем, оправдываясь, доложил ВэЮ. «Покажем Вас Ане!», немедленно отреагировал он. И через день я был осмотрен, диагностирован и снабжен ампулами стафилококкового анатоксина, который тогда (полвека назад!) разрабатывался в одной из лабораторий института Анны Марковны; после нескольких уколов я забыл фурункулез навсегда... А когда в Новосибирске от диабетической гангрены погибал замечательный человек, математик Глеб Акилов, Анна Марковна добывала синтетическую кожу, необходимую ему (а я переправлял эту кожу в Новосибирск).

И кого только из нас, наших жен и наших детей Анна Марковна ни лечила! Например, по просьбе Риты Бурьяновой, она очень помогла Ритиной сестре. Та почти полгода пролежала в больнице в тяжелом состоянии, и врачи не смогли не только ее вылечить, но даже поставить правильный диагноз. Анна Марковна организова-

ла визит крупного специалиста, и этот специалист все точно определил и назначил эффективное лечение. Еще один пример: осенью 1968-го года в больнице умирал от общего сепсиса Юрий Глазов, востоковед и диссидент. И вот «Анна Марковна Маршак, <...> эта удивительная женщина, – пишет Глазов, – грозит моей докторше, что привлечет ее к судебной ответственности, если та немедленно не приступит к вливанию мне плазмы. Откуда-то вдруг явились чудодейственные заграничные лекарства»⁷; и Глазов выжил!

Роль Анны Марковны в наших жизнях хорошо передается следующим стихотворением, которое написал Юрий Зиман к шестидесятилетнему юбилею ВэЮ:

1. А чьи антибиотики
У всех у нас в животики?
Без чьих антибиотиков
Животики никак?
– Анны Марковны Маршак.	2. Кто, любя так нежно мужа,
Раскромсал, нутро наружу,
Вынул, срезал, что похуже
(Организму вреден брак!)?
– Анна Марковна Маршак.
3. К кому столпы ученые,
Трудами допеченные,
Годами не леченные
Спешат, ускорив шаг?
– К Анне Марковне Маршак.	4. От кого стафилококки
Дохнут в судорогах, в шоке?
Кем карбункул в липком соке
Обезврежен, гнойный враг?
– Анной Марковной Маршак.
5. Не построишь перевод,
Если мучает живот.
Просто не было б науки,
Если б Вам не скальпель в руки.
Безусловно, это так!
– Glory, glory, hallelujah
Анне Марковне Маршак!!!	

Было бы несправедливо не упомянуть в заключение, что Анна Марковна была к тому же потрясающей кулинаркой. Кто хоть раз пробовал ее знаменитые «мититеи» – маленькие румынские люля-кебабчики, тонущие в суперсмачном соусе, – вряд ли смог их забыть. Полвека спустя я помню их вкус!

«Тер-Микаэлян и вино». Тед Тер-Микаэлян, сухощавый, подтянутый, энергичный компьютерщик из Еревана, был одним из важных узелков в сети социальных связей ВэЮ: он друг влиятельного академика Сергея Мергеляна, он заведует чем-то там по машинному переводу, он вхож туда и сюда. Одним словом, в некий день мы оказались вместе у ВэЮ – на старой квартире, в дореволюционном шикарном доме на Арбате, – в квартире покойных родителей Анны Марковны. С утра мы составляли какую-то очередную бумажку – ви-

димо, с просьбой о каких-то деньгах, и около часу дня ВэЮ предложил нам «позавтракать». (На французский манер, он называл обед завтраком – *déjeuner*.) «Мы так хорошо поработали, – сказал он, – что заслужили бутылку вина. Какое бы вы хотели?» Мы ответили, что такое, какое у него есть. «А у меня всякое есть!» – «Ну уж, – удивился Тед. – Не всякое же все-таки!» – «А вы попробуйте, скажите, какое Вам хочется». И многоопытный Тед произнес что-то вроде «*Saint-Émilion*», звучащее заманчиво и непонятно. «Посмотрим», – невозмутимо откликнулся ВэЮ. Он повел нас в соседнюю комнату, где стоял высоченный, до потолка буфет. ВэЮ распахнул дверцы: сверху донизу буфет был заполнен винными бутылками – их были сотни! Короткий поиск – и ВэЮ размахивает перед носом Теда бутылкой этого самого «*Saint-Émilion*»-а!! В течение следующих десяти минут Тер-Микаэлян приседал и, подскакивая, хлопал себя по ляжкам: «Ай-ай-ай! Ах-вах-вах! Ай-ай-ай!» И вино оказалось очень хорошим...

Припомнилась заодно и другая история, сопрягающая Тер-Микаэляна с ВэЮ. В какой-то момент, на аэродроме в Ереване, Тед Тер-Микаэлян должен был встречать – перед проведением какой-то конференции – важного гостя, представителя военной организации, из которой ВэЮ выколачивал договорные деньги. Этот человек был большой шишкой, во всяком случае для нас: от него зависело наше материальное благополучие. Звали его Нижник. В зале аэропорта ВэЮ и Тед обсуждали детали приема этого потенциального благодетеля, и ВэЮ сказал: «Только смотрите, не обмолвитесь». – «То есть как это?» – «А вот назовете его Нужник... вот как это». Я ясно вижу, как Тед рассказывает перед зданием аэропорта, зажав себе уши и твердя: «Не Нужник, не Нужник, не Нужник». Конец предсказуем: в решительный момент, Тед звенящим голосом начал свою приветственную речь: «Дорогой товарищ ... Нужник!» (Ничего страшного не случилось: т. Нижник был привычен к этой обмолвке).

«Как если бы Игорь был птицей». Как мне кажется, раньше, чем это стало возможно в каком-либо другом месте в Москве, ВэЮ начал принимать в Лаборатории МП зарубежных гостей. И вот там выступает Жан-Клод Гарден, археолог, работающий много лет в Афганистане. Он создал формальный язык – СИНТОЛ, предназначенный для описания определенных типов археологических находок, в частности, различных керамических изделий; базы данных, составленные с использованием этого языка, позволяют автоматический поиск по любым параметрам. Жан-Клод делает доклад об этом своеобразном «семантическом» языке, и ВэЮ просит меня переводить. Но я не мог переводить, не понимая, а понимал плохо; поэтому я все время прерывал Жан-Клода, получал от него необходимые разъяснения, а затем кратко излагал понятое – представляя

все так, как это сделал бы я сам, если бы разрабатывал СИНТОЛ. Ситуация стала раздражать публику, и меня прогнали, заменив, кажется, Юрой Мартемьяновым. А ВэЮ, резюмируя через несколько дней свои впечатления от доклада и моего перевода, сказал своим собеседникам: «Вы знаете, как Игорь изучал бы полет птиц? Он описывал бы, как бы летал он, если бы был птицей!» Я считаю, что это абсолютно точная характеристика моей деятельности.

А вот однажды выданная им оценка чьей-то статьи: «Читал (с легким намеком на “цитал”) я статью К. Вот он как бы уговаривает даму, ласкает, готовит, подогрывает, а в самый последний момент “Схъ! – и в сто’ону...”⁸ (Его *ср.*, т.е. модное гуманитарное «сравни», я транскрибирую, как умею)».

«А 3 р. 23 к. за рыбу». Лингвист Исаак Ревзин был другом и соавтором ВэЮ. Человек непрактичный и подверженный разным мелким (и не таким мелким) неприятностям, он находился под теплым крылышком ВэЮ, который непрерывно заботился о нем; в частности, одалживал ему деньги, находил жилье, а когда Ревзин болел – подолгу и мучительно, к нему посылалась бессменная Анна Марковна: как врач и как кухарка. И вдруг произошел полный разрыв. Причиной был Алик Жолковский, а более точно – выпущенный им рукописный сборник в четвертушку листа под названием «Who is Who in Linguistics»⁹, где подвергались ехидным насмешкам все люди, сколько-нибудь широко известные в узких кругах лингвистов и филологов. Большинство из осмеянных реагировали громким смехом. Но увы! не все. Так, про Ревзина, который одним из первых российских лингвистов стал писать про цепочки (символов), «Who is Who» сообщило, в частности, что «он – пролетарий умственного труда, которому нечего терять, кроме своих цепочек» (я и сейчас невольно улыбаюсь, читая эти строки...). Ревзин взбеленился и потребовал от ВэЮ немедленно уволить Алика из лаборатории. Как ВэЮ ни пытался образумить Ревзина, тот не унимался; а когда ВэЮ наотрез отказался обсуждать вопрос об увольнении Жолковского, Ревзин заявил о полном разрыве дипломатических отношений...

Прошло время; я работал с ВэЮ у него дома, когда в дверь позвонил почтальон: он принес почтовый перевод. ВэЮ получил деньги, расписался – и вдруг я увидел у него на глазах слезы. В ответ на мой удивленный взгляд, он протянул мне талон перевода: «Это деньги, которые Ревзин был мне должен...» На талоне значилась дикая сумма: 2003 р. 23 коп. И приписка: «2000 – мой долг; а 3 р. 23 к. – за рыбу». Оказалось, что в какой-то момент Ревзин лежал в чужой квартире, один, больной, с тяжелым гриппом. ВэЮ, разумеется, привез к нему Анну Марковну, а та, кроме лечения, сварила для Ревзина купленную ей по дороге рыбу. Цену вот этой рыбины и возвращал

Ревзин. (Увы, данная ссора кончилась для Ревзина плохо: когда у него случился тромбоз, он не обратился к Анне Марковне, как делали все лингвисты из круга Розенцвейга, а лег на операцию в академическую больницу, с ее малограмотными врачами; и там он погиб от нераспознанного тромба в воротной вене...)

«ВэЮ и “Лексическая семантика” Апресяна». Замечательная книга Ю.Д. Апресяна, ставшая существенной вехой в развитии современной лингвистики, не могла выйти в свет в издательстве АН СССР после того, как в 1972 автор был вынужден уйти из Института русского языка (как не прошедший переаттестацию на должность младшего научного сотрудника! Реальная причина – участие в ряде коллективных писем протеста). И вот тогда ВэЮ получил от Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР (в этом Совете председательствовал уже упомянутый выше А.И. Берг) согласие на публикацию монографии под грифом Совета; так книга и вышла в свет. (Не без дополнительных приключений, включающих кражу рукописи в Отделе Науки ЦК партии, но это другая история¹⁰).

«Система!» Когда на день рождения (83 года) ВэЮ в 1994-ом году в Бостоне собралось более двух десятков его бывших сотрудников и подопечных (из самых разных стран, включая Швецию), он был уже плох, физически и особенно умственно: писал какие-то заявления в домоуправление, боялся открывать дверь, заговаривался... Но был рад этому изъявлению любви и широко улыбался, узнавая то одного, то другого. А в разговоре с Лидой он вдруг сказал: «Знаете, Лидочка, мне кажется, я схожу с ума...».

Последний год жизни ВэЮ; он лежит на кровати в специализированной бостонской больнице для стариков, после перелома руки – в результате неудачной попытки встать. Он уже не узнает людей, кроме своего сына Володи: альцгеймер неуклонно добивает его. Но меня и Лиду он еще узнает... Мы втроем сидим у его постели: Володя и я с Лидой. Говорить с ВэЮ невозможно, сидеть молча – тоже; поэтому мы говорим между собой, а он, с полуулыбкой на губах, (вроде бы) следит за разговором, хотя мы в этом не уверены. Володя рассказывает нам об опытах по выработке электроэнергии на спутниках и ее транспортировке на землю. Несколько раз он произносит слово «система». И вдруг ВэЮ широко улыбается: «Да, система! Именно система...» Слово-пароль Серебряного века русской лингвистики все еще жило в его разрушенном мозгу.

Кстати, до самых последних минут ВэЮ оставался изысканным, доброжелательным джентльменом: пока он еще мог ходить и сидеть, он вставал из-за стола, когда к нему подходили люди, целовал женщинам руку при встрече и прощании и полностью очаровал своим парижским французским медсестру-гаитянку. И до конца старался

шутить – мягко и непритязательно. «Разве ж это собака? – сказал он про крохотную миниболонку. – Это просто лающая кошка...».

«Мы любим Вас, ВэЮ!» ВэЮ был окружен любовью; не только своих сотрудников и коллег, но и их семей, их друзей, семей их друзей и т.д. Так, Л. Ельницкий вспомнил: «В Ин-Язе я знал одного человека, который, когда я ему сказал, что работаю у Розенцвейга, заявил: “Розенцвейг меня спас”. Когда-то он был у ВэЮ студентом, в какой-то момент оказался в трудной житейской ситуации и даже собирался бросить учебу. ВэЮ заметил его подавленное состояние и принял в нем самое деятельное участие. Помог ему практически и еще долго продолжал его опекать. “Был мне как отец.”». Он и мне был как отец...

Вот три письменных свидетельства любви к ВэЮ, оказавшиеся у меня под рукой.

Книга «Синтаксис русских числовых выражений»¹¹ начинается следующим посвящением: «В.Ю. Розенцвейгу, с любовью – и в память об очень многом». А ниже – документы из альбома, изготовленного и подаренного ВэЮ сотрудниками Лаборатории Машинного перевода ко дню его шестидесятилетия.

Ниже – мое письмо ВэЮ, и оно самопонятно; а справа приводится шуточная словарная статья из Толково-комбинаторного словаря [ТКС] русского языка, который разрабатывался при ЛМП группой энтузиастов-лексикографов¹². (К сожалению, понимание юмора этой статьи предполагает серьезное знакомство с лексикографией подхода «смысл ↔ текст».)

26. XI. 91.
Дорогой мой (= мам)
В.Ю.,
мне хотелось промолвить
последние годы то, что Вы
есть; мне легка написать
дети и встретить Ноты,
вспоминаю о Вас.
Сказать, что я Вас
очень люблю и надеюсь
еще на долгие годы
общения и дружбы с

Вами, – это сказать
очень мало; но уж
я не умею говорить
хорошо – и не найду хоро-
ших слов. Да и не в
них дело! Вы все
самы знаете, что пишу.
но я хочу сказать
Вам!
Будете здоровы еще
десяток лет!
Ваш М.

Отрывок из ТКС
(Фрагменты статей "РОЗЕНЦВЕЙГ", "ОБЕД", "ОБАЯНИЕ")

РОЗЕНЦВЕЙГ

Dupl : устар. Реззин и ~
Syn : паеп., бухг., сборкнижн. Мордко Юльевич;
разг. ВэЮ
Gener : Цвейг
Mult : Розенбаум
Анон : Вайншвайг

1	2	3	4	5 - слабее
Кто заклю- чает договор	С кем за- ключает договор	С кем за- ключает договор	С кем за- ключает договор	С кем за- ключает договор
X	ГАРАСС обязат.	ГОСПЛАН обязат.	ПОКРАС обязат.	ГРЕНОВЬ желат.

Oper_{2,4} : поговорить с ~
ResultFunc : выдать, положить на стол

ОБЕД Примеры: Обед у Максима; Обед у Виктора Юльевича;
На обед у Виктора Юльевича подают 8 блюд.

ОБАЯНИЕ X-а = X действует на окружающих так же, как Виктор Юльевич

*) Поскольку проблема вскрытия сути обаяния вряд ли разрешима, определение должования дается с помощью ссылки на очевидный пример.

II

А теперь – совсем другая фигура, Мордхэ Иоэльевич Розенцвейг, родившийся в 1911 году в российско-румынско-украинском Хотине. Однажды я пришел к ВэЮ по делам, он усадил меня за стол и попросил подождать несколько минут; я стал сгребать в сторону бумаги, чтобы расчистить себе место за столом, – и вдруг увидел анкету, заполненную рукой самого ВэЮ. «1929–1937 годы: оперуполномоченный НКВД во Франции». Я отодвинул эту чертову бумажку далеко в сторону, понимая, что я не должен был ее видеть; но я уже увидел! Я, как и все, знал, что ВэЮ провел юность во Франции, учился в Сорбонне и в 1937 (!!!) взял и приехал в СССР – не будучи советским гражданином. Кажется, оставив во Франции любимую женщину, а может быть, даже и ребенка. И уцелел, избежав сталинской мясорубки! Все это уже само по себе было загадочно. И вот открывалась

совсем новая страница... Спрашивать ВэЮ не имело смысла; он отвечал «Так сложилось», «Такое было время», «Повезло». На это накладывалось много других непонятных фактов. Так, беспартийному и вполне чуждому советской власти еврею-иностранцу удавались вещи далеко не тривиальные по тем временам: он был скромным доцентом кафедры в Ин-Язе, он создал Лабораторию Машинного перевода, он издавал знаменитый «Бюллетень», он давал работу людям, которых советская система усиленно выталкивала. Позже я узнал, что в 1941 году его приятель Лев Копелев, офицер Красной Армии, был арестован и судим военным судом по обвинению в сотрудничестве с гитлеровцами, – верный расстрел. И ВэЮ, который работал вместе с Копелевым в ВОКС-е¹³, пишет заявление в суд, где ручается за Копелева и вступает в полемику с военными судьями! (Я узнал об этом не от самого ВэЮ, а из воспоминаний Копелева.) «Да, – подтвердил ВэЮ, – а что же было делать? Конечно, страшно было...» И его выступление спасло Копелева!

В течение тридцати лет раскрывалась передо мной – медленно, но неуклонно – истинная картина. В ее основе – старшая сестра ВэЮ, Эстер Иоэльевна Розенцвейг, известная миру как Елизавета Зарубина (по мужу), подполковник НКВД–КГБ, знаменитая советская шпионка; она и ее муж Василий Зарубин не знали ни одного провала за тридцать с лишним лет их плодотворной деятельности. Вот она:

(Кстати, она и ВэЮ были кузенами Анны Паукер, лидера румынской компартии и министра иностранных дел Румынии в начале 1950-х годов). Это она обеспечивала кражу и вывоз из США документов Манхэттенского проекта (атомной бомбы: разъяснение для молодых); это она отправила в постель к Эйнштейну увядающую красотку Маргариту Коненкову (чтобы приблизиться, если удастся, к атомным секретам, а главное, чтобы раз навсегда заткнуть Эйнштейну рот на тему преследования евреев в СССР, что полностью получилось!). Однако решающее обстоятельство – это то, что она вместе со своим верным супругом подготавливала успешное покушение на Троцкого в Мексике в 1940 году. Все организаторы и участники этого убийства получили пожизненные индульгенции и синекуры от главбандита СССР, чьи решения соблюдались и после его смерти. Так что ларчик открывался совсем просто: у ВэЮ была сверхнадежная «крыша» – сестра и ее муж Василий Зарубин, како-

И. Мельчук

вой, выйдя на пенсию, сделался мастером по производству копий средневековых лютней...

Но сам ВэЮ? Почему вдруг 1937-ой год и такая спешка? Что случилось во Франции в этом году? Похищение белого генерала Миллера (расстрелян в Москве в 1939) и убийство перебежчика Игнация Рейсса – и то и другое дело рук НКВД. Однако же в связи с этими двумя преступлениями ВэЮ нигде не упоминается, притом что их участники известны. Что-то более мелкое, не попавшее в общедоступные источники? Я ответа так и не узнаю.

III

В одном из романов Джон Ле Карре говорит устами Смайли, своего любимого персонажа, про человека, который был самоотверженным героем антинацистского сопротивления в Германии во время Второй мировой войны, а потом стал успешным агентом коммунистической гэдээровской разведки – безжалостным убийцей: «He was one of those world-builders who seem to do nothing but destroy». Такова была жизненная стезя огромного большинства коммунистических героев плаща и шпаги. Но Виктор Юльевич Розенцвейг сумел выскользнуть из гэдэшных тисков: его человечность и практический ум позволили ему «вернуться с поля» и посвятить свою жизнь заботе о молодой науке и, главное, о молодых ученых. Нам остается только благоговейно склониться перед стихийными силами мироздания, наделивших ВэЮ возвышенной душой, замечательным характером, быстрым разумом, любовью к истине и к добру. «На какой арене стяжал он поздний опыт свой? С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой». ВэЮ дает нам замечательный пример внутренней человеческой трагедии, типичной для 20-го века; в то же время его жизнь демонстрирует принципиальную возможность счастливого конца.

Благодарности

Спасибо от всего сердца читателям и критикам различных версий этого мемуара: прежде всего, Л. Иорданской, а также Ю. Апресяну, М. Бурьяновой, С. Гиндину, Л. Ельницкому, А. Жолковскому, Н. Леонтьевой, Н. Перцову и А. Чехову.

В.А. Успенский

По поводу шестидесятилетнего юбилея В.Ю. Розенцвейга¹⁴:

1	4
Когда, всклочив рыжий волос, Вскричит неистовый Мельчук, Когда его раздастся голос, Как эпатирующий звук; Когда угроз и злобы полн, Десницу занесет Федот ¹⁵ , – Кто по грядам враждебных волн Умело масло разольет?	Я помню вторник. Аксельбантом Блистал великий адмирал. Но чьим ораторским талантом Был покорен притихший зал? Кто выполнил блестяще миссию, Победу увенчав викторией? И в результате вот комиссия, Руководимая Викторией ¹⁶ .
2	5
Когда грозя мещанам фигой, В словесный воплотит контекст Все тот же неумный Игорь Свой неперебродивший секс, – По дерзкому сему пути Кто Игорю не даст пойти?	Любой вопрос подвластен ей [= комиссии]: И вычислительные центры, И картотеки словарей, И алкоголиков проценты. Авторитетное бюро Сказало ей свое добро.
3	6
Когда на поприще МП Случится некое ЧП, – В чьи благотельные руки, Мы судьбы предаем науки, И институтов, и себя? Владеет кто, хотел бы знать я, Искусством мудрой дипломатъи?	Но чьей отеческой заботе Обязан каждый семиотик? Кто там проводит семинар, Здесь выступление, тут лекцию? Кто вечно юную комплекцию От Бога получил как дар? Кто ж он? Конечно – юбиляр!

Примечания

¹ Успенский В.А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: как это начиналось (заметки очевидца) // Festschrift für Viktor Jul'evič Rozenčveĭg zum 80 / Ed. T. Reuther. Geburtstag. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1992. Sonderband 33. S. 119–162 (перепечатано с многочисленными дополнениями, приложениями, примечаниями и послесловием в: Успенский В.А. Труды по нематематике. М.: ОГИ, 2002. Т. 2. С. 965–1027.); Успенский В.А. Памяти Виктора Юльевича Розенцвейга // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1999, № 6. С. 33–37 (перепечатано в: Успенский В.А. Труды по нематематике... Т. 2. С. 1310–1317.)

² Математический Институт АН СССР им. В.А. Стеклова.

- ³ Не могу удержаться, чтобы не процитировать В.А. Успенского, который уже давно (1992) задал разумный вопрос: если мощь американской военщины опиралась на лженауку, то тем лучше это было для СССР. Ведь кибернетика делала эту мощь лжемоощью, не так ли? Однако коммунистические власти не принимали эту логику и обрушили на кибернетику всю мощь своей пропагандистской машины. (Успенский В.А. Серебряный век... С. 984–985.)
- ⁴ Жолковский А.К. Эросипед и другие виньетки. Томск, М.: Водолей Publishers, 2003. С. 521.
- ⁵ Bally Ch. Le langage et la vie. Paris: Payot, 1926; Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. Paris: Didier, 1961. P. 66–67; Гак В.Г., Ройзенблюм Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высшая школа, 1965. С. 184–186; Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели Смысл ↔ Текст // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1980. S. 11–13.
- ⁶ Iordanskaja, L., Mel'čuk, I. Linguistic Well-formedness of Semantic Structures // MTT'09. Proceedings / Eds. D.Beck, K.Gerdes, J.Milićević, A.Polguère. Montreal, 2010. P. 177–187. См. также: URL: <http://meaningtext.net/mtt2009>.
- ⁷ Глазов Ю.Я. В краю отцов. М.: Истина и жизнь, 1998. С. 159–162.
- ⁸ Жолковский А.К. Указ. соч. С. 521.
- ⁹ Who is Who & What is What in Linguistics: Справочник Объединения по Металингвистике при АН и КГБ СССР / Сост. А.К. Жолковский. Изд. 2-е дополненное и озлобленное. М.: Красное словцо, 1967 (рукопись). См. также: Кириллица, или небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова // Рутения [Электронный ресурс]. [2006]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/539834.html>.
- ¹⁰ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. С. iv–vi.
- ¹¹ Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.
- ¹² Mel'čuk I., Zholkovsky A. Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1984.
- ¹³ «Всесоюзное Общество по Культурным Связям с Заграницей»: организация, густо наштапованная агентами разведки и НКВД; она служила прикрытием таким чудовищам, как, например, главный костолом Сталина Кобулов – он служил в советском посольстве в Берлине как представитель ВОКС-а.
- ¹⁴ Успенский В.А. Серебряный век... С. 984–985.
- ¹⁵ Федот Петрович Филин, директор Института Русского языка, хитрый и злобный интриган. По слухам, во время Второй мировой войны командовал заградотрядом.
- ¹⁶ Виктория Николаевна Ярцева, директор Института Языкознания. (Мой преподаватель арабского языка Юлий Анцесс называл ее Al-Qiqimura.)

М.Р. Кауль

О лингвистическом наследии С.С. Хидекель

С.С. Хидекель (1915–2011) – инициатор и автор 16 учебных англо-русских и русско-английских словарей. Дается анализ принципов и конструктивных особенностей этих словарей. Рассказано о педагогической работе Р.С. Гинзбург и С.С. Хидекель и осозданной ими лексикографической школе.

Ключевые слова: С.С. Хидекель, Р.С. Гинзбург, преподавание английского как второго языка, учебная лексикография, контрастивная лексикография.

Сару Соломоновну Хидекель (1915–2011), прекрасного педагога с многолетним стажем преподавания английского языка (сначала в Военном институте иностранных языков, а в дальнейшем в МГПИИЯ им. Мориса Тереза – теперь МГЛУ), лексиколога-теоретика, руководителя многочисленных кандидатских диссертаций на стезю лексикографии привел именно этот огромный опыт лингвиста-теоретика и преподавателя-практика.

Когда-то все начиналось с составления лексических минимумов для студентов разных курсов института. Расцвет деятельности С.С. Хидекель пришелся на период бурного роста лингвистики и ее превращения из дисциплины описательной в науку со своим точным аппаратом, четкими терминологическими понятиями. Именно в те 60–70 годы состоялось формирование строгого лингвиста-мыслителя. Понятия структуры языка, языковых уровней, валентности языковых единиц, моделирования, словосочетания как единицы лексического уровня, продуктивности, частотности, математических методов в лингвистике и т. п., являющиеся трюизмом сегодня, тогда бурно обсуждались, апробировались в дипломных и кандидатских работах.

На кафедре лексикологии и стилистики английского языка МГПИИЯ им. Мориса Тереза существовала научная Секция лексикологии, где под руководством Р.С. Гинзбург и С.С. Хидекель и при участии других ученых кафедры обсуждались все животрепещущие вопросы лингвистики того времени. Обсуждались преподавателя-

ми, аспирантами и студентами. Это была прекрасная школа формирования научного мышления как для самих ученых, так и для их многочисленных учеников.

Атмосфера, царившая на секции, как мы теперь понимаем, была уникальной. А тогда казалось все естественным: «Так и должно быть. А как же иначе?» Требование строгости определений, обязательное обсуждения всех появлявшихся новых работ, участие во всех конференциях, присутствие и активное участие на всех защитах в институте, независимо от языка, тематики, уровня работы. Работы аспирантов обсуждались на секции – от первых неумелых статей до более зрелых и конечных вариантов диссертаций. Все аспиранты читали все опусы каждого из членов секции. Это был железный закон. Не прочесть чьи-то тезисы, не принять участия в обсуждении казалось преступлением. В результате вырабатывалось критическое научное мышление.

Розалия Семеновна Гинзбург вела отдельный семинар «Философские проблемы лингвистики». Все работы аспирантов имели четкое философское обоснование, были экспериментальны, доказательны. На секции после множественных обсуждений говорили: «Если прошел защиту на секции, ни один Ученый совет не страшен». И это все был колоссальный труд этих двух подвижниц, ученых-педагогов Р.С. Гинзбург и С.С. Хидекель. На секции выступали начинавшие тогда молодые Ю.Д. Апресян, Вяч.Вс. Иванов, Е.С. Кубрякова, П.А. Соболева...

Тогда же ими в составе расширенного коллектива было начато создание «Большого англо-русского словаря» (в дальнейшем издававшегося под разными редакциями), теоретические основы которого были заложены именно в ходе интенсивной лингвистической деятельности руководимой ими секции.

По инициативе Р.С. Гинзбург и С.С. Хидекель на кафедре лексикологии и стилистики английского языка МГПИИЯ им. Мориса Тореза был выпущен учебник по лексикологии английского языка¹, который до сих пор остается наиболее фундаментальным из существующих у нас в стране учебников по лексикологии. В нем нашли отражение достижения мировой теории и результаты работы авторов и их учеников. Саре Соломоновне принадлежит весьма обстоятельная часть, посвященная теории словообразования.

Лексикографический, лексикологический и преподавательский опыт подсказывал необходимость создания словаря словосочетаний. Надо учесть отсутствие в 70-е годы какой-либо техники и технологий. Р.С. Гинзбург, смеясь, сказала: «Надо, хочется, необходимо, но невозможно поднять такой объем материала. А жаль!» Но тут в дело включился организационный гений Валентины Иси-

ровны Перебейнос. И представители 29 коллективов из 22 городов Советского Союза собрались, разработали принципы словаря словосочетаний английского языка, съезжаясь сначала в Москву, а потом в Киев дважды в год в студенческие каникулы. В свое «свободное время», без отрыва от преподавания собирали материал словаря, расписывая на отдельные примеры книги, научные статьи, поэзию. Собрали колоссальную картотеку, которой были заполнены коридоры МГПИИЯ им. Мориса Тереза, а в дальнейшем чердак Киевского института иностранных языков. Отдельного рассказа заслуживала бы сама процедура росписи литературы, сортировки карточек по словам, по значениям, по моделям, формирования статей на одном семинаре и переписывания по другим принципам на следующем семинаре... Недавно подсчитали – семинар проработал 25 лет. А в промежутках между семинарами Р.С. Гинзбург, С.С. Хидекель, В.И. Перебейнос исследовали материал, пересматривали форму записи, проверяли тщательность сортировки, подачи в словаре, писали инструкции составителям и давали бесплатные индивидуальные консультации участникам семинара. За время этой работы ее участниками без учебы в аспирантуре было написано около 20 кандидатских диссертаций.

Это неимоверный, титанический труд, и все вручную. Даже печатных машинок было недостаточно. По сути собиралось вручную то, что потом при соответствующей технике получило форму Национальных лингвистических баз данных – «корпусов». А ведь эта база данных была изначально двуязычной!

Безумный по объему материал собранной базы при издании пришлось ограничить до частотного словаря наиболее употребительных словосочетаний². Но параллельно Р.С. Гинзбург и С.С. Хидекель с небольшим коллективом соавторов создали «Словарь глагольной сочетаемости английского языка»³. Через 20 лет он был переиздан в новой редакции, сделанной по инициативе С.С. Хидекель⁴.

Потом, много лет спустя, на материале той же картотеки был выпущен словарь «Морфология английского глагола»⁵ – единственное в своем роде лексикографическое произведение, в котором частотная лексика представлена в глагольных моделях употребления в четырех функциональных стилях – проза, драма, научная литература, язык газет – с точнейшими указателями частотности функционирования глагольных форм в данных речевых регистрах. Приводятся также модели и формы вариативного нестандартного употребления описываемой лексики.

Когда безвременно скончалась Цива Самойловна Горелик, исследователь адъективной сочетаемости, то на материале ее кан-

дидатской диссертации Р.С. Гинзбург (ее руководитель), С.С. Хидекель и А.Л. Альперин (муж Ц.С. Горелик) выпустили словарь адъективных словосочетаний английского языка⁶. Позднее, дополненный новым лексикографическим аппаратом, он также был переиздан по инициативе С.С. Хидекель⁷. Сам факт создания и выхода этого словаря говорит о многом – и о том, с какой серьезностью и уважением относились научные руководители к работе своих учеников⁸, и о том, насколько основательно трудились ученики под их руководством. Объемы исследованного материала и принципы их проработки в кандидатских диссертациях были достаточны для создания практического учебного словаря.

Направленность лексикографии на обучение стала ведущим принципом англо-русских и русско-английских словарей⁹, созданных по инициативе и при прямом авторском участии Сары Соломоновны. Педагог по призванию, она постоянно думала о способах представления лексики и увеличении ее объема в учебной аудитории, каким образом передать специфику аутентичного английского мышления студентам, изначально думающим на русском языке. Эти мысли не покидали ее и тогда, когда она уже активно не преподавала и всецело посвятила себя воплощению своих идей в целой системе учебных словарей. Принципами созданных ею словарей были также: 1) компаративно-контрастивная направленность, 2) учебная направленность, 3) частотный отбор заглавных слов, 4) признание словосочетания и его структурной модели единицей языка наравне со словом, 5) расширение семантического объема характеристики отобранной лексики за счет ее сочетаемости (например, последний сданный ею в печать словарь включает 786 заголовочных слов, семантика которых представлена в 20 000 словосочетаний), 6) обилие иллюстративного материала, в котором вскрываются семантические тонкости и выявляется англо-русская контрастивность.

При непосредственном авторском участии С.С. Хидекель за последние десятилетия были созданы и доведены до печати 16 англо-русских и русско-английских учебных словарей. Постоянно собиравшийся материал англо-русских словарей сочетаемости был подытожен и издан в электронном виде¹⁰. Была продолжена и традиция составления словарей наиболее употребительной лексики.¹¹

Особого описания заслуживает «Словарь служебных слов: коннекторы и модификаторы»¹². Своеобразие этого словаря, отличающее его от традиционных лингвистических пособий, состоит в его ориентации на синтактико-семантические функции, выполняемые словами и комбинациями слов при построении текста русскоязычным говорящим или пишущим. В этом состоит продуктивная роль

словаря. Трактовка семантики синтаксических функций единиц словаря обеспечивает его рецептивную роль. Основу описанной в словаре лексики составляют дискурсивные единицы – союзы, коннекторы, модальные модификаторы, а также функционально подобные им единицы, независимо от того, цельнооформлены они или нет (т.е. представляют собой слова или несвободные словосочетания), к каким морфологическим классам относятся и каким конструктивным средствам они соответствуют в русском языке.

Обе части словаря – коннекторы и модификаторы – снабжены уникальными теоретическими комментариями и сопоставлениями с русским языком, приложениями, которые в сжатом табличном виде приводят разные семантические соотношения трактуемых в словаре лексических единиц. Например:

ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Индекс союзов и коннекторов

A008	and	а, и все же
A011	apart from	не считая, не говоря о
Y001	and yet	и все же
	besides	не говоря о
B005	but	но, кроме
B007	but then	но в таком случае
B005	but yet	но все же
E004	except	кроме, за исключением
E004	except for	кроме
E005	except than	за исключением того, что
E004	excepting	кроме
H005	however	в отличие от ..., как бы ни, однако, тем не менее
W008	in contrast to/with	в отличие от...
N005	nevertheless	все же, как бы то ни было, несмотря на, однако, тем не менее
N006	nonetheless	тем не менее
N017	not that	не то чтобы
O006	on (to) the contrary	напротив, наоборот
O006	on the one hand	с одной стороны... (а/но) с другой (стороны)
O006	on the other hand	а то, а иначе
O008	or else	а то, в противном случае, иначе
O009	otherwise	или, или же, в противном случае
S001	save (that/for)	хотя, за исключением
	unlike	в отличие, не в пример, а ... не
W007	where	тогда как, а
W008	whereas	в то время как
W016	while	в то время как
	whilst	в то время как

За табличным представлением следует расширенный **комментарий**, описывающий специфику противительных синтакси-

ческих отношений, их сходство с отношениями сравнения, уступительными, сравнительными, и их отличия от последних. Поскольку эти примыкающие друг к другу типы часто выражаются одними и теми же словами, комментарий скрупулезно исследует различие функций в контексте, а также приводит соответствия с русскими эквивалентами, число которых выходит далеко за пределы тех, что приведены в таблице (*в противном случае, а то, а не то, или/либо, или же, иначе, наоборот, напротив, вовсе нет, совсем нет, зато, но зато, однако, в отличие от, в противоположность, не в пример, или...или*, и т.д.). Все это сообщает обсуждаемому словарю такую научную насыщенность, какой, как правило, не ожидают от лексикографического труда.

В последние годы Сара Соломоновна была озабочена реальной практической ценностью создаваемых ею словарей. Ее беспокоили вопросы: «Кто и как пользуется словарями? Для кого мы пишем? Что нового мы привносим в практику лексикографии, в знание о языке?» Такая озабоченность вызывалась и прагматической зауженностью современного преподавания английского языка, и тем, что использование английского в качестве глобального стандартного языка международного общения стало угрожать его языковой аутентичности¹³. Одно-однозначное соответствие слов возобладало в преподавании на многочисленных курсах, а научная лингвистическая подготовка педагога стала весьма сомнительной.

Эти мысли привели С.С. Хидекель к созданию нового типа русско-английских и англо-русских **объяснительных** словарей¹⁴. С полным правом эти словари можно назвать когнитивными¹⁵, так как они вскрывают внутреннюю форму английского / русского слова в отдельной части словарной статьи – сжатом комментарии различий русского и английского (английского и русского) слов, специфики их употребления, референтной отнесенности. Процесс осмысления и сопоставления внутренних форм языковых единиц, без сомнения, есть процесс когнитивный. Комментарий представлен в отдельной рамке, после заголовочной шапки «вводимое слово – его эквиваленты в сопоставляемом языке» и перед трактовкой его лексико-семантических вариантов с их разветвленной сочетаемостью. По сути эти когнитивные комментарии являются тем объяснением, которым квалифицированный преподаватель-лингвист обычно сопровождает вводимое в аудитории слово. Но сколько вы знаете сегодня таких квалифицированных преподавателей-лингвистов, которые обладали бы научным багажом С.С. Хидекель, ее скрупулезностью и тщательностью исследователя и опытом семантических штудий? Этот опыт трудно переоценить.

Вот пример лексикографической трактовки только одного слова¹⁶.

apply v 1. обращаться; 2. заниматься (*чем-либо*), посвящать (*себя чему-либо*); 3. применять, быть применимым, внедрять; 4. относиться, иметь отношение, распространять, распространяться; 5. использовать, употреблять

Английский многозначный глагол **to apply** имеет две семантические сферы, связанные с категориями одушевленности и неодушевленности. Первая относится к сфере коммуникаций – «**обращаться к кому-либо за чем-либо**» (*в основном с просьбой*), вторая – к сфере применения «**чего-либо к чему-либо**» (*как в интеллектуальной, так и в материальной областях*).

В русском языке этим значениям английского глагола **to apply** соответствуют разнообразные глаголы, выбор которых зависит от того существительного, на которое направлено действие.

1. обращаться; обращаться к кому-либо за чем-либо to apply to smb for smth; просить кого-либо о помощи to apply (to smb) for help; обращаться с просьбой о приеме на работу to apply for a job; подавать заявление о приеме в члены организации to apply for membership; обращаться по какому-либо (следующему) адресу to apply at a certain (the following) address; <...>

*** Мы обратились к властям за помощью. We applied to the authorities for assistance. Капитан подал в штаб рапорт о переводе на другое место службы. The captain applied to headquarters for a transfer.

2. заниматься (*чем-либо*), посвящать (*себя чему-либо*); усердно заниматься чем-либо / посвятить себя чему-либо to apply oneself to smth; заняться литературой (математикой) / посвятить себя литературе (математике) to apply oneself to literature (mathematics); <...>

*** Она приступила к своим новым обязанностям с большим рвением. She applied herself to her new duties with great energy.

3. применять, быть применимым, внедрять; применять правило к данному случаю to apply the rule to this case; применять / внедрять новые методы (новый принцип, новый закон, новую систему) to apply new methods (principle, law, system).

*** Это правило в данном случае не действует / не применимо. This rule doesn't apply in this case.

4. относиться, иметь отношение, распространять, распространяться.

*** Это правило относится ко всем / распространяется на всех. This rule applies to everybody. К вам это не имеет отношения. It doesn't apply to you. Это распространяется на все случаи. It applies to all cases.

5. использовать, употреблять; употреблять / накладывать косметику to apply new cosmetics / make up; пользоваться тормозом/затормозить to apply breaks; прилагать усилия (все свое умение) to apply effort (all one's skill) <...>

*** Я бы не употребил это слово / этот термин в этом контексте. I wouldn't apply this word/term to this context.

А таких слов в русско-английском объяснительном словаре 232 и 786 в англо-русском. За основу отбора заголовочной лексики в этих словарях взят принцип языковой асимметрии: одно исходное слово для включения в словарь должно иметь множественные соответствия в другом языке, так называемый «веер» соответствий.

Особой чертой всех описываемых словарей является система **индексов и приложений**. В разных словарях приложения разные, система *приложений* продолжает обучающие цели самого словаря. Например, в словаре «сочетаемости и трудностей употребления»¹⁷ приводятся приложения «Основные правила употребления артиклей» и «Система и употребление модальных глаголов в сопоставлении с русским языком». Система представлена в табличном виде, фиксирует все типы синтаксического употребления и семантического соответствия / несоответствия с русским языком. Ни в одной практической грамматике вы не найдете такой тщательной проработки модальных глаголов в контрастивном плане, как в этом приложении.

В уже упоминавшемся словаре служебных слов (см. примеч. 12) приводится обширный комментарий, характеризующий русско-английские соответствия коннекторов и модификаторов с подробной интерпретацией синтаксической семантики, в которой данные дискурсивные слова являются смыслоорганизующими единицами (пространственные отношения, временные, условные, причинные, уступительные и т.п.; логические модификаторы, эмфатические модификаторы, синонимические ряды модификаторов и т.д.).

В словаре, посвященном прилагательному¹⁸, приводятся русские эквиваленты трактуемых в словаре английских прилагательных с моделями употребления в английском языке (один этот список занимает в словаре 50 страниц). Огромной исследовательской работы потребовал и индекс (также на 50 страницах) моделей управления прилагательного, организованный по предлогам, которые, как правило, являются причиной многих ошибок у изучающих язык. При контрастивных отношениях описываемых слов посвященные им статьи сопровождаются то грамматическими комментариями *USAGE NOTES*, то синонимическими рядами с подробным описанием различий в их семантике — *CHOICE OF WORDS*, то выражениями, концептуально связанными с объясняемым словом через метафорическую образность *IMAGERY*, то культурологическими замечаниями *CULTURAL COMMENTARY*.

Система индексов позволяет использовать любой словарь С.С. Хидекель и в «обратном» направлении: англо-русский как русско-английский и наоборот, что вдвое увеличивает информационную ценность каждого словаря. Лингвистическая тщательность автора проявляется также в разветвленной системе перекрестных ссылок.

Стоит обратить внимание и на характер **предисловий** к словарям, которые являются отдельными теоретическими статьями по вопросам сочетаемости, теории описываемого явления, практики лексикографии. Так, в последних двух объяснительных словарях сделана попытка выявления типологии русско-английских / англо-русских языковых асимметрий.

Сара Соломоновна видела смысл в исследовании и лексикографическом описании лексики только в том случае, если за этим следовало теоретическое обобщение, некое правило, которое могло бы способствовать развитию лингвистического мышления студента, интенсифицировать процесс изучения языка.

Например, в последнем из сданных ею в печать словарей, англо-русском объяснительном, содержится **типология** языковых асимметрий, которая могла бы способствовать образному видению иностранного слова. Такая постановка вопроса дает новый взгляд на многозначность при двуязычном, контрастивном ее рассмотрении. Так, слово *ball*, имеющее в русском языке эквиваленты «мяч, шар, ядро, фрикадельки, вериги, глазное яблоко, коленная чашечка и т. д.» и традиционно считавшееся многозначным, вряд ли является таковым при интралингвистическом рассмотрении. Скорее это однообразное видение предмета, а слово приобретает конкретность лишь в контексте, при указании на референтную область. В этот разряд попадают слова типа *arm, back, bank, bar, bed, ear, age, face* и т. д.

Сара Соломоновна работала интенсивно до последнего дня. В работе остались «Русско-английский словарь глагольной сочетаемости» и «Англо-русский словарь именной сочетаемости», в переработке – словарь «Типовых трудностей английского языка»¹⁹, который она планировала превратить в контрастивно-сопоставительную лексическую грамматику.

И при этом она часто спрашивала: «А как еще можно было бы описать лексику? С какой стороны?» – «Давайте закончим то, что начато», – отвечала я. Она смеялась и говорила: «Не для меня, а так, в целом, для лексикографии».

С этими мыслями она ушла из жизни на следующий день после того, как ей исполнилось 96 лет. Она была последней из наших гениальных преподавателей и научных руководителей. Последняя из могикан. С ней ушла эпоха.

Эпоха ушла, оставив нас, их учеников, разбросанных по всей стране, с ощущением семейного родства, с ощущением единого научного корня, общности научного мышления и видения. В этом тоже состоит их научный, гражданский и человеческий подвиг. Под их руководством мы прошли высшую школу человеческих отношений. Низкий им поклон.

- ¹ Ginsburg R.S., Knjazeva G.J., Sankin A.A., Khidekel S.S. A Course in Modern English Lexicology. М.: Высшая школа, 1979.
- ² A Deskbook of Most Frequent English Collocations = Справочник наиболее употребительных английских словосочетаний: Пособие для учителя / В.И. Перебейнос, С.С. Хидекель, Л.Р. Вайнер, Н.О. Волкова, И.С. Кесельман, И.М. Слонимская. М.: Просвещение, 1986.
- ³ Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / Под ред. Э.М. Медниковой; [авт. Р.С. Гинзбург и др.]. М.: Русский язык, 1986.
- ⁴ Хидекель С.С., Кауль М.Р., Кесельман И.С. Английский глагол: сочетаемость и управление: Англо-русский словарь = English Verb. English-Russian Dictionary. М.: АСТ; Астрель; Ермак, 2004.
- ⁵ Морфология английского глагола: система и функционирование: Справочник = Morphology of the English Verb: System and Functioning. Reference Book / Е.И. Гороть, М.Р. Кауль, И.С. Кесельман, В.И. Перебейнос, Л.С. Рудакова, С.С. Хидекель. М.: Изд-во РГГУ, 2008.
- ⁶ Адъективные словосочетания английского языка. М.: Просвещение, 1969.
- ⁷ Английское прилагательное: управление и сочетаемость: Тематический англо-русский словарь-справочник / Ц.С. Горелик, Р.С. Гинзбург, С.С. Хидекель, А.Л. Альперин. М.: ЭТС, 2001.
- ⁸ В личных библиотеках Р.С. Гинзбург и С.С. Хидекель до сих пор хранятся экземпляры кандидатских диссертаций их аспирантов. Было правилом, что вновь поступающий аспирант прочитывал все работы предыдущих аспирантов и, проанализировав, находил свое место в намеченной тематике. Так создавалась школа.
- ⁹ Правда, впрямую эта направленность подчеркнута только в заглавии и подзаголовке словаря: Хидекель С.С., Кауль М.Р. Англо-русский учебный словарь. Мы и мир вокруг нас: Тематическая лексика с заданиями = English-Russian Reference Book. We and the World Around Us. Topical Vocabulary With Assignments. М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2008.
- ¹⁰ Хидекель С.С., Кауль М.Р. Большой англо-русский словарь сочетаемости (компьютерная версия). М.: АБВУУ, 2010. В несколько сокращенном виде (издательства отказывались принять столь объемный материал для печати) словарь вышел в книжном издании: Хидекель С.С., Кауль М.Р. Большой англо-русский словарь сочетаемости. М.: АСТ; Астрель, 2012.
- ¹¹ Хидекель С.С., Кауль М.Р. Англо-русский словарь наиболее употребительной лексики = The Vocabulary You Cannot Do Without. М.: Форкис, 1994. Переиздание: Хидекель С.С., Кауль М.Р. Англо-русский словарь наиболее употребительной лексики. М.: Русский язык, 2002.
- ¹² Хидекель С.С., Кауль М.Р., Гинзбург Е.Л. Англо-русский словарь служебных слов = Connectors and Modifiers: English-Russian Dictionary. М.: Русский язык, 2003. (Изд. 2-е. М.: АСТ; Астрель, 2008.)
- ¹³ Недаром в заглавии и в подзаголовке одного из словарей С.С. Хидекель и по-русски и по-английски дважды подчеркнуты «настоящность» того отраженного в нем английского языка: Хидекель С.С., Кауль М.Р. Living English in Real Situations (With Exercises, Keys and a Glossary) = Реальный английский: диалоги в актуальных ситуациях. М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2005.

- ¹⁴ Хидекель С.С., Кауль М.Р. Русско-английский объяснительный словарь. М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2006. (Изд. 2-е, 2010. Изд. 3-е, 2011.) Хидекель С.С., Кауль М.Р. Англо-русский объяснительный словарь. М.: АСТ; Астрель (в печати).
- ¹⁵ Стоит сказать, что сама Сара Соломоновна относилась скептически к когнитивному направлению, видела в нем лишь развитие семантической теории предшествующих десятилетий в новой терминологии.
- ¹⁶ В целях компактности представления статьи в данном тексте количество приводимых в каждом значении словосочетаний значительно сокращено. Сокращения отмечены знаком <...>
- ¹⁷ Хидекель С.С., Кауль М.Р., Гинзбург Е.Л. English-russian Combinatory and Usage. Dictionary for Russian Students. М.: Флинта; Наука, 1998. (Переиздание: Хидекель С.С., Кауль М.Р., Гинзбург Е.Л. Учебный англо-русский словарь сочетаемости и трудностей словоупотребления = English-Russian Combinatory and Usage Dictionary for Russian Learners. М.: Астрель; АСТ, 2002).
- ¹⁸ Хидекель С.С., Кауль М.Р. Английское прилагательное: Англо-русский словарь-справочник = English Adjective. М.: Астрель, 2002.
- ¹⁹ На основе ранее изданных: Хидекель С.С., Кауль М.Р., Гинзбург Е.Л. Трудности английского словоупотребления: Словарь-справочник. М.: Менеджер, 1998. Они же. Трудности английского словоупотребления = English Trouble Words for Russian Students. М.: Астрель; АСТ, 2002.

Abstracts

Farewell to Yuri Shikhanovitch

The articles present memoirs about Yuriy Shikhanovitch, who through decades taught mathematics in various linguistic institutions of Moscow. An interview with Shikhanovitch in which he explains his teaching principles and his long way in the career is published for the first time.

Key words: Yuriy Shikhanovitch, history of linguistic education in Russia, peculiarities of teaching mathematics to linguistics students.

K. Gadilia

Iranian and Balkan language parallels (the category of indefiniteness and definiteness)

Postpositional articles represent one of the essential features of comparative investigation of Iranian languages and the languages of Balkan language unity. Intention of postpositional marking is a significant part of the general typological picture. The paper suggest more or less detailed description of definite and indefinite articles in Iranian languages and languages of the Balkan language unity.

Key words: Iranian languages, the Balkan language unity, article, category of definiteness and indefiniteness.

A. Zhitnikovskaya

Semantic peculiarities of detached attributes in modern English

The paper contains the analysis of semantic and syntactic features of one of the most frequently detached parts of sentence in belles-lettres – an attribute. It focuses on the essence and the syntactical structure of the attribute and its morphological characteristics. The paper also highlights the additional shades of meaning of detached attributes.

Key words: attribute, a detached attribute, postposition, preposition, syntax, linguistic unit, descriptive attribute, limiting attribute.

M. Kozyreva

Offensive language and the difficulties of its translation from English to Russian (as exemplified by subtitles in the «Bridget Jones' Diary»)

The article is dedicated to the translation peculiarities of offensive and abusive language from English into Russian in romantic comedy film «Bridget Jones' Diary». The article covers reduction of offensive language and inappropriate usage of profanities in Russian translation.

Key words: translations' difficulties, offensive and abusive language.

M. Rukodelnikova

Negation and prospects of typological change in Dungan

Dungans of Central Asia have about 150-year-old history. Their isolation from China has essentially affected not only their life, but on their language as well. Not only a certain amount of words came to Dungan from Russian, Kirghiz and Kazakh languages, but some grammatical features appeared which were unusual for the Mandarin Chinese. The comparative analysis of negative constructions in Dungan and Mandarin Chinese can show both similarity and es-

sentential distinction of these languages. The development of Dungan morphology helps us to predict the typological change of Dungan.

Key words: Mandarin Chinese, Dungan language, verbal morphology, dialect of Gansu, negation in Dungan.

T. Skulacheva

Syntax of Verse: Full-stressed iambic pentameter of Alexander Pope and George Byron

The distribution of close and loose syntactic ties in English iambic pentameter of Byron and Pope is studied. Regularities typical of verse in different languages (English, French, Russian), as well as regularities typical for Classicism and Romanticism and individual styles of the authors are described.

Key words: syntax in verse, syntactic ties, verse line, iambic pentameter, Pope, Byron.

A. Shaikovich

Lexicon of XIX century Russian prose in comparison with the National corpus of the Russian language

An attempt is made to discover specific features (keywords) of the Frequency dictionary of XIXth century Russian prose as compared to the Russian frequency dictionary, which covers many genres of the second half of the XX century. The diminishing frequency of thousands of words may be due to a) long term linguistic trends; b) thematic and stylistic changes in literature proper, and c) changes in technology and way of life. It is argued that frequencies of collocations may contribute to further progress in comparison of frequency dictionaries.

Key words: comparison of frequency dictionaries, XIX c. Russian prose, frequency of word collocations, causes of frequency changes, statistical linguistics.

S. Burlak

Human language as a communication commentary-system

The specific features of human language depend to a large extent on the vast, potentially unlimited number of possible signals it may have. In the article, I put forward a hypothesis according to which the main thing determining the potential infinity of the human language is a subconscious belief that language is a set of labels, and means for commenting on what is happening around. The fact that language emerged as a communication system intended for commenting, predetermined, the transition from gestures to articulate speech.

Key words: language origin, communication system, anthropogenesis, articulate speech.

E. Panov

What can the study of animal communication give for the understanding of the emergence of the language?

The view that the roots of language can be traced already in animal communication is discussed and criticized. This notion is currently especially popular among some linguists who adhere to the so-called «cognitive revolution» paradigm. Contrary to this conception, another approach is put forth, according to which the specificity of the animal communication can be understood adequately by means of shift attention from «individual signals» to examination of it as a process. Four main features of communication processes in animals are high-

lighted and discussed: 1) the continuity of the signal means; 2) meaningless of most such «signals»; 3) useful information can be translated and received only in the framework determined by the proper spatial and temporal coordinates; 4) the great redundancy of the message translation. I suggest that the search of the real roots of language should be restricted to the intensive studies of cognitive abilities of our closest relative, namely chimpanzees.

Key words: animal communicative systems, anthropomorphism and «honest» communication, «cognitive revolution» paradigm, communicative process, communicative process in animals, functional referential signals; chimpanzees cognitive abilities.

A. Vanjykov

Generation of metaphors in «decameronic» episode of the Life of Aesop as a sign of its alien origin

Aesopus and his master's wife commit an adultery. As she refuses to grant the promised gift to him, Aesopus puts a question to his masters' examination. The essence of the «labour dispute» is stated metaphorically; adultery itself is taken out of discourse. This decameronic story, as the article argues, seems to be a foreign body against a novel background. The most proper type of episode in the part of narrative surrounding adultery scene can be named the 'order episode': executing order nominally, servant perverts its meaning by means of semantic exchanges. The article demonstrates parallels between Life of Aesop, Till Eulenspiegel and folk tales.

Key words: Life of Aesop, Till Eulenspiegel, metaphor, tropes, semantic exchange, master and farmhand, folk tale.

I. Mel'čuk

Viktor Ju. Rosenzweig (1911–1998)

The paper is dedicated to the life and scientific activity of Victor Ju. Rosenzweig, organizer and patron of young Soviet linguistics in 1950–1970-ies in Moscow. It is based on personal memories of the author, who had the honor to be Rosenzweig's younger friend for more than forty years.

Key words: Victor Rosenzweig, history of Soviet linguistics, Machine Translation Laboratory, Moscow Semantic School.

Marina Kaul

On linguistic legacy of Sara Khidekel

Sara Khidekel (1915–2011) is an initiator and author of 16 English-Russian and Russian-English Learner's dictionaries. The article explains the main principles and structural peculiarities of these dictionaries. The author dwells on academic activities of Dr. Rozalia Ginzburg and Dr. Sara Khidekel as initiators of the academic school of linguistics later reflected at the lexicographic work described.

Key words: Sara Khidekel, Rozalia Ginzburg, teaching English as a second language, learner's lexicography, contrastive lexicography, comparative lexicography.

Об авторах

Михаил Иванович Белецкий – канд. физ.-мат. наук, эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии Украины, mbeletsky@gmail.com.

Надежда Викторовна Браккер (урожд. *Вайсфельд*) – гл. специалист Центра по проблемам информатизации сферы культуры, Москва, nbrakker@gmail.com.

Светлана Анатольевна Бурлак – канд. филол. н., ст. науч. сотрудник Института востоковедения РАН, ст. науч. сотрудник филологического факультета МГУ, svetlana.burlak@bk.ru.

Илья Евсеевич Бурмистрович – канд. физ.-мат. наук, пенсионер, ilyabur@gmail.com.

Андрей Сергеевич Ванюков – преп. Каф. древних языков Института лингвистики РГГУ, a_van_97@mail.ru.

Александр Дмитриевич Вентцель – доктор физ.-мат. наук. С 1961 по 1990 г. преподавал на механико-математическом факультете МГУ, в 60-е годы также на Отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета. В настоящее время преподает математику в университете Тулейн в Новом Орлеане (США), wentzell@math.tulane.edu.

Кетеван Гадилиа – канд. филол. наук, науч. сотрудник Института перевода Библии, kgadiliya@gmail.com.

Сергей Иосифович Гиндин – канд. филол. наук, профессор, зав. Каф. теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ, гл. редактор серии «Филологические науки. Языкознание / Московский лингвистический журнал» журнала «Вестник РГГУ», tipling@gmail.com.

Анастасия Сергеевна Житникова – аспирант Московской Гуманитарно-Технической Академии (МГТА), преподаватель иностранных языков в МГТА, calineel@bk.ru.

Марина Рафаиловна Кауль – канд. филол. наук, профессор Каф. английского языка Института филологии и истории РГГУ, лексиколог, лексикограф. Организатор Российско-американского учебно-научного центра РГГУ, kaulmar@mail.ru.

Владимир Кейдан – доцент Института славистики Университета г. Урбино, Италия, v.keidan@gmail.com.

Сергей Адамович Ковалев – председатель правления Российского общества «Мемориал», председатель правления Общественной комиссии по сохранению наследия академика Сахарова, sa.kovalev@mail.ru.

Мария Михайловна Козырева – аспирант Российского Университета Дружбы Народов, Москва, fle-ur@yandex.ru.

Ольга Владимировна Коробцева – канд. технич. наук, переводчик Московского бюро немецкого телевидения АРД, olgakor@inbox.ru.

Григорий Ефимович Крейдлин – доктор филол. наук, профессор Кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ, gekr@iitp.ru.

Игорь Александрович Мельчук – канадский лингвист российского происхождения, родился в 1932-м году в Одессе. Жил, учился и работал в Москве, где окончил среднюю школу и университет (по специальности «романская филология»). С 1954-го года принимал участие в исследованиях по машинному переводу, став одним из пионеров в этой области. В 1956-м году был принят на работу в Институт Языкознания Академии Наук СССР, где и проработал 20 лет, занимаясь лингвистикой в различных ее аспектах. В 1976-м году был уволен по политическим мотивам (опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» письмо в защиту Андрея Сахарова и Сергея Ковалева) и был вынужден эмигрировать в Канаду. С 1977-го до выхода на пенсию (2009-й год) – профессор на кафедре лингвистики и перевода Монреальского университета. Член Канадского Королевского общества и член-корреспондент Австрийской Академии Наук; доктор Honoris Causa Безансонского университета (Франция). Автор тридцати восьми опубликованных книг и двухсот сорока статей. В настоящее время проживает в Монреале; igor.melcuk@umontreal.ca.

Панов Евгений Николаевич – доктор биол. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Института проблем экологии и эволюции РАН, panoven@mail.ru.

Перцов Николай Викторович – доктор филол. наук, ведущий науч. сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, nvpertsov@rambler.ru.

Виктор Раскин – Ph.D., заслуженный профессор лингвистики, почетный профессор вычислительных наук, Университет имени Пардью, Уэст Лафайетт, штат Индиана, США, vraskin@purdue.edu.

Александра Александровна Раскина – выпускница Отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ (1965 г.), преподаватель русского языка и литературы на Отделении германистики и славистики университета Тулейн в Новом Орлеане, sasha.raskina@gmail.com.

Мария Борисовна Рукодельникова – канд. филол. наук, зав. Каф. восточных языков Института лингвистики РГГУ, mashru@yandex.ru.

Татьяна Владимировна Скулачева – канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, skulacheva@yandex.ru.

Алексей Брониславович Сосинский – канд. физ.-мат. наук, профессор Независимого Московского Университета, asossinsky@yandex.ru

Яков Георгиевич Тестелец – доктор филол. наук, профессор Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики РГГУ, yakov_ts@mail.ru.

Георгий Борисович Шабат – доктор физ.-мат. наук, профессор Каф. математики, логики и интеллектуальных систем Института лингвистики РГГУ, shabat@mccme.ru.

Анатолий Янович Шайкевич – доктор филол. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор Каф. теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ, cfrl@rli.ru.

Екатерина Юрьевна Шиханович – науч. сотрудник архива А.Д. Сахарова, дочь Ю.А. Шихановича, katya-shich@mail.ru.

Таисия Владимировна Штарева – сотрудник группы лексического синтаксиса в АБВУУ Инфопоиск, tshtareva@yandex.ru.

General data about the authors

Mikhail Beletsky – Cand. of Mathematics, Expert of the Center for Political and Conflict Studies, Kiev, Ukraine, mbeletsky@gmail.com.

Nadezhda Brakker – Senior Expert of the Centre of Informatisation in the Sphere of Culture in Moscow, nbrakker@gmail.com.

Svetlana Burlak – Cand. of Phil., Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Moscow State University, svetlana.burlak@bk.ru.

Ilya Burmistrovich – Cand. of Physical and Mathematical Sciences, Retiree, ilyabur@gmail.com.

Ketevan Gadilia – Cand. of Phil., Research Associate with the Institute for Bible Translation, kgadiliya@gmail.com.

Sergej Gindin – Cand. of Phil., Professor of the RSUH Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics, Executive Editor of the Linguistic Series «Moscow Journal of Linguistics» in «RGGU Bulletin», tipling@gmail.com.

Marina Kaul – Cand. of Phil., Professor at the Department of Modern English at the School of Philology and History, RSUH. Lexicologist and Lexicographer. M. Kaul is organized Russian-American Academic Center at the RSUH in 2004, kaulmar@mail.ru.

Vladimir Keidan – Associate Professor of the Institute of Slavic Studies at the University of Urbino, Italy, v.keidan@gmail.com.

Olga Korobtseva – Cand. of Technical Sciences, Translator, ARD, German TV, Studio Moscow, olgakor@inbox.ru.

Sergej Kovalev – Chairman of the Russian Memorial Society, Chairman of the Public Commission for the Preservation of the Heritage of Academician Sakharov, sa.kovalev@mail.ru.

Maria Kozyreva – Postgraduate Student of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, fle-ur@yandex.ru.

Grigorij Kreidlin – Doctor of Phil., Professor of the Russian Department of the Institute of Linguistics, RSUH, gekr@iitp.ru.

Igor Mel'čuk – a Canadian linguist of Russian extraction, was born in 1932, Odessa (then the Soviet Union; now – Ukraine). He lived, studied and then worked in Moscow, where he graduated from the high school and the Lomonosov University (in Romance philology). As early as 1956 he actively participated in Machine Translation research, thus becoming one of the pioneers in this domain. In 1956 he accepted a position in the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, where he remained over 20 years, doing linguistics in several aspects. In 1976 he was fired under political accusations (after having published in «The New York Times» a letter in defense of Andrej Sakharov and Sergej Kovalev) and forced into emigration. Since 1997 up to his retirement (in 2009) he had been Professor at the Department of linguistics and translation of the University of Montreal. He is a Fellow of the Canadian Royal Society and a Corresponding Member of the Austrian Academy of

Sciences, as well as a Doctor Honoris Causa of Besançon University, France. Mel'čuk authored 38 published books and 240 scientific papers. At present, he lives in Montreal; igor.melcuk@umontreal.ca.

Evgenij Panov – Doctor of Biol., Professor of the Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences, panoven@mail.ru.

Nikolaj Pertsov – Doctor of Phil., Leading Researcher of the Viktor Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, nvpertsov@rambler.ru.

Victor Raskin – Ph.D., Distinguished Professor of English and Linguistics, Professor of Computer Science (Courtesy Appointment), Purdue University West Lafayette, Indiana, USA, vraskin@purdue.edu.

Alexandra Raskina – Graduated from the Division of Structural and Applied Linguistics of Philology Department of Moscow State University (1965), Lecturer of Russian Language and Literature at Tulane University (New Orleans, USA), sasha.raskina@gmail.com.

Maria Rukodelnikova – Cand. of Phil., Head of the Oriental Languages Department in the Institute of Linguistics, RSUH, mashru@yandex.ru.

Jakov Testelefs – Doctor of Phil., Professor of the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics, RSUH, yakov_ts@mail.ru.

Georgij Shabat – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Math, Logic and Intellectual Systems of the Institute of Linguistics, RSUH, shabat@mccme.ru.

Anatolij Shaikevich – Doctor of Phil., Professor, Senior Researcher of the Viktor Vinogradov Institute of Russian Language, the Russian Academy of Sciences, Professor of the RSUH Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics, cfrl@rli.ru.

Ekaterina Shikhanovich – Researcher of the Andrej Sakharov Archive; daughter of Yuriy Shikhanovich, katya-shich@mail.ru.

Taisia Shtareva – Researcher in the Lexical Syntax Group, ABBYY Infopoint, tshtareva@yandex.ru.

Tatyana Skulacheva – Cand. of Phil., Leading Researcher of the Viktor Vinogradov Institute of Russian Language, the Russian Academy of Sciences, skulacheva@yandex.ru.

Alexej Sossinsky – Cand. of Mathematics, Full Professor at the Independent University of Moscow, asossinsky@yandex.ru.

Andrej Vanjykov – Lecturer at the RSUH Department of Ancient Languages of the Institute of Linguistics, a_van_97@mail.ru.

Alexander Wentzell – Doctor of Physical and Mathematical Sciences. From 1961 to 1990 taught at the Department of Mechanics and Mathematics of the Moscow State University, in the 1960's also at the Division of Structural and Applied Linguistics. At present lives in the USA and teaches Mathematics at Tulane University in New Orleans, wentzell@math.tulane.edu.

Anastasia Zhitnikovskaya – Postgraduate Student and Lecturer of Foreign Languages in Moscow Academy of Humanity and Technology, calineel@bk.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Компьютерная верстка: *Н.Г. Семенова*

Формат 60х90 $\frac{1}{16}$
Уч.-изд. л. 15,0 Усл. печ.л. 15,0
Тираж 1050 экз. Заказ № 46

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru